

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 4 2024 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

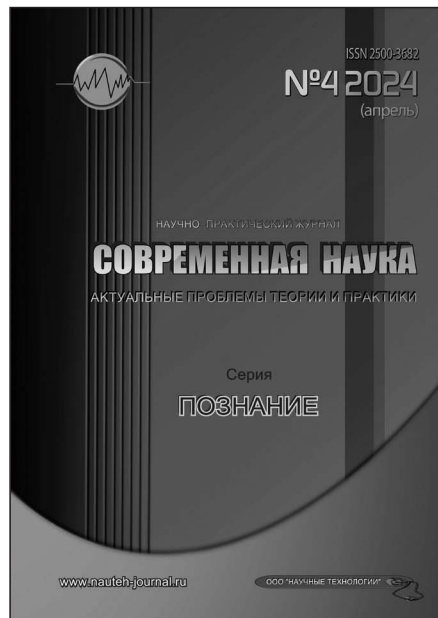
Подписано в печать 12.04.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №4 (апрель) 2024 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Орлова Е.М.** – Карнавальные традиции Италии в контексте идей Г.Д. Гачева
Orlova E. – Carnival traditions of Italy in the context of G.D. Gachev's ideas 5
- Петрова С.И.** – О концепциях культурно-исторического процесса и пределах их применимости
Petrova S. – About the concepts of the cultural-historical process and the limits of their applicability 11

Психология

- Анисимова Ю.Н., Коновалова Е.В., Саттарова А.А.** – Социально-психологический тренинг как метод коррекции зависимого поведения подростков
Anisimova Yu., Konovalova E., Sattarova A. – Socio-psychological training as a method of correction of dependent behavior of adolescents 15
- Бельских А.В.** – Взаимосвязь мотивационных особенностей игровой деятельности у электроэнергетиков и успешности в профессиональном обучении
Belskikh A. – The relationship of motivational features of gaming activity among electric power engineers to success in professional training 21
- Дорошева Е.А., Рушенко М.В.** – Специфика психофизиологических коррелятов произвольных компонентов регуляции эмоций у молодых людей с разным уровнем алекситимии
Dorosheva E., Rushenko M. – Specificity of psychophysiological correlates of various components of emotion regulation in young people with different levels of alexithymia 23

- Кожевина А.П., Дубровина С.В., Карабинская О.А., Семенова А.А.** – Особенности ценностно-смысловой сферы личности студентов направления подготовки «Психология служебной деятельности»
Kozhevina A., Dubrovina S., Karabinskaya O., Semenova A. – Features of the value and meaning sphere of personality of students in the direction of training "Psychology of office activity" 27
- Копачевская М.А.** – Социально-психологические факторы доверия текстам в интернет-среде и межличностного доверия
Kopachevskaya M. – Socio-psychological factors of trust texts on the internet environment and interpersonal trust 32
- Мароян А.К., Бурькина М.Ю.** – Конструкт «идентичность личности» в зарубежной психологии
Maroyan H., Burykina M. – The construct of "identity of personality" in foreign psychology 37
- Мароян А.К., Бурькина М.Ю.** – Развитие личностной идентичности: возрастной аспект
Maroyan H., Burykina M. – Personal identity development: age aspect 42
- Позднякова А.В.** – Социально-психологическое представление молодёжи о супружеских отношениях в современном мире
Pozdnyakova A. – Socio-psychological representation of youth about marital relations in the modern world 49
- Рагулина М.В., Черепанова А.Ю.** – Взаимосвязь аддиктивной установки с типом привязанности у женщины в супружеских отношениях
Ragulina M., Cherepanova A. – The relationship of the additive personality attitude in a relationship with the type of attachment 54

Философия

Гилл Е.В., Крапчунов Д.Е. – Локализм в Таиланде, или почему не нужно защищать традицию
Gill E., Kravchunov D. – Localism in Thailand, or why there is no need to protect tradition 58

Ковалева М.В., Орлова Е.М. – Репрезентация культуры брачно-семейных отношений общества постмодерна в жизни молодежи
Kovaleva M., Orlova E. – Representation of the culture of marriage and relations in the postmodern society in the life of young people 63

Пономаренко О.П., Ан С.А. – Идеи В.С. Соловьева в осмыслении культурной политики России: социально-философский анализ
Ponomarenko O., An S. – V.S. Solovyov's ideas for understanding the cultural policy of Russia: social and philosophical analysis 68

Тузов В.В., Куртов С.Ю. – Отражение проблемы устойчивости в античной философии
Tuzov V., Kurtov S. – Reflection of the problem of sustainability in ancient philosophy 72

Фетисова Е.Н. – Творчество композиторов «серебряного века» через концепцию коллективного бессознательного Юнга
Fetisova E. – Works of composers of the "Silver Age" through Jung's concept of the collective unconscious 79

Хасуев А.Э., Денисова А.Б., Пронер Н.С. – Анализ философского понимания молодежных субкультур: между индивидуализмом и коллективизмом
Khasuev A., Denisova A., Proner N. – Analysis of the philosophical understanding of youth sub-cultures: between individualism and collectivism 84

Информация

Наши авторы. Our Authors 89
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 90

КАРНАВАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ИТАЛИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ Г.Д. ГАЧЕВА

Орлова Екатерина Марковна

кандидат психологических наук, доцент, Московский
государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке
katrinorlova@inbox.ru

CARNIVAL TRADITIONS OF ITALY IN THE CONTEXT OF G.D. GACHEV'S IDEAS

E. Orlova

Summary: The article considers the peculiarities of carnival traditions of Italy, which represent a special form of artistic and creative existence of the Italian people, in the context of G.D. Gachev's concept of Cosmo-Psycho-Logos. It is shown that G.D. Gachev's concept, assuming a complex cosmo-psycho-logical analysis of the phenomena of culture and art, helps to comprehend in an original theoretical perspective the peculiarities and significance of Italian carnival traditions in the totality of their cultural-historical, artistic-aesthetic and mental aspects. The analysis also allows us to consider the preservation of national identity and cultural sovereignty in the context of the country's popular carnival traditions.

Keywords: carnival traditions, Italy, G.D. Gachev, Cosmo-Psycho-Logos, triad, culture, art, mentality, identity.

Аннотация: В статье в ракурсе концепции Космо-Психо-Логоса Г.Д. Гачева рассматриваются особенности карнавальных традиций Италии, представляющих собой особую форму художественно-творческого бытия итальянского народа. Показывается, что концепция Г.Д. Гачева, предполагающая комплексный космо-психо-логический анализ феноменов культуры и искусства, помогает осмыслить в оригинальном теоретическом ракурсе особенности и значение итальянских карнавальных традиций в совокупности их культурно-исторических, художественно-эстетических и ментальных аспектов. Анализ также позволяет рассмотреть вопросы сохранения национальной идентичности и культурного суверенитета в контексте народных карнавальных традиций страны.

Ключевые слова: карнавальные традиции, Италия, Г.Д. Гачев, Космо-Психо-Логос, триада, культура, искусство, ментальность, идентичность.

Георгий Дмитриевич Гачев (1929-2008) – российский философ, культуролог, литературовед и эстетик. В своих работах он исследовал национальные образы мира, ментальности народов мира, определяя их через космо-психо-логическое единство, основанное на поиске взаимосвязей между Космосом (природным миропорядком), Психеей (ментальностью народа) и его Логосом (умом, логическим началом мировосприятия), используя для описания этих образов «метаязык четырех стихий» [3, 5]. Его особый стиль изложения во многом связан с тем, что, как пишет Г.Д. Гачев «Я не чувствую себя уверенно в точных науках, в математике, в рассудочной логике, но своей стихией более ощущаю созерцание, медитацию, интуицию, воображение» [3, с. 36-37]. Особенность его творческого подхода определяется также и тем, что Г.Д. Гачев вырос в музыкальной среде. Как пишет учёный: «музыкальный тип развития мысли перешёл в мои литературно-философские сочинения: там ощутимы вариации, разработка, полифония, инструментовка... Музыка – постоянный спутник моей жизни и мысли». [4, с.3]. Именно музыкальная направленность мышления Г.Д. Гачева, на наш взгляд, позволяет ему столь тонко и многогранно рассматривать национальные образы мира, различные явления национальных культур, рассматривать их как музыкальные композиции, где каждый элемент имеет своё смысловое значение. Стиль изложения Г.Д. Гачева, насыщенный музыкальными смыслами и образами, позволяет ему видеть в национальных и культурных особенностях гармонию и полифонию, законы которых

могут быть применены и к исследованию итальянских карнавальных традиций, где каждый элемент (маска, костюм, декор, праздничный обряд) играет свою партию в общей симфонии праздника. Так Г.Д. Гачев пишет: «Мне возражают: так ли уж различны умы народов? Разве не все мы одинаковые человеческие существа, способные понимать всё? Разумеется, все равные и равноценные. Но взгляните на инструменты оркестра. Они все – музыка, все исполняют ее. Но один – флейта, другой скрипка, труба, фагот, арфа... Каждый обладает своим тембром и добавляет свою краску в симфонию Вселенной» [3, с.14]. Таким образом, музыкальное мышление Г.Д. Гачева во многом служит его самобытному пониманию и интерпретации культурного наследия человечества через его космо-психо-логическую триаду.

Исследование природы функционирования триад является актуальным для философского осмысления роли триединства в развитии мира, что отражено в работах А.А. Спасского, П.А. Сорокина, Р.Г. Баранцева, А.Р. Фокина, П.Я. Сергиенко, Е.П. Борзовой и др. Ещё с древности триединство является фундаментальным принципом в культуре, философии, науке. Так триада Платона представляет иерархию реальности, где высшей формой является Единое, а душа стремится к нему через ум, познание. Триаду тело, душа, Бог обозначает Р. Декарт. И. Кант ввёл понятие триады для объяснения структуры человеческого познания, разделяя его на познание созерцания, понятий и суждений. У Г. Гегеля триада представляет

собой процесс, отражающий развитие диалектики мысли: тезис, антитезис и синтез. Как указывает Е.П. Борзова «триадичность свойственна языку, музыке, в целом искусству» [1, с.13]. Исследование триад в различных областях знания имеет большое значение для понимания фундаментальных принципов развития мира, философии, науки, культуры и искусства. От древних концепций до современных исследований триады служат важным инструментом для осмысления структуры и динамики реальности.

Актуальность обращения к концепции Космо-Психологоса Г.Д. Гачева связана с всё возрастающей потребностью осознания необходимости сохранения национальной культурной идентичности и суверенитета как в России, так и в Италии. На современном этапе в глобализированном мире и международных отношениях национальные культуры всё более активно подвергаются разнообразным воздействиям на сферу традиционных ценностей. Таким образом, размышления в ракурсе концепции Г.Д. Гачева о национальной культуре и искусстве, осмысление в них космо-психо-логических оснований могут быть полезными в вопросах поиска путей укрепления национальных традиций и идентичности народа.

Соприкоснуться с мироощущением Г.Д. Гачева и его восприятием истории, культуры и искусства Италии, с его впечатлениями о поездках в эту страну в 1986 и 1988 годах можно в его книгах «Национальные образы мира. Италия» [5], «Ментальности народов мира» [3].

Рассматривая итальянские карнавальные традиции в контексте космо-психо-логических идей Г.Д. Гачева, можно отметить, что карнавалы, разнообразными средствами художественной выразительности позволяют своим участникам поддерживать связь с окружающей природой, родной историей и культурой, творчески взаимодействовать друг с другом, восстанавливать психологическое равновесие и укреплять свою национальную идентичность через особый логос ритуалов и обрядов этого праздника. Карнавал как синтез искусств служит катализатором для творческого самовыражения, социального взаимодействия и духовного обновления.

Итальянские карнавалы, имея древние исторические корни, в различных формах отражают национальную картину мира итальянцев и её культурную специфику. «Карнавал – самый любимый народный праздник в Италии: все люди высыпает на улицы, площади, и община может созерцать себя, всех своих членов» - пишет Г.Д. Гачев [3, с.112]. Карнавал как особая культурная практика, значимое общественное событие, моделирует широкий спектр человеческих отношений участников с самим собой, другим и миром. «Суть карнавала, - пишет Г.Д. Гачев, - оскорбить высокое и воспеть низкое - но не всерьез, а буффонно: смехово и цинично» [2, с.187]. Анализ сущно-

сти космо-психо-логических характеристик итальянского карнавала позволяет увидеть его связь с духовной и общественной жизнью итальянского народа. Как особое явление культуры, карнавал способствует формированию как индивидуального, так и общественного сознания, социальной динамики и «национальной целостности», которая в понимании ученого «есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос)» [3, с.34].

В своих работах Г.Д. Гачев показывает, что Космос или Природа (её тип) играет значительную роль в формировании «национального образа мира». Учёный представляет Италию, как «космос нисходящей вертикали» [3, с.111], который проявляется в местной архитектуре, музыке и итальянском языке. Национальную модель мира Г.Д. Гачев описывает как «арку на двух колоннах»: «Фигура арки характерна для итальянства, и она работает здесь и в построении букв. Арка как полусфера на двух колоннах, может быть принята как эмблема итальянской модели мира» [3, с. 111]. Он считает, что Космос является не только физическим, природным пространством, но также обладает духовным, символическим и культурным значением. Г.Д. Гачев предлагает рассматривать космический миропорядок как основу для понимания культуры и её проявлений. Космос в данном контексте рассматривается как связующая система, объединяющая различные аспекты бытия и сознания человека и общества. Здесь важно понимать, что культура не является изолированным явлением, она всегда связана с космическим порядком и структурирована в соответствии с ним. Это означает, что культура не только отражает окружающий мир, но и активно влияет на него.

Обращаясь к Космосу, к Природе, отметим, что Италия богата природными ресурсами, разнообразными ландшафтами и пейзажами. Сочетание горных массивов, озёр, долин и морей создает уникальную атмосферу и особым образом влияет на развитие культуры и искусства, национальной идентичности, что воссоздается в мифопоэтическом пространстве народных традиций, в частности в местных карнавальных праздниках. Итальянцы относятся к природным богатствам страны с особым уважением и гордостью, и природа глубоко отражается в их национальном образе мира.

Рассматривая «космический» аспект концепции Г.Д. Гачева в контексте исследования итальянских карнавальных традиций, отметим, что карнавал в Италии связан с древними языческими ритуалами, с природными циклами смены времён года, приходом весны и возрождением. Это традиционное празднество, которое проходит перед началом католического Великого поста и символизирует переход от зимы к весне. Это время, когда местные жители, приветствуя весеннее обновление природы, проводят обряды, направленные на изгнание

холодных зимних духов, привлечение положительных энергий и плодородия.

Взаимодействие природы (Космоса), национального характера (Психеи) и склада мышления (Логоса) в карнавале происходит через использование различных символов и образов, в которых отражается окружающая природа (флора и фауна, времена года, природные стихии и элементы ландшафта, духи природы и т.п.). Маски и костюмы, связанные с образами природы (как реальными, так и вымышленными) в разнообразных обрядах и ритуалах символизируют связь человека с окружающей средой, его взаимодействие с силами природы, и имеют место быть во многих карнавалах страны.

Приведём несколько примеров малоизвестных отечественной аудитории образов этих праздников, отражающих давнюю историю отношений человека и природы. Так в регионе Фриули Венеция Джулия (северо-восточная часть Италии) отметим маски Блюмаржи или Блюмари, которые можно увидеть на карнавале в отдалённой деревушке Монтефоска коммуны Пульферо. Блюмари – это неженатые молодые люди, одетые в белые одежды с коровьими колокольчиками, прикрепленными на спине. В высоких головных уборах, украшенных разноцветными лентами, Блюмари представляют собой образ цветущего дерева, символ плодородия и возрождения. Блюмари в нечётном количестве совершают ряд круговых (по числу участников) забегов по соседним деревушкам, держа в руках длинные палки. Как отмечает исследователь итальянской народной культуры, музыкант и журналист Л. Валериано «В своё время это был обряд инициации юношей, которые, достигнув совершеннолетия должны были доказать свою силу и выносливость, бегая весь день» [10, с. 62]. Эти забеги, как своего рода испытания на выносливость и аккуратность, требуют от участников оставаться в чистых белых одеждах, крепко держаться на ногах, и, конечно, успешно добежать до финиша. Маски Блюмари, название которых вероятно происходит от немецкого слова *blume* – цветок – это один из оставшихся элементов старинной фриульской карнавальной традиции этих мест.

Карнавал в Савоне в регионе Лигурия (северо-западная часть Италии) неразрывно связан с морской тематикой. Главной маской карнавала является Чиччолин – традиционная савонская маска. Чиччолин – это моряк-многоженец, который переплыл семь морей, в каждом из которых у него есть жена и сын. Как пишет Л. Валериано, маске «около шестидесяти лет, рост выше среднего, крепкое телосложение, круглое лицо с правильными чертами, обрамлённое короткой щетиной, без усов, густые тёмные брови, часто подмигивающий взгляд» [10, с.584]. На карнавал маска прибывает с моря и бывает украшена тремя жемчужными ожерельями, называемыми «чиччолле» («*cicciolle*»). Одно ожерелье коричневое,

символизирует цвет земли и гор Савоны. Другое ожерелье зелёного цвета, в честь её холмов. Третье ожерелье синее и указывает на тесную связь с морем, которое омывает Савону. Маска была создана в 1953 году художником Р. Бевилакка.

Карнавал в Сатриано – деревне в регионе Базиликата (Южная Италия), расположенной в национальном парке, известен сто тридцать одной (по числу муниципалитетов региона) древесной маской и представляет собой праздник гуляющего леса. Оригинальность данного карнавала заключается в том, что главными масками карнавала, так же носящими умиловительный характер, являются: Румита (*Rumita*) или Румит (*Il Rumit*) – представляющий образ дерева, дух леса, бродящего по городу; медведь (*L'Urs*) или *L'Orso*, который шагает по улицам с привязанными к ногам колокольчиками, и *Quaresima* – Пост (как время воздержаний и ограничений), который представляет собой старуху с гримасой, нарисованной на лице.

Как отмечают исследователи, образ человека, переодетого в дерево, часто встречается в народной праздничной культуре в регионах Центральной Европы и Альп, а также и в Апеннинах. Румита – молчаливая маска, украшенная ветками деревьев. На плече персонаж носит холщовую сумку, увитую плющом. Он, потирая двери домов своим шелестом, стучится в двери и терпеливо дожидается, пока не откроют, чтобы в ответ на доброе пожелание получить угощение. Персонаж олицетворяет верность крестьянина своей родной земле и природе, которую он не покидает. Маска Медведя (одет в тёмную овечью или козью шкуру, затянутую цепью на талии, на которой висит колокольчик) символизирует способность природы к возрождению, требуя уважения к себе со стороны человека. Медведя всегда сопровождает его укротитель. Он ходит с большой палкой, которой он управляет непокорным медведем, норовящим в том числе забраться в дома, чтобы схватить чего-нибудь съестное. Данный карнавал, уходящий корнями в историю, несёт в себе элементы агро-пасторальной культуры и напоминает о необходимости экологичного отношения человека к природе. Он считается одним из единственных сохранившихся в Италии древесных обрядов, связанных с аграрной картиной мира, темой плодородия и непрерывности жизни [6].

Также отметим карнавал в Чирильяно того же региона, в котором главными действующими лицами являются четыре времени года и месяцы, которые шествуют в сопровождении музыкантов и артистов [7]. Изображение месяцев года с помощью образов аллегорических платформ, запряжённых животными, отражающее цикличность агропасторальной жизни можно встретить на представлении *Mesaiola* на карнавале в Кампобассо в регионе Молизе в южной части Италии. И это только некоторые примеры из того огромного богатства художе-

ственной образности итальянских карнавалов традиций, связанных с темой отношений природы и человека.

«Космический» элемент карнавала связан с его природными и пространственно-временными характеристиками. Он представляет собой переход от старого к новому, от возвышенного к низменному, от установленного порядка к хаосу и обратно. В карнавалах часто присутствуют элементы ритуального путешествия или перемещения через время и пространство. Это может быть выражено в виде процессии, путешествия по местности или использования символических предметов, связанных с историей и культурой региона. С «космической» точки зрения, карнавал может быть рассмотрен как часть культурного наследия, которое связывает людей разных эпох и поколений.

Изучение характера народа (Психея) особенно важно для понимания итальянского национального образа мира. Г.Д. Гачев показывает, что психические процессы человека тесным образом взаимодействуют с космическим, природным миропорядком и формируют культурные символы и значения. Всё это отражается в национальном образе мира Италии и формирует итальянский психологический портрет: «Четко очерчены рельефы и грани всего в Италии – в том числе и в характерах людей, и в их страстях в жизни, и в их описаниях в литературе, искусствах. Тут нет интереса к психологическому копанию в неясных чувствах, дымчатых ощущениях, нюансах неопределенных, как в более туманно-северных: Германии, Франции» [3, с.110].

Итальянцы известны своей эмоциональностью и жизнерадостностью, тёплым отношением к семье, дружелюбием и гостеприимством, страстностью и любовью к искусству. Склонность к ярким чувствам, чёткому очерчиванию характеров (комедия дель арте) и монументализму находит своё проявление в различных образах карнавала, масках, как символах различных черт итальянского характера, костюмах и аллегорических платформах.

Психея итальянцев по Г.Д. Гачеву, с одной стороны, проявляется в модели «индивидуума в пустоте», которая возникла ещё во времена Римской империи, где появился новый тип человека - индивидуум, отделённый от общности. С другой стороны национальная Психея находит себя и в стремлении к общности, что проявляется в народных праздниках и карнавалах, где участники объединяются и создают сообщества по интересам, участвуя в организации и проведении праздника. Общественная активность способствует социальной интеграции и помогает создать чувство принадлежности и солидарности между участниками карнавала. Например, на карнавале в Ивреа в регионе Пьемонт на северо-западе Италии в последние три дня карнавала, в воскресенье,

масленичный понедельник и вторник разгорается битва апельсинов между девятью командами горожан - аранчиери («arancieri»). Команды аранчиери имеют свои эмблемы, цветовую символику и информационные ресурсы, хранящие в фото и видео материалах историю, отражающую давнюю приверженность участников духу праздника и национальным традициям, передающимся от поколения к поколению [8].

Карнавалы общества, комитеты и ассоциации в Италии берут своё начало далеко в прошлом, помогая создавать праздник, чувство принадлежности и солидарности в идейном, профессиональном и организационном плане среди участников карнавала. Эти структуры включают в себя различные творческие, научные, производственные, фольклорные и гастрономические объединения различных специалистов. Карнавалы сообществ в Италии достаточно институализированы и вносят вклад в развитие культуры, искусств и ремёсел, а также туристической отрасли страны.

В психологическом аспекте карнавал даёт возможность экспрессии яркой эмоциональной сферы итальянцев, служит средством трансформации и самопознания, позволяя исследовать свои эмоции, страхи и желания, выходя за рамки своей обычной роли. Поскольку итальянская культура характеризуется глубоким психологическим и философским подходом к миру и искусству, а итальянский национальный характер отличается творческим подходом, любовью к жизни и эмоциональностью, то карнавал в Италии является прямым отражением этих черт итальянского характера. Творческими силами своих создателей, карнавал не только создаёт праздничную атмосферу, но и служит объединению местных жителей, в том числе и для различных социальных благотворительных инициатив.

Логос или особенности языка и мышления играют определяющую роль в формировании национального образа мира. Логос рассматривается Г.Д. Гачевым как основа мировоззрения и системы ценностей народа, представляя собой логическую структуру, которая организует понимание мира, помогает определить место человека в этом мире и предопределяет характер его деятельности. Культура основывается на Логосе и выражает ценности и идеалы общества. Логос играет ключевую роль в процессе передачи и сохранения знаний, ценностей и традиций, которые являются основой культуры. Логос включает в себя все формы символического выражения и коммуникации, такие как язык, искусство, религия и наука. Как указывает Г.Д. Гачев, Логос итальянцев отражается в абстрактном мышлении, в римском праве, в математическом, геометрическом и архитектурном таланте нации. Этот Логос пронизывает различные аспекты итальянской культуры и искусства.

Одним из ключевых элементов национальной идентичности и орудием мышления, формирующим логическую составляющую национального образа мира, является язык. Итальянцы известны своей чёткой артикуляцией, яркой и экспрессивной риторикой, они любят обсуждать различные темы и в формировании их мнения играют важную роль словесные аргументы и высказывания. Вспомним здесь и грамматический идеал образования, сложившийся ещё в Древнем Риме, и риторские школы Квинтилиана и Цицерона, обучавшие искусству говорить убедительно и красиво, и даже римские «говорящие» статуи Пасквино, Морфорио, Мадам Лукреции, Аббата Луиджи и др. Карнавал – это время, которое не обходится без острого словца. Отметим здесь самую известную римскую маску, персонажа комедии дель арте и кукольного театра – Ругантино. Ругантино были посвящены сатирические газеты своего времени на римском диалекте, взявшие его образ в качестве своего названия. Имя Ругантино произошло от римского диалектного глагола «riga», означающего яростно протестовать или «riganza» - высокомерие. Ругантино родился в восемнадцатом веке. На своём жизненном пути он проявлял себя в разных ипостасях. Первоначально его образ возник как карикатура на жандарма, а иногда разбойника или бедняка; он также представлялся в образе римского хулигана, но в итоге стал обычным гражданином, символом типичного римлянина. С учётом этого менялся его характер и костюм. Отметим традиционно присущие ему черты характера: высокомерие, дерзость, хвастовство, остроумие, сарказм. В его костюме доминирует красный и коричневый цвет. Он носит большую красную шляпу, коричневую куртку, красный жилет, белые чулки в красную полоску и чёрные туфли. Как марионетка, Ругантино стал популярным благодаря известному римскому кукловоду Гаэтано Сантанджелло (1782-1832), который из-за своего сурового характера получил прозвище Гетаначчо. Устами персонажа Гетаначчо говорил о проблемах власти и народа, высмеивал правящего понтифика того времени – папу Льва XII и других влиятельных людей [10, 11].

Как пародия на учёный Логос предстаёт главный предводитель масок в регионе Эмилия Романия – Баланцоне. Он родом из Болоньи и является представителем старейшего в Европе Болонского университета. Он доктор правоведения, одет в чёрную университетскую мантию и академический головной убор того же цвета, человек науки только «наоборот». Баланцоне бесконечно говорящий, оторванный от реальной жизни бестолковый всезнайка с профессорским видом, советчик, изысканный на местном диалекте, с румяными щеками и большими усами. «Полный тщеславия, Баланцоне вставляет в свои бесконечные речи абсурдные греческие сентенции или философские максимы на макаронной латыни, которые чаще всего оказываются выдуманными», -

отмечает Л. Валериано. [10, с. 602].

Конкурсы сатиры, пародии на умных и сильных мира сего, соревнования на оригинальность технического и художественного мастерства в воплощении карнавальных образов – традиционная и популярная тематика карнавального творчества и особенный карнавальный Логос.

Логический аспект карнавала состоит так же и в том, что он имеет свою собственную структуру, логику и драматургию, систему символов, которые могут быть рассмотрены как формы коммуникации и социализации, с помощью которых участники вступают в диалог друг с другом, обмениваются впечатлениями и создают новые общественные связи. Кроме того, логический аспект карнавала может проявляться в организации и планировании мероприятия, в создании особых смыслов, значений и требований к участникам праздничного действия. Логический аспект находит своё выражение в том, что карнавал это не просто праздник, но и способ выражения социокультурных норм и ценностей. Он является смешением и взаимопроникновением различных символических систем и их значений. Таким образом, карнавальные традиции, обычаи и ритуалы представляют особый вид символического обмена, который влияет на формирование и развитие культуры, идентичности народа и национального образа мира.

Подходя к выводам, отметим, что, следуя логике концепции Г.Д. Гачева, карнавал можно представить как своеобразную космо-психо-логическую систему, форму культурной практики и художественно-творческого бытия народа, в которой элемент «Космос» связан с природными и пространственно-временными характеристиками карнавала, «Психо» – с душой народа, характером, психологическими состояниями и эмоциями его участников, а «Логос» – со складом мышления участников, логикой, драматургией и символикой самого карнавального действия. Как и всё в природе, карнавал имеет двойственный характер – он одновременно разрушает и созидает, умирает и возрождается вновь.

Изучение итальянских карнавальных традиций в контексте философско-культурологической концепции Г.Д. Гачева раскрывает художественное и идейно-смысловое богатство карнавала, его значимость в итальянской истории и культуре. Данный подход позволяет проследить эстетические, социальные и ментальные аспекты карнавала, а также его роль в межкультурном взаимодействии, где сохранение национальных традиций, уникальности и разнообразия культур становится всё более важным в условиях глобализации. Исследование итальянского карнавала в рамках данной концепции поднимает новые вопросы для дальнейших исследований в культурологии и искусствоведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзова, Е.П. Триадология / Е.П. Борзова; М-во культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2007. - 671 с.
2. Гачев Г.Д. Карнавализация у В.В. Розанова // История мысли: Русская мыслительная традиция. Вып. 4 / Под ред. И.П. Смирнова. М.: Вузовская книга, 2007. — С. 187—198.
3. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира /Георгий Гачев. – М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2008. - 541 с.
4. Гачев Г.Д. Музыка и световая цивилизация / Г.Д. Гачев. - М: Вуз. кн., 1999. - 199 с.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Италия/Георгий Гачев. – М.: Академический проект, 2020. - 423 с.
6. Официальная страница карнавала в Сатриано (итал.) [Электронный ресурс] <https://www.carnevaledisatriano.it/> (дата обращения: 20.03.24).
7. Официальный сайт карнавала в Чирильяно (итал.) [Электронный ресурс] <https://carnevalilucani.it/carnevale-cirigliano/#:~:text=Il%20carnevale%20ciriglianese%20risale%20agli,recite%20dei%20mesi%20dell'anno> (дата обращения: 20.03.24).
8. Официальная страница карнавала в Ивреа (итал.) [Электронный ресурс] <https://www.storicocarnevaleivrea.it/it/home/> (дата обращения: 20.03.24).
9. Bragaglia A.G. Le Maschere romane. – Roma, Colombo Editore, 1947. - 555 p.
10. Valeriano L. Italia in Maschera (итал.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.leovaleriano.it/leovaleriano.html?> (дата обращения: 20.03.24).
11. Verdone M. Le maschere romane: da Meo Patacca a Rugantino, da Ghetanaccio al Generale Mannaggia La Rocca. - Roma, Tascabili Economici Newton, 1997. - 61 p.

© Орлова Екатерина Марковна (katrinorlova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О КОНЦЕПЦИЯХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ПРЕДЕЛАХ ИХ ПРИМЕНИМОСТИ

Петрова Софья Игоревна

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, (г. Краснодар)
Sofya8888@yandex.ru

ABOUT THE CONCEPTS OF THE CULTURAL-HISTORICAL PROCESS AND THE LIMITS OF THEIR APPLICABILITY

S. Petrova

Summary: The article is devoted to the concepts of the cultural-historical process and the limits of their applicability. The extent to which concepts are limited varies. Their one-sidedness in the study of socio-cultural changes does not mean that they are absolutely incorrect, it is only that the categories used by each of the concepts are not complete enough to describe socio-cultural phenomena from the point of view of what is contained in alternative theories. The article shows that today two main methodological approaches to the analysis of the cultural-historical process have been identified, which demonstrate different views on the analysis of the sociocultural process, one is focused on the development of social formations and class struggle, the other on the interaction and characteristics of different civilizations. The first approach, known as formational (or monistic), focuses on the study of the development of social formations. Within this approach, two concepts are distinguished – Marxist and the theory of post-industrial society. The second approach, known as civilizational (or pluralistic), focuses on the study of different civilizations and their interactions. Within the framework of this approach, the cultural and historical process is perceived as a set of parallel and interacting civilizations, each of which has its own characteristics and values.

Keywords: cultural-historical process, formational concept, civilizational concept, linear concept, matrix concept, modernization theory.

Аннотация: Статья посвящена концепциям культурно-исторического процесса и пределам их применимости. Степень ограниченности концепций варьируется. Их односторонность в изучении социально-культурных изменений не означает их абсолютную неверность, речь идет только о том, что категории, использованные каждой из концепций, недостаточно полны для описания социально-культурных явлений, с точки зрения того, что содержится в альтернативных теориях. В статье показывается, что на сегодняшний день определились два основных методологических подхода к анализу культурно-исторического процесса, которые демонстрируют различные взгляды на анализ социокультурного процесса, один сконцентрирован на развитии общественных формаций и классовой борьбе, другой – на взаимодействии и особенностях различных цивилизаций. Первый подход, известный как формационный (или монистический), сосредоточен на исследовании развития общественных формаций. В рамках этого подхода выделяются две концепции – марксистская и теория постиндустриального общества. Второй подход, известный как цивилизационный (или плюралистический), уделяет внимание исследованию различных цивилизаций и их взаимодействию. В рамках этого подхода культурно-исторический процесс воспринимается как совокупность параллельных и взаимодействующих цивилизаций, каждая из которых имеет свои особенности и ценности.

Ключевые слова: культурно-исторический процесс, формационная концепция, цивилизационная концепция, линейная концепция, матричная концепция, теория модернизации.

Сегодня мы сталкиваемся с ограничениями применения концепций культурно-исторического процесса, таких как формационная, цивилизационная, линейная, матричная, теории модернизации. Речь идет о пределах применимости. Степень ограниченности этих концепций варьируется. Наиболее явные недостатки выявлены в формационной теории. Что касается цивилизационных учений и теорий модернизации, здесь также хватает заблуждений относительно их способности объяснить культурно-исторический процесс. Ограниченность этих концепций в изучении социально-культурных изменений не означает их абсолютную неверность, речь идет только о том, что категории, использованные каждой из концепций, недостаточно полны для описания социально-культурных явлений, с точки зрения того, что содержится в альтернативных теориях. Поэтому необходимо проанализировать то, как мы описываем изменения в социуме, а также понятия общего и уникального,

позволяющие обобщать и различать, а также выстраивать модели культурно-исторического развития.

Теории культурно-исторического процесса зачастую представляют одностороннее толкование социально-культурных изменений, упрощают множество их форм до определенных видов. Формационная концепция выделяет в культурно-историческом процессе лишь прогресс, считая, что развитие происходит, линейно охватывая все сферы социальной жизни человека. Теории модернизации также считаются линейно-прогрессистскими, но они отличаются от формационного подхода тем, что оценивают Западную цивилизацию как вершину истории, как ее завершение. В цивилизационной концепции уделяется внимание разнообразию духовной культуры, признается неизменность культурных и уникальных духовных комплексов. Подчеркивается их важнейшая роль. Несмотря на то, что культурные комплексы трактуются

как стабильные, каждый из них интерпретируется как особый вариант культуры. Согласно Гегелевской философии, духовное развитие играет важную роль в культурно-историческом процессе. Определяющей чертой духовного является его способность к саморазвитию и прогрессу. Однако предложенный подход оспаривает эту идею, считая, что в отличие от внешнего мира, уникальные культурные системы не могут изменяться.

Без сомнения каждая концепция имеет свои рациональные идеи, игнорируя при этом определенные аспекты существующих социально-культурных изменений. Фактически, история демонстрирует гораздо большее разнообразие в социально-культурных изменениях, чем могут предложить теоретические модели. Это дает нам основание сделать следующие выводы: либо отказаться от применения моделей вообще, считая их непригодными, либо определить реальные границы применения каждой модели. Такая позиция позволит подходить более гибко и разносторонне к пониманию культурно-исторического процесса, в котором учитываются различные факторы и множественные направления модификаций, дающие возможность использовать их как инструменты для глубокого понимания социально-культурных изменений.

Богатство научной мысли XIX - начала XX века в России заслуживает пристального внимания в нашем аспекте рассмотрения проблемы. Остановимся лишь на культурологических теориях развития социума, являющихся отражением основных идейных течений в общественной мысли того времени:

- Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского выделяет особенности развития различных культур и цивилизаций и пытается объяснить их различие через историческую обусловленность. Эта теория считается одним из первых проявлений сравнительной культурологии и оказала влияние на развитие социологии и антропологии. Изложенная в ней культурологическая теория является основоположницей теорий «замкнутых культур» и «локальных цивилизаций» [1].
- Цивилизационная научно-историческая теория С.М. Соловьева анализирует социальные и культурные процессы с точки зрения их влияния на формирование и развитие цивилизаций. Автор исследовал взаимосвязь религии, культуры и истории, а также вклад различных цивилизаций в формирование мировой истории [2].
- Цивилизационная философско-историческая теория Б.Н. Чичерина, с одной стороны, уделяла внимание взаимодействию и влиянию различных сфер общества (родовой быт, гражданское общество, церковь, государство), а с другой - рассматривала вопросы науки и религии в их взаимодействии и влиянии на формирование культурного и духовного развития человечества [3].

- Философская теория истории и культуры, созданная В.С. Соловьевым, представляет собой стремление к синтезу западных и славянофильских идей и общему культурно-историческому синтезу [4].
- Марксистская теория истории и культуры, представленная Г.В. Плехановым, основывается на историческом материализме и рассматривает общественное бытие в качестве определяющего фактора социального сознания [5].

Все эти теории внесли важный вклад в развитие культурологии и представляют собой попытки объяснить сложность и многообразие культурного развития, их взаимосвязь и влияние на общественные процессы. Они отражают глубину мысли исследователей России в XIX - начале XX века и способствовали формированию уникального культурного наследия.

Цивилизационный подход к исследованию культурно-исторических событий стал популярным в России в последние десятилетия. Этот подход сосредоточен на изучении развития культур и цивилизаций в их целостности, а не на отдельных фактах и явлениях. Он позволяет анализировать культурно-исторический процесс в широком контексте, включая взаимосвязь между различными общностями и индивидуальными культурами. Одна из важных составляющих цивилизационного подхода - учет множественности культурных традиций и их влияния на формирование цивилизаций. Каждая цивилизация имеет свою уникальную идентичность, основанную на историческом, культурном и религиозном наследии. Это позволяет более глубоко понять разницу между цивилизациями и предотвратить универсалистское и одномерное понимание истории и культуры. Цивилизационный подход к истории предполагает изучение развития человеческих цивилизаций во всеобщей системе, включая взаимодействие различных культурных, социальных и экономических факторов. Этот подход основывается на представлении о том, что каждая цивилизация оказывает влияние на формирование общества в целом.

Однако цивилизационный подход не является единственным и всеобъемлющим. В современной науке используют ряд других методологических подходов и теорий, включая марксистскую теорию истории и культуры, которая акцентирует внимание на экономических и социальных аспектах исторического развития. Также значительное влияние оказывают индивидуальные исследования и теории, которые предлагают свои собственные методологии и принципы.

Марксистская концепция подразумевает, что культурно-историческое развитие общества определяется особенностями производственных отношений и способа производства, признавая их детерминирующей силой. Эта концепция предполагает, что общество про-

ходит через различные стадии развития, такие как рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм.

Концепция постиндустриального общества, сформулированная в середине XX века, гласит, что основной детерминантой культурно-исторического процесса является переход к постиндустриальной экономике. Она предполагает, что в постиндустриальном обществе значительную роль играют информационные технологии, услуги и новые формы организации труда.

Как и в любой научной области, в изучении истории и культуры существует плодотворный диалог между разными подходами и теориями. Это способствует разнообразию и глубине познания и помогает более полно понять сложность и многогранность культурно-исторического процесса.

Значительное время изучение цивилизации проходило под влиянием позитивистского натурализма (Г.Т. Бокль, Э.Б. Тейлор, Дж. Фрезер, А.Д. Тойнби). Основные идеи социального эволюционизма Г. Спенсера, также оказали существенное влияние на этот процесс. Вместе с А.Д. Тойнби в числе основоположников цивилизационной концепции можно отметить Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, которые также внесли свой вклад в изучение развития цивилизаций и их взаимосвязи с культурно-историческим процессом.

Исторический опыт и культурные процессы играют значительную роль в формировании концепций цикличности в истории и культуре. Восточные цивилизации, такие как Индия и Египет, уже в древности использовали метафоры циклов, ритмов и волн для объяснения культурно-исторических процессов. Однако с развитием мышления и переходом его от мифологического к рациональному, происходила трансформация этих образов и метафор в аналитические категории и понятия. В европейской культуре концепции цикличности и линейного развития сосуществуют на протяжении разных временных периодов. Так, учения Платона и Аристотеля содержат идеи циклизма, однако они не были разработаны в полной мере. В Средневековье утвердилась идея линейного развития, которая имела эсхатологическое обоснование. В эпоху Возрождения возникла возможность нового осмысления циклических процессов в истории и культуре. Д. Вико, например, сформулировал теорию циклизма, основанную на обобщении опыта развития греческой, римской и средневековой цивилизаций, утверждая, что циклы повторяются, но в новом качестве. Но у Д. Вико были предшественники – Н. Макиавелли, который идею циклизма почерпнул у Полибия.

Д. Вико утверждал, что все нации проходят определенные этапы развития, составляющие цикл, после чего следует период варварства, а затем начинается новый

цикл, подобный предыдущему. Таким образом, идея цикличности истории стала одной из основных концепций, которая нашла свое развитие в последующих теориях и исследованиях. В подобном ключе работали как западные мыслители – Монтескье, Кондорсе, который, в частности, выделил десять эпох линейного развития, утверждая их прогрессивный характер, так и классик немецкой философии, Гегель. Гегель развил идею прогрессивного развития, которая потом воплотилась в теории общественно-экономических формаций К. Маркса, соединив в себе особым образом и идею циклизма и идею прогресса.

Можно сказать, что какое-то время в науке существовал некий баланс между концепциями линейного прогресса и цикличностью. Оба этих подхода имеют свои плюсы и минусы. Некоторые исследователи считают, что социальные изменения в обществе имеют тенденцию к развитию и прогрессу, другие видят лишь периодичность и повторяемость определенных процессов. Стоит также учитывать, что часть социально-культурных событий и процессов не имеют строгой, однозначной классификации и могут быть рассмотрены с разных точек зрения.

Однако, в конце XIX – начале XX века стало заметно возрастающее неприятие идеи прогресса и растущий интерес к циклическому подходу в науке. Этот подход стал привлекателен для анализа не только общей динамики культуры, но и для изучения ее конкретных областей. Например, экономисты начали анализировать длинные волны в экономике или «большие циклы конъюнктуры» в середине XIX века. Среди ранних исследователей таких циклических процессов можно назвать Х. Кларка и В. Джевонса. Теория циклических кризисов, разработанная К. Марксом, также послужила основой для более глубокого изучения длинных волн. Марксистские ученые, включая А.И. Гельфанда, В. Гельдерена и Д. Вольфа продолжали исследования в этой области. Следует упомянуть и Н.Д. Кондратьева и его последователей, таких как С. Кузнец, Г. Менш, А. Клайнкнехт, Д. Дайн развивавших его теории «длинных волн».

Циклически-волновой подход в анализе социально-культурных изменений представляет собой интересное и перспективное направление исследования. Его представители, такие как Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Дж. Модерски и другие, рассматривают эволюцию социальных систем в контексте миросистемного подхода на длительных временных этапах. Одним из ключевых утверждений этого подхода является то, что каждая культурная общность имеет свой собственный путь развития, и потому нельзя говорить об отставании или застое цивилизаций, не принадлежащих к европейской. Культура каждой цивилизации уникальна и разнообразна. История цивилизации представляет собой циклический процесс, в котором ци-

визации возникают, процветают и затем умирают под воздействием внутренних и внешних факторов.

В целом, циклически-волновой подход представляет собой интересный инструмент для анализа социокультурного развития и помогает более глубоко понять характеристики и закономерности социальных изменений и процессов.

В заключении хотелось бы отметить, что на сегодняшний день определились два основных методологических подхода к анализу культурно-исторического процесса, которые демонстрируют различные взгляды на анализ социокультурного процесса, один сконцентрирован на развитии общественных формаций и классовой борьбе, другой – на взаимодействии и особенностях различных цивилизаций.

Первый подход, известный как формационный (или монистический), сосредоточен на исследовании развития общественных формаций. В рамках этого подхода выделяются две концепции - марксистская и теория постиндустриального общества. Марксистская концепция основывается на идеях К. Маркса и Ф. Энгельса, которые

утверждали, что общественное развитие определяется классовой борьбой и сменой социально-экономических формаций, таких как рабовладельческое общество, феодализм и капитализм. Теория постиндустриального общества, сформулированная в середине двадцатого века, предполагает, что современное общество переживает переход от преимущественно промышленной экономики к экономике, основанной на знаниях и информации. Второй подход, известный как цивилизационный (или плюралистический), уделяет внимание исследованию различных цивилизаций и их взаимодействию. В рамках этого подхода культурно-исторический процесс воспринимается как совокупность параллельных и взаимодействующих цивилизаций, каждая из которых имеет свои особенности и ценности.

Таким образом, эти два методологических подхода предлагают различные взгляды на анализ культурно-исторического процесса, вносят свой вклад в его изучение, предлагая различные пути анализа и объяснения, выявленных закономерностей. Один сконцентрирован на развитии общественных формаций и классовой борьбе, другой - на взаимодействии и особенностях различных цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – СПб.: Амфора, 2015 – 29 Т.
3. Чичерин Б.Н. Наука и религия. – М.: Республика, 1999. - 495 с.
4. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Сочинения в 2-3 т. – М.: Мысль, 1988. Т. 2, с. 140-288.
5. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. - Петроград: Петрогр. союз рабочих потреб. о-в, 1918. - 152 с.

© Петрова Софья Игоревна (Sofya8888@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL TRAINING AS A METHOD OF CORRECTION OF DEPENDENT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

*Yu. Anisimova
E. Konovalova
A. Sattarova*

Summary: In this article, the authors studied socio-psychological training as a method of correcting the dependent behavior of adolescents. The authors note that today there is a steady trend of intensive growth in the level of dependent behavior in the youth environment, which is associated with substance abuse, alcohol addiction, smoking, Internet addiction, etc. At the same time, the scale of the spread of various kinds of addiction threatens the physical, moral and psychological health of a person. Against the background of drug addiction, the crime rate is growing, because a person who is addicted does not consider it necessary to follow the rules, traditions and norms. The vast majority of adults who are drug addicts, gamblers or alcoholics, among other addictions, acquired this habit at an early age, under the influence of circumstances and models of their family and social environment.

Keywords: age psychology, socio-psychological training, dependent behavior, teenagers.

Анисимова Юлия Николаевна

кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Набережночелнинский государственный педагогический
университет»

yulya-vedernikona@yandex.ru

Коновалова Елена Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Набережночелнинский государственный педагогический
университет»,

ele4621@yandex.ru

Саттарова Алия Азатовна

ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный
педагогический университет»

sattarovaaliya@mail.ru

Аннотация: В данной статье авторами изучен социально-психологический тренинг как метод коррекции зависимого поведения подростков. Авторами отмечается, что на сегодняшний день прослеживается устойчивая тенденция интенсивного роста уровня зависимого поведения в юношеской среде, что связано со злоупотреблением психоактивными веществами, алкогольной зависимостью, курением, Интернет-зависимостью и др. При этом масштабы распространения разного рода зависимости ставят под угрозу физическое, моральное и психологическое здоровье человека. На фоне наркомании растет уровень преступности, ведь подверженный зависимостям человек, не считает необходимым соблюдать правила, традиции и нормы. Подавляющее большинство взрослых, являющихся наркоманами, игроками или алкоголиками, помимо других зависимостей, приобрели эту привычку в раннем возрасте, под влиянием обстоятельств и моделей их семьи и социального окружения.

Ключевые слова: возрастная психология, социально-психологический тренинг, зависимое поведение, подростки.

Подростковый возраст представляет собой один из наиболее сложных жизненных этапов. Подросток находится в состоянии постоянного стресса по причине психологических и физических изменений.

В исследованиях А.А. Реан указано, что подростки наиболее уязвимы в ситуациях политической, социальной и экономической нестабильности в стране. Легкость потери ценностных ориентиров представляет наибольшую угрозу, так провоцирует усиление негативного влияния факторов окружающей среды¹. Соответственно, можно сказать, что рассматриваемый возраст наиболее нестабильный, что делает подростка подверженным возникновению различного рода зависимостей.

Научное направление, связанное с изучением особенностей возникновения зависимостей различного рода, находится на границе психологии и медицины. Несколько меньше значение приобретают такие дисциплины, как социология и педагогика. Длительное время во всем мире изучалась проблема предупреждения и борьбы с такими видами зависимостей, как табачная, наркотическая и алкогольная. За последние несколько лет мы можем наблюдать общее стремление к масштабированию проблемы зависимости. Иначе говоря, исследователи выделяют гораздо больше инструментов преобразования состояния сознания с целью преодоления жизненных проблем².

На первый взгляд, зависимое поведение носит ха-

1 Бодалев А.А. Личность в общении. М.: ИНФРА, 2020. С. 72.

2 Василькова Ю.В. Методика и опыт работы социального педагога. СПб.: Ювента, 2021. С. 63.

рактик индивидуальной проблемы. Однако достоверно известно, что данная форма поведения приводит к наступлению таких последствий, как утрата социализации, невозможность трудоустройства и вовлечение в криминальную сферу. Перечисленные последствия объективно несут угрозу для благополучия общественного строя.

Возникновение зависимого поведения может быть обусловлено злоупотреблением некоторых веществ или нарушением нормальных потребностей организма. В научной литературе обнаруживается такой термин, как аддиктивное поведение³.

По сути, под зависимостью необходимо понимать рутинные действия индивида, которые совершаются с целью избегания реальности. Установлено, что аддиктивное поведение отличается защитно-оборонительной направленностью. Предпосылками для возникновения данной формы поведения может стать как существенное ограничение свободы, так и полное отсутствие каких-либо ограничений⁴.

Зависимость может быть представлена в качестве состояния периодической или хронической интоксикации. Интоксикационные процессы возникают по причине употребления индивидом некоторых веществ. Исследователи предлагают выделять психический и физический тип зависимости.

Характеристика основных форм зависимого поведения подростков:

1. Интернет: исследования показывают, что от 1,4% до 17,9% подростков во всем мире зависимы от Интернета. Однако зависимость от использования Интернета не так распространена в Соединенных Штатах, как в других странах. Типичными признаками интернет-зависимости у подростка являются трудности с выполнением повседневных задач, снижение успеваемости, потеря счета времени в Интернете, изоляция от друзей и семьи, а также переживание эйфории от использования Интернета⁵;
2. азартные игры: когда подростки теряют способность ограничивать свои привычки в играх и расходах, у них может возникнуть зависимость. По данным YouthGambling.com, 4–7% подростков проявляют склонность к азартным играм. Аддиктивное поведение, которое включает в себя удовольствие от азартных игр; использует заработок от победы, чтобы остаться в игре, а не уйти, и полагается на кредиты от друзей и семей; делать

все, чтобы оставаться в игре и продолжать играть; сосредоточится на крупной победе и продолжит играть, несмотря на продолжающиеся поражения; и играть онлайн, при необходимости максимально используя кредитные карты, чтобы продолжить игру;

3. игры: этот тип зависимости представляет собой чрезмерное использование видеоигр. Хотя в настоящее время это поведение не признано типом зависимости, растет движение за официальное включение такого поведения в список заболеваний. Некоторые симптомы игровой зависимости включают отсутствие контроля над игровым поведением, потерю времени, негативное влияние на жизнь подростка, сокрытие от негативных или некомфортных эмоций, оборонительную позицию и трудности с выполнением задач;
4. секс: зависимость от секса включает компульсивное поведение, при котором происходит потеря контроля, и подросток проводит большое количество времени, занимаясь сексуальной деятельностью до такой степени, что он или она пренебрегает социальными, академическими или семейными обязанностями. Пристрастие к сексу включает навязчивые мысли о сексе, которые нарушают работу в школе, дома или на работе; неспособность воздержаться от просмотра порнографии или участия в сексуальном поведении; и избегать общения с друзьями и других типичных подростковых занятий, вместо этого проводить время за компьютером или вступать в сексуальные контакты;
5. покупки: такой вид зависимости известен как омниомания. К сожалению, из всех зависимостей она больше всего подкрепляется средствами массовой информации, рекламой, рекламными щитами и потребительством в целом.
6. под психической зависимостью необходимо понимать непреодолимое стремление индивида употреблять некоторые психоактивные вещества. С течением времени подростку приходится употреблять все большие дозы, иначе желаемый эффект не будет достигнут. Ожидая прием такого вещества, подросток пребывает в состоянии эмоционального подъема. Напротив, невозможность принять дозу психоактивного вещества сопровождается нервозностью, упадком настроения и другими негативными эмоциями⁶. Длительное употребление психоактивных веществ приводит к трансформации социальной ориентации индивида⁷;

3 Василькова Ю.В. Указ. соч. С. 110.

4 Азарова Л.А. Психология девиантного поведения. Минск: ГИУСТ БГУ, 2019. С. 50.

5 Василькова Ю.В. Указ. соч. С. 78.

6 Ананьев Б.Г. О человеке, как объекте и субъекте воспитания. М.: Эксмо, 2022. С. 153.

7 Азарова Л.А. Указ. соч. С. 78.

7. физическая зависимость развивается по причине длительного употребления психоактивных веществ. С течением времени продукты распада таких веществ интегрируются в жизненные циклы. Невозможность употребления вещества способствует возникновению абстинентного синдрома. Данное состояние сопровождается психическими, соматическими и неврологическими нарушениями⁸.

Подростковые зависимости от процессов обычно являются симптомом серьезных проблем с психическим здоровьем. Подросток, который испытывает трудности, может использовать приятное поведение как способ заглушить или избежать страдания, которое он испытывает. Поведение не начинается как зависимость, но, если подросток будет проводить все больше и больше времени за этим занятием, это может спровоцировать цикл привыкания.

Некоторые исследователи (А.Е. Жичкина, М.С. Иванов и др.) придерживаются мнения, что зависимое поведение характерно для определенного типа личности. В научной литературе существует такой термин, как «болезни зависимого поведения». Существует ряд черт характера, которые отличают указанный тип личности:

1) несамостоятельность при решении жизненных задач (общая дезадаптация); 2) страх быть отвергнутым другими людьми; 3) неумение говорить: «Нет»; 4) повышенная чувствительность к критическим замечаниям; 5) избегание ответственности и принятия решений⁹.

Перечисленные качества характера отличают человека, обладающего пассивной жизненной позицией. Такой индивид практически никогда не вступает в коммуникацию с окружающими по собственной инициативе, процесс принятия решений дается ему чрезвычайно трудно¹⁰.

Некоторые подростки более уязвимы к зависимостям, чем другие. Социальные, нейробиологические и психологические факторы, а также особенности личности могут повысить вероятность развития поведенческой зависимости.

В одном исследовании исследователи определили четыре черты характера, которые повышают риск развития зависимости у подростков: безнадежность, тревога; академические, личные и семейные проблемы; расстройства настроения; высокий уровень принятия

риска; и плохие навыки преодоления трудностей, трудности с саморегуляцией показывают, что основные мотивы такого поведения включают депрессивную симптоматику; беспокойство; проблемной склонности к азартным играм среди подростков чувствительность, импульсивность и поиск ощущений.

Поскольку, как отмечалось выше, одной из наиболее распространенных проблем подросткового возраста является зависимость, и такая ситуация может иметь серьезные последствия для подростков, поэтому необходимо знать основные повторяющиеся причины зависимости у подростков:

- низкая самооценка;
- семейные проблемы;
- академические и профессиональные проблемы;
- давление со стороны сверстников.

Наркомания в подростковом возрасте – это проблема, от которой страдают тысячи молодых людей по всему миру. К сожалению, ее причина не всегда ясна, и подростки подвергаются более высокому риску развития зависимости, чем любая другая группа населения. Некоторые из основных причин этой обеспокоенности будут объяснены ниже.

Эмоциональные проблемы включают стресс, тревогу и депрессию. Эти состояния распространены в подростковом возрасте в связи с быстрыми изменениями, происходящими в жизни молодых людей.

Кроме того, подростковое настроение может найти способ облегчиться посредством употребления алкоголя и наркотиков, известного как «автоматический побег». Многим подросткам эти вещества могут принести временное облегчение, но они также могут привести к зависимости и злоупотреблению¹¹.

Факторы окружающей среды могут влиять на подростков. Эти факторы включают употребление психоактивных веществ родителями, давление со стороны сверстников, сложный жизненный опыт и т.д.

Например, подросток, выросший в среде, где употребляют алкоголь или наркотики, может быть более склонен экспериментировать с психоактивными веществами, иногда с катастрофическими последствиями. Точно так же сверстники могут влиять на подростков. Все это побуждает их идти на риск, связанный с употреблением психоактивных веществ.

8 Василькова Ю.В. Указ. соч. С. 199.

9 Азарова Л.А. Указ. соч. С. 122.

10 Биктина Н.Н. Школьная дезадаптация как следствие психологического неблагополучия образовательной среды // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 533. С. 370-375.

11 Воронова Е.В. Комплексные условия профилактики и коррекции отклоняющегося поведения подростков: дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2019. С. 54.

Подростки часто ищут свою индивидуальность и признание другими. Это может стать основным источником стресса, поскольку подросток пытается убедиться, что он поступает правильно.

Борьба с зависимым поведением в подростковом возрасте начинается с точечного воздействия на причины его возникновения. Одним из наиболее перспективных инструментов борьбы в настоящее время является социально-психологический тренинг. Этот инструмент представлен в виде совокупности групповых упражнений, ориентированных на разрешение ряда проблем. Речь идет о проблемах, которые неминуемо приводят к возникновению аддиктивных проявлений. Причем каждый подросток отличается наличием индивидуального комплекса психологических и социальных проблем.

В исследованиях С.Н. Макшанова, Н.Ю. Хрящевой указано, что тренингом является многофункциональный метод реализации преднамеренных трансформаций психологических аспектов. Целевое воздействие может быть направлено на отдельного человека, группу или организацию. Основной задачей является оптимизация личностной и профессиональной сфер жизнедеятельности¹².

В отношении подростков тренинговый подход используется для того, чтобы обучить их использованию средств самовыражения. На начальном этапе основной задачей является обучение подростков восприятию, принятию и пониманию собственной личности. Квалифицированная помощь способствует разрушению негативных установок, оптимизации коммуникативной сферы, становлению положительной и адекватной самооценки. Указанный подход доказал свою эффективность в борьбе с различного рода зависимостями. Групповая работа ориентирована на оказание эмоциональной поддержки, что определяет сокращение эмоциональных переживаний и устранение страхов. Иными словами, тренинговый метод позволяет нейтрализовать те эмоциональные состояния, которые являются предвестниками аддиктивного поведения¹³.

Л.А. Азарова указывает на то, что тренинговый подход позволяет разрешить проблему самовосприятия подростка в соответствии с такими направлениями, как:

- восприятие собственной личности посредством сопоставления качеств с другими участниками тренинга (мнение со стороны);
- познание себя через познание других (метод обратной связи);
- познание себя посредством анализа результатов

собственной деятельности (работа с самооценкой);
 — восприятие собственной личности посредством оценки внешнего состояния (работа с принятием физических качеств)¹⁴.

В работах Б.Г. Ананьева указывается, что проведение социально-психологического тренинга является эффективным инструментом борьбы с аддиктивными проявлениями. Целевое воздействие осуществляется по следующим направлениям:

- конативное направление. Индивид познает новые поведенческие модели по причине осознания низкой эффективности использования привычных форм поведения;
- эмоциональное направление. Информационные потоки осознаются посредством анализа личностной значимости;
- когнитивное направление. Данное направление реализуется посредством приобретения информации путем решения задач, ориентированных на повышение качества коммуникации¹⁵.

В первую очередь, тренинговый процесс направлен на коррекцию негативных поведенческих проявлений: социальных и неадаптивных установок. Однако по прошествии нескольких занятий программа тренинга может быть расширена путем добавления развивающих направлений. Данные направления способствуют развитию адекватной самооценки, коммуникативных навыков, позитивных личностных качеств, ценностных ориентиров и навыков саморегуляции.

Ключевые этапы структурирования содержательной работы с подростками с зависимостью с помощью тренинга представлены на рисунке 1.

Тренинговый подход может быть реализован путем использования таких форм занятий, как:

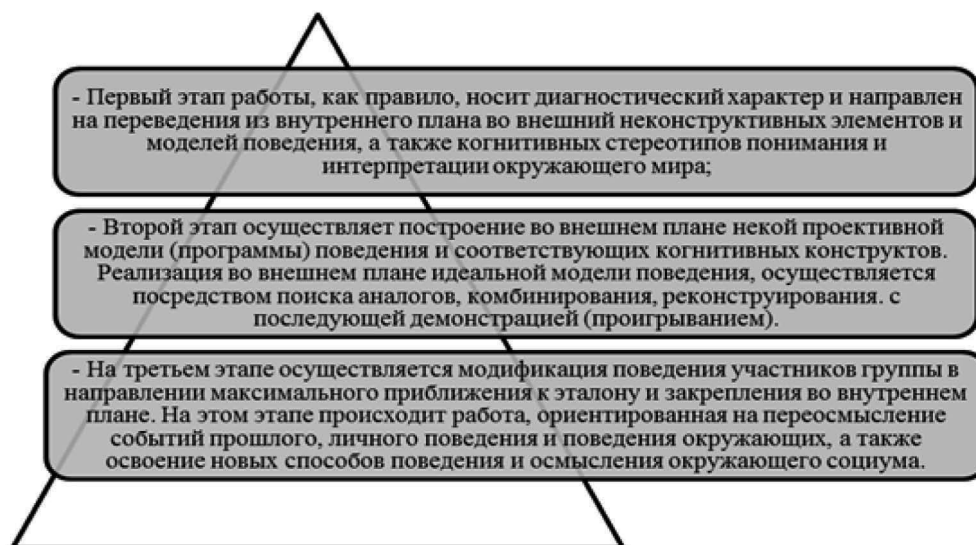
- непосредственно тренинговые занятия. Во время занятий формируется устойчивость индивида к негативным факторам окружающей среды. Основной целью проведения занятий является трансформация установок на аддиктивное поведение. Необходимо обучить подростков навыкам отказа от потребления психоактивных веществ в ситуациях давления со стороны окружения;
- аффективно-ценностное обучение. С целью предупреждения зависимого поведения необходимо обучать индивида навыкам экологичного проявления эмоций. Важным навыком является умение конструктивно принимать решения в ситуациях стрессогенного воздействия;

12 Ананьев Б.Г. Указ. соч. С. 78.

13 Ананьев Б.Г. Указ. соч. С. 87.

14 Азарова Л.А. Указ. соч. С. 34.

15 Ананьев Б.Г. Указ. соч. С. 158.

Рис. 1. Основные этапы работы в тренинге¹⁶

— занятия по развитию жизненно важных навыков. Полноценное существование индивида в обществе невозможно без должного уровня развития коммуникативных навыков, умений аргументированно отстаивать собственную позицию, контролировать собственные поведенческие реакции и принимать взвешенные решения.

Одним из обязательных компонентов тренинга является обратная связь от сверстников. Трудно переоценить значимость обратной связи, так как с ее помощью подросток учитывает понимать и оценивать собственную личность. Тренинг является своеобразной моделью повседневного коммуникативного взаимодействия. Моделируя ситуации общения, подростки учатся сопоставлять причины и последствия.

Обратная связь позволяет подростку получить представление о самом себе путем анализа нескольких мнений со стороны. Одним из очевидных следствий тренинговой работы является противоречие собственного представления и представлений других участников. Отсутствие согласованности мнений провоцирует осуществление попыток самопознания. В результате качественной работы в группе у подростка наблюдается расширение позитивного образа «Я» и становление адекватной самооценки¹⁷.

Обобщая вышесказанное, отметим, что аддиктивное поведение является самостоятельной формой девиантного поведения. Зависимое поведение проявляется в стремлении индивида отказаться от реальности путем трансформации сознания.

Одним из наиболее эффективных инструментов борьбы с аддиктивным поведением подростков является психолого-педагогический тренинг. В подростковом возрасте необходимо создать оптимальные условия для познания внешнего и внутреннего мира. Самопознание способствует выработке ценностных ориентиров, становлению адекватной самооценке, формированию позитивных моделей поведения. Групповая работа позволяет обеспечить сразу две потребности подростков: потребность в одобрении со стороны взрослого человека; потребность в коммуникации с ровесниками. Помимо прочего, групповые занятия позволяют подростку ощутить себя значимым среди людей, у которых имеются аналогичные трудности¹⁸.

Так, психолого-педагогический тренинг ориентирован на развитие коммуникативных навыков, получение опыта рефлексии и самопознания. В настоящее время этот подход должен рассматриваться в качестве одного из первоочередных инструментов психологической коррекции аддиктивного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова, Л.А. Психология девиантного поведения / Л.А. Азарова. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2019. – 164 с.

16 Биктина Н.Н. Указ. соч. С. 370-375.

17 Биктина Н.Н. Указ. соч. С. 370-375.

18 Василькова Ю.В. Указ. соч. С. 178.

2. Ананьев, Б.Г. О человеке, как объекте и субъекте воспитания / Б.Г. Ананьев. – М.: Эксмо, 2022. – 289 с.
3. Арифова, А.Ю. Социально-психологический тренинг как средство профилактики девиантного поведения и повышения уровня информационно-психологической безопасности подростков / А.Ю. Арифова, Е.Ю. Кольчик // Форум молодых ученых. – 2019. – №3 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskij-trening-kak-sredstvo-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-i-povysheniya-urovnya-informatsionno> (дата обращения: 16.12.2023).
4. Биктина, Н.Н. Школьная дезадаптация как следствие психологического неблагополучия образовательной среды / Н.Н. Биктина // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 533. – С. 370-375.
5. Бодалев, А.А. Личность в общении / А.А. Бодалев. – М.: ИНФРА, 2020. – 208 с.
6. Василькова, Ю.В. Методика и опыт работы социального педагога / Ю.В. Василькова. – СПб.: Ювента, 2021. – 208 с.
7. Воронова, Е.В. Комплексные условия профилактики и коррекции отклоняющегося поведения подростков: дис. ... канд. пед. наук / Е.В. Воронова. – Рязань, 2019. – 236 с.
8. Галич, Г.О. Профилактика девиантного поведения детей и подростков / Г.О. Галич // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2020. – №16 (20). – С. 84-91.
9. Гамезо, М.В. Возрастная и педагогическая психология / М.В. Гамезо. – М.: Просвещение, 2022. – 276 с.
10. Гербут, К.А. Модель педагогической профилактики девиантного поведения у подростков / К.А. Гербут // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2022. – №3. – С. 63-70
11. Гилева, Н.С. Психология девиантного поведения / Н.С. Гилева. – Омск: СибГУФК, 2022. – 128 с.
12. Гилинский, Я.И. Девиантное поведение подростков: Состояние, проблемы, перспективы / Я.И. Гилинский // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2021. – №4. – С. 124-137.
13. Девиантное поведение детей и подростков в современных социокультурных условиях / под ред. Семикин В.В., Королева Н.Н. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – 183 с.
14. Добрунова, М.Н. Коррекция девиантного поведения подростков в условиях оздоровительно-образовательных центров: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / М.Н. Добрунова. – Ярославль, 2008. – 288 с.
15. Дубровина, И.В. Возрастная и педагогическая психология: Хрестоматия / И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, В.В. Зацепин. – М.: Академия, 2019. – 320 с.
16. Змановская, Е.В. Девиантология / Е.В. Змановская. – М.: Академия, 2023. – 288 с.
17. Иванов, А.В. Социальная педагогика / А.В. Иванов. – М.: Дашков и КО, 2020. – 438 с.
18. Казанская, В.Г. Подросток. Трудности взросления / В.Г. Казанская. – СПб.: Ювента, 2022. – 279 с.
19. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения / Ю.А. Клейберг. – М.: ТЦ Сфера, 2019. – 160 с.
20. Ярыгина, И.И. Тренинг как форма профилактики интернет-зависимости подростков / И.И. Ярыгина // Гаудеамус. – 2019. – №1 (39). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trening-kak-forma-profilaktiki-internet-zavisimosti-podrostkov> (дата обращения: 16.12.2023).

© Анисимова Юлия Николаевна (yulya-vedernikona@yandex.ru), Коновалова Елена Викторовна (ele4621@yandex.ru),
Саттарова Алия Азатовна (sattarovaaliya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКОВ И УСПЕШНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ

Бельских Алексей Викторович

Соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет
Pbav94@rambler.ru

THE RELATIONSHIP OF MOTIVATIONAL FEATURES OF GAMING ACTIVITY AMONG ELECTRIC POWER ENGINEERS TO SUCCESS IN PROFESSIONAL TRAINING

A. Belskikh

Summary: The article describes the second stage of the study of the success of electric power engineers in professional training. The progress of the first stage of the study, conducted by S.S. Epatko, is briefly described, during which the generating game «10-0.4 kilovolt Electric Grid area» was conducted and the success estimates were given by a group of experts. In the second stage of the study, the motives of gaming activity were investigated in order to test the hypothesis that the motive of development will positively correlate with professional success. The motives of gaming activity were measured using a specially developed author's questionnaire. Correlation analysis was used to check the relationship. The hypothesis is confirmed.

Keywords: motivation, play activity, professional training, success, simulation training methods.

Аннотация: В статье описан второй этап исследования успешности электроэнергетиков в профессиональном обучении. Кратко описан ход выполнения первого этапа исследования, проведенный С.С. Епатко, в ходе которого была проведена порождающая игра «Электросетевой район 10-0,4 киловольт», и даны оценки успешности группой экспертов. В втором этапе работы исследовались мотивы игровой деятельности, чтобы проверить гипотезу о том, что мотив развития будет положительно коррелировать с профессиональной успешностью. Мотивы игровой деятельности измерялись с помощью специально-разработанной авторской анкеты. Для проверки взаимосвязи использовался корреляционный анализ. Гипотеза подтверждена.

Ключевые слова: мотивация, игровая деятельность, профессиональное обучение, успешность, имитационные методы обучения.

Данная работа является продолжением исследования роли имитационных методов обучения в профессиональном обучении электроэнергетиков, начатое к.п.н. С.С. Епатко под руководством к.п.н, профессором В.П. Третьяковым. [Епатко]

В основе педагогического процесса лежит мотивация [Маклаков]. Если человек для себя не будет понимать зачем ему чему-то учиться или учиться конкретно этой дисциплине или этой теме, то вряд ли результат обучения будет высоким.

В данном исследовании мы исходим из гипотезы, что человек с большей мотивацией к обучению (развитию) будет иметь более высокие результаты этого обучения, в данном случае профессиональном обучении.

Для проверки данной гипотезы, мы решили продолжить исследования к.п.н. С.С. Епатко.

В 2021 году С.С. Епатко провел исследование на сотрудниках (электромонтерах и мастерах) акционерного общества «ЛОЭСК – Электроэнергетические сети Санкт-Петербурга и Ленинградской области» (АО «ЛОЭСК»).

Сотрудники в рамках своего обучения участвовали в порождающей игре «Электросетевой район 10–0,4 киловольт». Суть игры состояла в том, чтобы с помощью специально-разработанной колоды карточек выложить цепь признаков аварийной ситуации.

Порождающие игры – это метод, разработанный В.П. Третьяковым для оценки и обучения персонала на электроэнергетических и других предприятиях. Это вид деловых игр, в которых нет устоявшегося сценария, ход игры разворачивается в процессе [Третьяков].

По окончании игровой сессии группа экспертов оценивала успешность выполнения задачи. В качестве критериев успешности были выбраны 2 показателя: общая оценка и количество карточек.

Те же испытуемые участвовали и в нашем исследовании. Для оценки мотивации участия в игровой деятельности сотрудники прошли специальным образом разработанную анкету. Всего участников исследования было 60 человек.

Анкета состояла из графы для регистрации возраста и 11 шкал Лайкерта от 0 до 10, где испытуемый мог дать оцен-

ку степени влияния на него того или иного мотива в том или ином виде игр. Классификация игр была составлена на основании теоретического исследования. Основанием для классификации стала опредмечиваемая игрой потребность. В данную классификацию вошли Компьютерные, Мобильные, Консольные, Настольные, Карточные игры, Игры с использованием тела, Спортивные, Ролевые и Деловые игры. Классификация мотивов также является интегративной, исходя из теоретического исследования отечественных и зарубежных исследователей мотивации игровой деятельности. В неё вошли Мотив Цель Игры, Развития, Достижения, Влияния, Творчества, Отношения, Обладания, Редкости, Непредсказуемости, Избегания и Досуга.

Для каждого типа игр была отдельная страница, где испытуемый мог регистрировать свой игровой опыт и степень влияния того или иного мотива на него. В начале анкеты давалось подробное описание типам игр и исследуемым мотивам, чтобы испытуемый однозначно понимал значение данных слов. Математическая проверка анкеты позволяет говорить о чувствительности метода к измеряемому параметру.

Проводя математический анализ данных, мы выделили наличие корреляционных связей между результатами игры и мотивами игровой деятельности. Был проведен корреляционный анализ двух показателей успешности обучения: общей оценки игрока и количества карточек, использованных игроком в игровом эксперименте (общая оценка и количество карточек) и мотивами игровой деятельности.

Критерий общей оценки значимо коррелирует с несколькими мотивами: Достижения (0,381; $p=0,01$), Цель игры (0,412; $p=0,01$), Развития (0,662; $p=0,01$), Творчества (0,274; $p=0,01$), Досуга (0,212; $p=0,01$), Обладания (0,211; $p=0,01$), Избегания (0,271; $p=0,01$). Наибольшую взаимосвязь имеет мотив Развития.

Критерий количества карточек значимо коррелирует с несколькими мотивами: Достижения (0,551; $p=0,01$), Цель игры (0,443; $p=0,01$), Развития (0,541; $p=0,01$), Творчества (0,235; $p=0,01$), Досуга (0,224; $p=0,01$), Обладания (0,314; $p=0,01$), Избегания (0,301; $p=0,01$). Наибольшую взаимосвязь имеет мотив Достижения.

Сотрудники, которые были более ориентированы на развитие получили более высокие показатели успешности в данном профессиональном обучении. Сотрудники, которые были более ориентированы на решение задачи, т.е. на достижения, получили более высокие оценки в рамках выполнения задач по обучению.

Проведенное сравнение еще раз подчеркивает значение приоритета мотива развития в достижении успешности в профессиональном обучении.

Эмпирически выявлено, что проведение имитационных методов в профессиональном обучении актуализирует потребность в проактивном поведении и желании развиваться. Мотивы развития и достижения являются факторами успешности в профессиональном обучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Епатко С.С. Психологические предикторы сформированности концептуальной модели объекта управления: на примере ремонтно-эксплуатационного персонала электрических сетей: диссертация кандидата психологических наук: 19.00.03. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. - Санкт-Петербург, 2020. - с. 207.
2. Маклаков А.Г. Общая психология. — СПб.: Питер, 2001. — с. 592.
3. Третьяков. В.П. Порождающие игры. Практическое руководство по применению. – Х., Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. – с. 240.

© Бельских Алексей Викторович (Pbav94@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ ПРОИЗВОЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ АЛЕКСИТИМИИ

SPECIFICITY OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL CORRELATES OF VARIOUS COMPONENTS OF EMOTION REGULATION IN YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT LEVELS OF ALEXITHYmia

*E. Dorosheva
M. Rushenko*

Summary: The features of the psychophysiological correlates of the reaction to stressful stimuli in young people with different levels of alexithymia were examined under conditions without presentation of instructions and with instructions on the use of effective means of emotion regulation (distraction of attention from the stimulus and cognitive reappraisal). There were no differences in the characteristics of galvanic skin response and heart rate at the first stage of the experiment. Reduced response when using regulatory strategies as instructed for the measures studied was demonstrated for participants with low, but not with high, levels of alexithymia; in the latter case, only the response configuration was changed. The role of voluntary self-regulation strategies in the processing of emotional information and the formation of resistance to stress factors is discussed.

Keywords: alexithymia, emotion regulation, response to stressors, galvanic skin response, heart rate.

Дорошева Елена Алексеевна

Кандидат биологических наук, Новосибирский государственный университет, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины
elena.dorosheva@mail.ru

Рушенко Михаил Валерьевич

аспирант, Новосибирский Государственный Университет Экономики и Управления
rushenko.mihael@yandex.ru

Аннотация: Рассматривались особенности психофизиологических коррелятов реакции на стрессовые стимулы у молодых людей с разным уровнем alexithymia в условиях без предъявления инструкции и с инструкцией по применению эффективных средств регуляции эмоций (отвлечения внимания от стимула и когнитивной переоценки). Не выявлено различий в характеристиках кожно-гальванической реакции и частоты сердечных сокращений на первом этапе эксперимента. Снижение ответа при применении регуляторных стратегий согласно инструкции для изучаемых показателей продемонстрировано для участников с низким, но не с высоким уровнем alexithymia; в последнем случае изменялась только конфигурация ответа. Обсуждается роль произвольных стратегий саморегуляции в процессах обработки эмоциональной информации и формировании устойчивости к действию факторов стресса.

Ключевые слова: alexithymia, регуляция эмоций, ответ на стрессор, кожно-гальваническая реакция, частота сердечных сокращений.

Введение

Алекситимия – присущее личности или ситуативное свойство, состоящее в склонности более обращать внимания на собственные телесные ощущения, чем на эмоциональные состояния, затруднениях в понимании и вербализации своих эмоций, оперировании фактами в противоположность их осмыслению, снижении склонности к фантазированию, возможности использования метафор. Впервые феномен alexithymia был описан у пациентов, страдающих различными психосоматическими заболеваниями, в попытках найти подходы к психологическому сопровождению их лечения [13].

Изначальное развитие представления об alexithymia в рамках психоаналитической теории привело к появлению идеи о том, что вторичная alexithymia (возникающая не на основе врожденных дефицитов мозга, а вследствие факторов влияния среды) связана

с наличием травматического опыта, затрудняющего обработку эмоциональной информации [7]. На основе этого предположения возникла гипотеза о несоответствии при alexithymia между физиологическими и субъективно-эмоциональными компонентами, что может приводить к преувеличенному или недостаточно регулируемому физиологическому и психическому возбуждению [11], что снижает устойчивость к действию стрессогенных факторов и может способствовать возникновению психосоматических заболеваний [9].

Адаптивная обработка эмоций включает в себя три обширных этапа: (1) восприятие, идентификация и оценка стимула, (2) генерация аффективных реакций и (3) регуляция эмоций для оптимизации ответа [6]. Показанное ассоциированное с alexithymia снижение автоматизированных процессов обработки эмоциональной информации [14], а также извлечения эмоциональной информации из памяти [15].

Данные широкого круга исследований изменений кожно-гальванической реакции (КГР), частоты сердечных сокращений (ЧСС), артериального давления и других показателей работы вегетативной нервной системы в экспериментальных условиях предъявления эмоциональных изображений, видеофрагментов, вербальных заданий и т.д. показывают снижение либо сохранение уровня ответной активации при высоком уровне алекситимии в сравнении с участниками исследований без алекситимии; лишь в немногочисленных работах показано изменение ее в более высокую сторону. В ситуации покоя или медитации в части исследований не обнаруживается различия показателей; также есть достаточно много свидетельств о более высоких базовых показателях давления, частоты сердечных сокращений у лиц с высокой алекситимией. Для них также характерно более медленное восстановление показателей после завершения действия стрессора, однако это может быть связано со снижением реактивности [10].

Б. Бермонд и Г. Ворст предложили концепцию двухфакторной модели алекситимии, включающую ортогональные аффективный (генерация эмоций и способность к фантазированию) и когнитивный (понимание, вербализация, анализ эмоций) факторы [3]. В дальнейших исследованиях ими были показаны различия их вклада в вегетативные корреляты стрессовых реакций – в то время как аффективный компонент алекситимии вносил основной вклад в регуляцию пиковой амплитуды КГР, когнитивный компонент увеличивал время ответа на стимул и усиливал базовые значения кожно-гальванической реакции [4], [5].

Этап регулирования эмоций основан на тесном взаимодействии эмоциональных и когнитивных систем обработки информации. Под регуляцией эмоций понимается модификация первичного эмоционального ответа в ходе продолжающейся оценки ситуации, которая может включать их усиление, ослабление, качественное изменение либо удержание на одном уровне [6]. Такая корректировка первичных эмоциональных ответов направлена на организацию адаптивного поведения и соответствующего ему функционального состояния, однако в случае применения условно непродуктивных старгий регуляции эмоций может решать ситуативные задачи, снижая адаптацию в долгосрочной перспективе. Показана связь высоких показателей алекситимии с применением неадаптивных стратегий регуляции эмоций и снижением продуктивных; выдвигается предположение, что при снижении нейрофизиологических ресурсов для качественной обработки эмоциональных стимулов при генерации ответной реакции, характерной для алекситимии, в поведении закрепляется применение малоадаптивных, но дающий сиюминутный положительный эффект регуляторных стратегий [2], [12]. Дефициты продуктивной саморегуляции могут быть связаны также

с дисфункциями лобных долей мозга, изменениями их взаимодействий со структурами лимбической системы, характерными для алекситимии [8].

Целью данного исследования явилось изучение вегетативных коррелятов эмоциональных реакций у лиц с высокой и низкой алекситимией в ситуации регуляции эмоций согласно инструкции. Мы предположили, что именно снижение возможностей произвольной регуляции вносит основной вклад в ассоциированное с алекситимическими чертами уменьшение стрессоустойчивости.

Материалы, методы и выборка исследования

Участники эксперимента отбирались с помощью Торонтской алекситимической шкалы TAS-26 [1]. В эксперимент включили 9 участников эксперимента со сформированной (высокой) алекситимией - показателем TAS-26 выше 72 баллов, из них 2 юношей, 7 девушек; 13 – без риска алекситимии (с низкой алекситимией) с показателем ниже 63 баллов, из них 2 юноши, 11 девушек. Возраст респондентов - 19-21 год. Все участники эксперимента заполняли информированное согласие.

Испытуемым демонстрировалось два видеоряда, включающих нарезку стрессогенных видеофрагментов, чередующихся с нейтральными (21 сцена, продолжительность одного видеоряда - 13 минут). Использовались видеофрагменты, направленные на индуцирование, прежде всего, страха (в разных вариантах – высота, нападение дикого зверя и т.д.), отвращения. Первый видеоряд демонстрировался без инструкции, для второго видеоряда требовалось применять, согласно инструкции, две стратегии регуляции эмоций во время просмотра – отвлечение внимания и когнитивную переоценку ситуации. Фиксировались показатели КГР (величина изменения реакции, мВ, продолжительность изменения, с, конфигурация ответа, отражаемая в числе пиков), ЧСС. Для измерения физиологических показателей использовали систему Biopack.

С помощью U-критерия Манна-Уитни сравнивали показатели пульса и КГР для групп отдельно для первого видеоряда, с помощью T-критерия Вилкоксона в группах сравнивали показатели первого и второго видеорядов.

Результаты и обсуждение

Показатели групп с высокой и низкой алекситимией в условиях предъявления стрессоров без инструкции по регуляции эмоций не показали различий (таблица 1).

Результаты сравнения вегетативных показателей в условиях с предъявлением инструкции по регуляции эмоций и без нее показали значимые снижения КГР, ее продолжительности, среднего числа пиков и ЧСС; в группе с

Таблица 1.

Сравнение значений физиологических коррелятов эмоционального ответа при высокой (ВА) и низкой (НА) алекситимии и средние значения без предъявления инструкции, U-критерий Манна-Уитни.

Показатель	Среднее значение		Сумма рангов		U	P
	ВА	НА	ВА	НА		
КГР, мВ	0,73	1,02	92	161	47	0,462
ЧСС	101,96	93,37	121	132	41	0,256
Количество амплитуд	2,34	1,47	125	128	37	0,160
Продолжительность реакции, с	2,32	2,25	99	154	54	0,789

Таблица 2.

Сравнение физиологических коррелятов эмоционального ответа при высокой (ВА) и низкой (НА) алекситимии в экспериментах без использования и с использованием, согласно инструкции, стратегий регуляции эмоций, T-критерий Вилкоксона, средние значения.

Показатель	Группа	Среднее значение		T	p
		Без инструкции	С инструкцией		
КГР, мВ	ВА	0,73	0,65	12,0	0,214
	НА	1,02	0,78	15,0	0,033
ЧСС	ВА	101,97	97,18	11,0	0,173
	НА	93,38	87,45	9,0	0,011
Количество амплитуд ЧСС	ВА	2,35	1,83	2,0	0,015
	НА	1,48	0,97	0,0	0,001
Продолжительность реакции, с	ВА	2,32	2,02	10,0	0,139
	НА	2,26	1,52	12,0	0,019

Примечание. Жирным шрифтом выделены значимые различия.

низкой алекситимией уменьшилось только число пиков КГР (таблица 2). Описанные закономерности проявились и при анализе ответов на отдельные видеофрагменты, парадоксальных изменений показателей отмечено не было ни в одном случае.

Таким образом, как и в ряде предыдущих исследований, было показано сходство физиологических реакций на стрессор у лиц с высоким и низким уровнем алекситимии. Однако попытка применения осознанной регуляции эмоций показало существенное изменение только у участников эксперимента с низким уровнем алекситимии, что может указывать на то, что им легче реализовать произвольный контроль своих реакций. Нельзя исключить и того момента, что сама инструкция по снижению уровня стресса могла восприниматься молодыми людьми с низким уровнем алекситимии на основе их предыдущего опыта более успешной саморегуляции как в большей степени потенциально реализуемая, что могло сказаться на полученных результатах. Возможно также, что уже сформированные навыки облегчают саморегуляцию у лиц с низкой алекситимией, тогда как для алекситимиков необходимо множество повторений.

Полученные данные (несомненно, нуждающиеся в дальнейшей проверке в связи с небольшим числом

участников эксперимента) могут быть полезны при разработке коррекционных программ для участников с высокой алекситимией, указывая на необходимость уделения внимания поиску методов способов формирования регуляторных стратегий с принятием во внимание сложности их произвольной реализации.

Заключение

Феномен алекситимии продолжает привлекать внимание исследователей и психологов-практиков как мишень воздействия для улучшения соматического и психологического благополучия человека. Анализ научных работ, посвященных исследованию специфике вегетативных ответов на стрессовые стимулы, показывает высокое разнообразие полученных результатов, что может быть связано как с неоднородностью изучаемого явления, так и с разницей в условиях проведения экспериментов. Результаты данного исследования указывают на снижение возможностей произвольной саморегуляции при высокой алекситимии не только, как было показано ранее, в ситуации собственного инициирования регуляции ответа на стрессор, но и при следовании инструкции. Учет этих особенностей людей с высоким уровнем алекситимии должен учитываться в психологической практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ереско Д.Б., Исурина Г.Л., Кайдановская Е.В., Карвасарский Б.Д., Карпова Э.Б. и др. Алекситимия и методы её определения при пограничных психосоматических расстройствах. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2005.
2. Цымбал А.В., Дорошева Е.А. Специфика способов эмоциональной регуляции у женщин с алекситимией // Психология XXI века: методология психологической науки и практики: Сборник тезисов участников международной научной конференции молодых ученых. ОСПб.: ООО «Скифия-принт», 2020. С. 110-111.
3. Bermond V., Vorst H.C.M. Validity and reliability of the Bermond-Vorst Alexithymia Questionnaire // Personality and Individual Differences. 1999. 30 (3). P. 413-434. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00033-7
4. Bermond V., Vorst H.C., Moormann P.P. Cognitive neuropsychology of alexithymia: implications for personality typology // Cognitive Neuropsychiatry. 2006. 11 (3). P. 332-360. DOI: 10.1080/13546800500368607.
5. Bermond V., Bierman D.J., Cladder M.A., Moormann P.P., Vorst H.C. The cognitive and affective alexithymia dimensions in the regulation of sympathetic responses // International Journal of Psychophysiology. 2010. 75 (3). P. 227-233. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2009.11.004
6. Gross J.J., Thompson R.A. Emotion regulation: Conceptual foundations. In J.J. Gross (Ed.), Handbook of Emotion Regulation/ New York: Guilford Press, 2007. P. 3–24.
7. Krystal H. Integration and Self-healing. Affect, Trauma, Alexithymia. Hillsdale, NJ: Analytic Press, 1988.
8. Larsen J., Brand N., Bermond V., Hijman R. Cognitive and emotional characteristics of Alexithymia // Journal of Psychosomatic Research. 2003. 54(6). P. 533-541. DOI: 10.1016/S0022-3999(02)00466-X
9. Martin J.B., Pihl R.O. Influence of alexithymic characteristics on physiological and subjective stress responses in normal individuals. Psychother Psychosom, 1986. 45(2). P. 66-77. DOI: 10.1159/000287930.
10. Panayiotou G., Panteli M., Vlemingx E. Processing Emotions in Alexithymia: A Systematic Review of Physiological Markers. In: Luminet O., Bagby R.M., Taylor G.J. (eds.) Alexithymia: Advances in Research, Theory, and Clinical Practice. Cambridge University Press, 2018. P. 291-320. DOI: 10.1017/9781108241595.018
11. Papciak A.S., Feuerstein M., Spiegel, J.A. Stress reactivity in alexithymia: Decoupling of physiological and cognitive responses // Journal of Human Stress. 1985. 11. P. 135–142.
12. Preece D.A., Mehta A., Petrova K., Sikka P., Bjureberg J., Becerra R., Gross J.J. Alexithymia and emotion regulation // Journal of Affective Disorders. 2023. 324. P. 232-238. DOI: 10.1016/j.jad.2022.12.065
13. Sifneos P.E. The prevalence of 'alexithymic' characteristics in psychosomatic patients // Psychotherapy and Psychosomatics. 1973. 2-6 (22). P. 255–262.
14. Vermeulen N., Luminet O., Corneille O. Alexithymia and the automatic processing of affective information: Evidence from the affective priming paradigm // Cognition and Emotion. 2006. 20. P. 64–91.
15. Vermeulen N., Toussaint J., Luminet O. The influence of alexithymia and music on the incidental memory for emotion words. European Journal of Personality // 2010. 24. P. 551–568 .

© Дорошева Елена Алексеевна (elena.dorosheva@mail.ru), Рушенко Михаил Валерьевич (rushenko.mihael@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

FEATURES OF THE VALUE AND MEANING SPHERE OF PERSONALITY OF STUDENTS IN THE DIRECTION OF TRAINING "PSYCHOLOGY OF OFFICE ACTIVITY"

A. Kozhevina
S. Dubrovina
O. Karabinskaya
A. Semenova

Summary: The article presents the results of identifying the characteristics of the value-semantic sphere of personality of students in the field of training "Psychology of professional activity". The study involved first- and fifth-year students in the "Personal Psychology" training area. For first-year students, values such as "active social contacts" and "creativity" occupy the main place among the studied terminal values, while for fifth-year students the value "preservation of individuality" will be in first place. Common values for both groups of students will be "achievement" and "self-development." In terms of locus of control, LK-Life predominates among first-year students, and LK-I predominates among fifth-year students. The overall level of meaningfulness in life is high in both groups.

Keywords: value-semantic sphere of personality, value orientations, personality, students.

Кожевина Анна Павловна

кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
apkozhevina@mail.ru

Дубровина Светлана Валериевна

кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Иркутский государственный
медицинский университет» Минздрава РФ
dubrovina.swetlana2014@yandex.ru

Карабинская Ольга Арнольдовна

кандидат медицинских наук, ассистент, ФГБОУ
ВО «Иркутский государственный медицинский
университет» Минздрава РФ
fastmail164@gmail.com

Семенова Анастасия Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент, Новороссийский
филиал ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет»
aasemenova2011@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты выявления особенностей ценностно-смысловой сферы личности студентов направления подготовки «Психология служебной деятельности». В исследовании принимали участие студенты первого и пятого курса обучения направления подготовки «Психология служебной деятельности». Для студентов, обучающихся на первом курсе такие ценности, как «активные социальные контакты» и «креативность» занимают главное место среди исследуемых терминальных ценностей, в то время как для студентов пятого курса на первом месте будет ценность «сохранение индивидуальности». Общими по важности ценностями для обеих групп студентов будут «достижения» и «развитие себя». По локусу контроля у студентов первого курса преобладает ЛК-Жизнь, у студентов пятого курса - ЛК-Я. Общий показатель осмысленности жизни в обеих группах высокий.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера личности, ценностные ориентации, личность, студенты.

В изучении ценностно-смысловой сферы существует множество точек зрения на предмет соотношения ее основных компонентов: ценностей и смыслов. Во многих научных школах ключевым моментом исследования является ее целостность, как важнейший компонент становления и развития личности.

Первая психологическая теория смысла принадлежит А. Адлеру, смысл в ней понимается как индивидуальное, часто субъективное видение человеком повседневных ситуаций, компонентами которого являются предметы и явления общества, установки, черты личности и поведения, выступающие при этом и источни-

ками смысла. Вводится понятие целеориентированное поведение, оно ставит главной жизненной задачей обретение смысла и осуществляется на основе объединения жизненного стиля личности и его представлений о смысле. [1]

В теории социального научения Дж. Роттера локус контроля, как переменная социального контроля, определяет, поведенческий потенциал личности. Он отражает смысловую направленность значимых ситуаций. На его основе человек определяет ценность смыслообразующей деятельности и определяет свою жизненную стратегию.

В. Франкл, в своем подходе, первый из научных деятелей говорит о единстве смыслов и ценностей, он рассматривает их как равнозначные образования. Сущность смысла определяется как целостная система, сочетающая в себе внешние и внутренние компоненты мира личности: «Смысл личностно уникален, но не субъективен, смысл находится в социальной среде и поэтому определяет основные устремления человека, который его открыл и осознал». В рамках данного подхода существует понятие ценность, которая определяет смысл в основных сферах человеческой жизни: чувствах, отношениях и творчестве. Это выводит нас на термин «положительный смысл».

Динамику формирования ценности В. Франкл описывает таким образом: «процесс сопоставления и признания противоречий между установившимися ценностями и изменениями в социальных ситуациях».

Г. Олпорт не различает ценность и личного смысла. В его понимании ценность: «принципиальную это и есть некий личностный смысл. Человек осознает ценность всякий раз, когда смысл имеет для него важность. Это важная категория, которая не получена с помощью упражнений или подкрепления, таких как определенные привычки и навыки. Личные смыслы превращают привычки и навыки внешнего класса личности в систему «Я». Процесс передачи внешних значений во внутренней трансформации средств в целях и формировании их личных значений, называемых «принципом функциональной автономии».

В отечественной психологии сложился целый ряд школ и направлений, в которых аналогичные подходы к пониманию ценностей рассматриваются в различных аспектах изучения свойств личности. В одних школах личность рассматривается в связи с анализом ее деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), в других центральное место занимает изучение психологических отношений личности (В.Н. Мясищев), в-третьих личность исследуется в связи с общением (К.А. Абульханова-Славская, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов) или в связи с установками (Д.Н. Узнадзе, А.С. Прангишвили). В качестве ведущей личностной характеристики выделяется направленность, понимаемая как «основная жизненная направленность» (Б.Г. Ананьев), «динамическая тенденция» (С.Л. Рубинштейн), «смыслообразующий мотив» (А.Н. Леонтьев), «доминирующие отношения» (В.Н. Мясищев).

Закревская О.В. дает следующее определение понятия «ценность»: «Ценность — понятие, используемое в философии, социологии и психологии для обозначения объектов и явлений, выступающих как значимые в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов. Ценности входят в структуру личности и определяют ее направленность, они формируются в

процессе социализации и обеспечивают духовную ориентацию человека, направленность его мировоззрения».

По определению Д.А. Парфеновой: «ценностно-смысловая сфера личности — это иерархически организованный, динамически взаимосвязанный компонент личности, осуществляющий регуляцию поведения, его оценку и направление, включающий в себя различные смысловые и ценностные образования (ценностные ориентации, личностные смыслы, смысл жизни, смысловые установки и пр.)». [6]

Образование в группе молодых людей представляет собой отдельную моральную и психологическую ценность, а также социальную, так как получение образования имеет своей особенностью включенность в новые социальные группы и большое количество взаимодействий с членами общества и общине. [3]

При создании первых университетов в XVII в. студентами назвались и те, кто проходит обучение и те, кто непосредственно обучает. Затем с появлением новых ученых званий для преподавательского состава — только студенты. В это же время студенчество обрело статус особой страты, которая отличалась гетерогенным составом, студенты были разного возраста и конечно, социального статуса.

В наше время, наличие высшего образования также имеет большую ценность, но при этом существуют пики его популярности и убежденность в его необходимости среди молодежи, или же наоборот пропагандируется позиция, подтверждающая то, что и без высшего образования можно достичь профессиональных успехов и личностной самореализации. Конечно, этот фактор влияет на намерение поступления в вузы, но особая значимость студенчества как социальной группы для всего общества от этого не становится меньше.

Важность студентов объясняется многими аспектами, но главным является то, что это многочисленная социально активная группа, пополняющая общество ценными кадрами в различных профессиональных сферах, оказывающие влияние на все сферы жизни общества.

В разные исторические периоды образование было более или менее доступным, существовали различные барьеры, делавшее его недостижимым для многих, например высокая стоимость обучения. При этом тем, кто все же его получал давало преимущество и особое отношение в обществе. Ярким примером тому служит то, что еще в XIX в. и XX в. студенты имели возможность принимать активное участие в политике и оказывали значительное влияние на жизненный уклад. [2]

Сейчас значительная часть студентов высшего учено-

го заведения понимает, какую роль оказывает образование в их жизни. Являясь социальным лифтом, образование повышает шанс на реализацию своих возможностей в выбранной профессиональной деятельности. [5]

Принятие студентами профессионально значимых ценностей приходится на период получения профессионального образования, а также происходит структурирование их ценностно-смысловой сферы, это говорит нам об особой значимости данного периода и его особой связи с будущим студентов, это и определяет актуальность темы нашего исследования. Профессиональный выбор это сложный, индивидуальный процесс, включающий в себя множество внутренних и внешних факторов, влияющих на его исход, но его важнейшими предпосылками будет устойчивая и иерархичная сфер личности человека. По мере вхождения в профессию происходит: «... поэтапная интериоризация, «кристаллизация» профессиональных ценностей в ценностно-смысловой сфере личности:

1-й этап — приобщение личности к ценностям профессиональной группы;

2-й этап — прогнозирование образа своего идеального профессионального будущего;

3-й этап — осознание личностью смысловых ориентиров собственной профессиональной деятельности». [7]

Н.О. Леоненко подчеркивает: «осуществление профессионального поведения в выбранной сфере профессиональной деятельности непосредственно связано с содержанием системы ценностей, потребностей, мотивов и смыслов, лежащих в основе субъективного отношения к данной деятельности». [4]

Профессия психолога связана со сферой деятельности «человек-человек», где необходимым является развитая ценностно-смысловая сфера личности самого психолога, особенно если психолог работает в сфере служебной деятельности. В связи с вышесказанным считаем актуальным изучение ценностно-смысловой сферы личности студентов направления подготовки «Психология служебной деятельности».

Цель исследования — выявить особенности ценностно-смысловой сферы личности студентов направления подготовки «Психология служебной деятельности».

Объект исследования — ценностно-смысловая сфера личности.

Предмет исследования — особенности ценностно-смысловой сферы личности студентов направления подготовки «Психология служебной деятельности».

Гипотезой исследования стало предположение, о том, что существуют различия в ценностно-смысловой

сфере личности студентов первого и пятого курса направления подготовки «Психология служебной деятельности», а именно: у студентов пятого курса уровень контактности и ценностных ориентаций будет выше, чем у студентов первого курса; у студентов пятого курса одной из доминирующих ценностей будет «сохранение индивидуальности», а у студентов первого курса «самопринятие».

Исследование проводилось в 2023-2024гг. В исследовании принимали участие 30 студентов направления подготовки «Психология служебной деятельности».

Методики исследования: Самоактуализационный тест САТ; Опросник Терминальных Ценностей (ОТеЦ) И.Г. Сенин; Методика «Смысло-жизненные ориентации» в адаптации Д.А. Леонтьева.

На начальном этапе нашего исследования мы разделили испытуемых на 2 группы: 1 группа - 16 студентов первого курса, 2 группа - 14 студентов пятого курса

Для измерения степени самоактуализации студентов по двум базовым и ряду дополнительных шкал испытуемых первого и пятого курса был использован тест самоактуализации (САТ).

Среди студентов первого курса наиболее высокий уровень из рассмотренных нами характеристик самоактуализации показали: спонтанность, познавательные потребности, и представления о природе человека. Студенты мотивированы на получение знаний, свободны в выражении чувств и понимают ролевые аспекты человеческих отношений. Наиболее низкий уровень из рассмотренных нами характеристик самоактуализации показали: ценностные ориентации, гибкость поведения, сензитивность и синергия. Студенты первого курса могут быть недостаточно гибки в меняющихся условиях и своем поведении, не всегда верно реагировать на внешние раздражители и эффективно участвовать во взаимодействии. В основном преобладают средние значения по всем шкалам данной методики, что говорит о богатом потенциале студентов для наибольшей реализации своих возможностей в будущем.

Для студентов пятого курса характерно: наиболее высокий уровень из рассмотренных нами характеристик самоактуализации показали: самоуважение, представления о природе человека, спонтанность и познавательные потребности. От первого курса этих студентов отличает выраженная способность ценить свои достоинства и объективно оценивать себя. Наиболее низкий уровень из рассмотренных нами характеристик самоактуализации показали: самопринятие, гибкость поведения и синергия. Студенты пятого курса более самокритичны, что вероятно объясняется более высоким уровнем рефлексии.

сии. В целом, полученные показатели пятого курса чаще средние и высокие, поэтому мы можем утверждать, что данные студенты имеют более высокий уровень самоактуализации, они разносторонне развиты и имеют сформированную личность.

По результатам анализа U-критерия Манна-Уитни мы выявили, что по пяти шкалам самоактуализации Уэмп, находится в зоне значимости: ценностные ориентации, самопринятие, принятие агрессии, контактность и креативность, что позволяет судить о наличии статистически достоверных различий.

Для диагностики жизненных целей (терминальных ценностей) испытуемых первого и пятого курса был использован опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) (И.Г. Сенин). Наиболее значимыми ценностями первого курса стали «достижения», «активные социальные контакты» и «развитие себя». Это говорит нам о том, что вектор ценностей направлен в будущее и присутствует акцент на саморазвитие. Ценностями наименьшей важности стали «сохранение индивидуальности», «высокое материальное положение», «духовное удовлетворение». Это можно объяснить тем, что студенты первого курса больше настроены на впитывание нового и готовы подчиняться авторитету в лице преподавателя, чем отстаивать свои старые представления и привычки. И их мотивация выбора профессии по большей части связана с заинтересованностью, а не материальной выгодой.

Студенты пятого курса наиболее значимыми ценностями для себя отметили «достижения», «развитие себя» и «сохранение индивидуальности». Им более важно иметь собственную позицию по лично и профессионально значимым вопросам. Ценностями наименьшей важности стали «креативность» и «высокое материальное положение». Это может говорить о приверженности чему-то определенному, например стиль жизни, принципы и работы и т.д. А также подтверждает, что на первом месте у них стоит заинтересованность, а не материальный достаток.

По результатам анализа U-критерия Манна-Уитни мы получили результаты, которые показали, что по трем показателям: активные социальные контакты, духовное удовлетворение и сохранение индивидуальности, Уэмп находится в зоне значимости, что позволяет судить о наличии статистически достоверных различий.

Для измерения общего показателя осмысленности жизни, смысложизненной ориентации и локуса контроля испытуемых был использована методика «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева. У большинства испытуемых первого курса по шкале «цели» высокие баллы, это говорит о том, что в жизни испытуемых есть цели в будущее, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. По показателю «ЛК-жизнь» большинство испытуемых также показало высокие баллы. Это характеризует их убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Общий показатель осмысленности жизни получил высокие и средние значения.

При изучении смысложизненных ориентации и определения локуса контроля студентов пятого курса были получены следующие результаты: у большинства испытуемых по шкале «цели» высокие баллы, это свидетельствует о наличии в жизни испытуемых целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. По показателю «ЛК-Я» большинство испытуемых также показало высокие баллы. Это говорит о том, что у испытуемых есть представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Общий показатель осмысленности жизни распределился по группе почти равномерно, что говорит о индивидуальности восприятия действительности.

По результатам анализа U-критерия Манна-Уитни значимых различий не выявлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: учебник / А. Адлер. – Москва: Академический проект, 2016. – 240 с.
2. Воронцова, Е.Г. Взаимосвязь представлений о самооэффективности с мотивацией достижения успеха у юношей и девушек, обучающихся на психологическом и юридическом направлениях обучения в вузе / Е.Г. Воронцова // *Baikal Research Journal*. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 3. – DOI 10.17150/2411-6262.2019.10(1).3. – EDN UJPTHD.
3. Воронцова, Е.Г. Взаимосвязь профессиональной идентичности и смысложизненных ориентаций у студентов творческих направлений обучения / Е.Г. Воронцова, Т.Н. Шеметова // *Baikal Research Journal*. – 2022. – Т. 13, № 4. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(4).6. – EDN KDFIAT.
4. Леоненко Н.О. Ценностно-смысловое содержание мотивации профессионального выбора студентов юридического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Казань, 2016 – 20 с.
5. Малахаева С.К. Исследование ценностных ориентаций российских студентов, обучающихся в Китае / С.К. Малахаева, М.Ю. Уварова, Е.А. Кедярова // *Baikal Research Journal*. — 2017. — Т. 8, № 4. — DOI : 10.17150/2411-6262.2017.8(4).8.

6. Парфенова Д.А. Структурно-уровневые характеристики ценностно-смысловой сферы личности в связи с особенностями интеллектуального развития в период ранней взрослости: дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2016. 258 с.
 7. Чижо Н.Ю. Ценностно-смысловая сфера личности студентов вузов с разным типом отношения к профессии: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Саратов, 2018. – 27 с.
-

© Кожевина Анна Павловна (apkozhevina@mail.ru), Дубровина Светлана Валериевна (dubrovina.swetlana2014@yandex.ru), Карабинская Ольга Арнольдовна (fastmail164@gmail.com), Семенова Анастасия Анатольевна (aasemenova2011@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ ТЕКСТАМ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF TRUST TEXTS ON THE INTERNET ENVIRONMENT AND INTERPERSONAL TRUST

М. Копачевская

Summary: The paper focuses on the issue of interpersonal trust and text reliability on the Internet environment. It's based on trust factors, as well as young people's ideas about connection degree of the proposed factors with trust. Respondents (128 people) assessed connection degree of various factors with interpersonal trust and trust in text on the Internet environment. The results of the study show which factors are most associated with trust, and also allow us to enrich the list of these factors. Interpretation of the data obtained provides the opportunity to make assumptions about the reasons for the connection of highly rated factors with trust and to identify factors in the grouping of these factors not only based on their connection with trust, but also according to semantic characteristics.

Keywords: interpersonal trust, trust in texts, Internet environment, persuasive communication.

Копачевская Мария Андреевна

*Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
mari.mariya97@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблеме межличностного доверия и доверия текстам в Интернет-среде. В ней рассматриваются факторы доверия, а также представления молодежи о степени связи предложенных факторов с доверием. Респонденты (128 человек) оценивали степень связи различных факторов с межличностным доверием и доверием текстам в Интернет-среде. Результаты исследования показывают какие факторы наиболее связаны с доверием, а также позволяют обогатить список этих факторов. Интерпретация полученных данных обеспечивает возможность выдвинуть предположения о причинах связи высоко оцениваемых факторов с доверием и выявить закономерности группировки этих факторов не только на основе связанности с доверием, но и по смысловым характеристикам.

Ключевые слова: межличностное доверие, доверие текстам, Интернет-среда, убеждающая коммуникация.

Постановка проблемы

Феномен доверия вызывает интерес исследователей в различных научных сферах. Наибольшее распространение и глубину изучения феномен доверия получил в работах отечественных и зарубежных психологов. Доверие представляет собой фундаментальный психологический феномен, который изучается на различных уровнях, в контексте вариативных ситуаций и оказывает значительное влияние на взаимоотношения в обществе. Доверие в психологии изучается с позиции малой группы, отдельных людей, особенностей социальной ситуации. Важными компонентами доверия являются аттракция, атрибутивные процессы доверия, установочные структуры доверия (Скрипкина, 2000).

Глубокая теоретическая разработка феномена доверия позволила выделить различные определения, классификации и функции доверия. Распространенной классификацией доверия является выделение следующих видов: доверие к себе, доверие к миру и доверие к другим. Доверие к себе - субъективный феномен, основанный на рефлексии и формировании ценностных представлений о собственной личности, который позволяет конструировать линию поведения и принимать ответственность

за собственные действия. Доверие к миру представляет собой отношение к субъектам окружающего мира, основанное на безопасности этих субъектов и формирующееся в раннем детстве под влиянием отношения родителей к ребенку. Доверие к другим является частным случаем доверия к миру и относится только к отдельным людям или группам людей, оно может носить обобщенный (социальный) характер и относиться к людям в целом, а может быть персонифицировано и носить межличностный характер (Скрипкина, 2000, Леонова, 2015).

Наибольший интерес для нас представляет развитие представлений о межличностном доверии в связи со спецификой проведенного исследования, поэтому рассмотрим это направление изучения доверия. В зарубежной традиции наибольшую популярность изучение межличностного доверия получило в рамках интеракционистской парадигмы (Дж. Хоманс, М. Дойч, Дж. Роттер, Р. Левицки), еще одним, однако, менее популярным направлением являлся трансактный анализ (Х. Белоу, В. Пирс, С. Шарп). В рамках интеракционизма доверие рассматривалось как процесс обмена, связанный с "приобретениями" и "потерями" в процессе общения, а также соотношением этих составляющих. Современные зарубежные исследования фокусируются на процессуаль-

ных аспектах и факторах доверия, а также, рассматривают данный феномен в рамках широкого социального контекста и взаимодействия в Интернете, например, на сайтах для бронирования жилья.

В отечественной традиции представления о межличностном доверии начинали разрабатываться в рамках социально-психологического внушения, феномена общения, формирования отношения к значимым другим и др. Межличностное доверие как самостоятельный феномен рассматривалось в работах Т.П. Скрипкиной, И.В. Антоненко, А.Б. Купрейченко, С.К. Нартовой-Бочавер и многих других. Важным фокусом внимания в рассмотрении доверия в отечественной психологии являлся субъектный подход, в рамках которого личность наделяется активностью, независимостью и самостоятельностью в принятии решений.

Существует большое количество определений межличностного доверия, которые акцентируют различные особенности и важные аспекты доверия. Рассмотрим наиболее популярные определения, для передачи многогранности и разнообразия представлений об этом феномене. Данные определения основываются на отличных друг от друга подходах и выделяют в феномене доверия характеристики различной степени важности. Основным фокусом в определениях доверия является некоторое психологическое состояние субъекта (ожидание, надежда, убежденность, установка, состояние готовности) по отношению к другому лицу, действия которого не поддаются контролю субъекта. Доверие связывают с риском, неопределенностью и чувством уязвимости. В зависимости от того, как описывается состояние субъекта, подчеркивается когнитивная, аффективная или поведенческая составляющая доверия, которые входят в его трехкомпонентную структуру (Гуриева, Борисова, 2014, Леонова, 2015). В нашем исследовании мы опирались на определение доверия, предложенное Т.П. Скрипкиной. Доверие – это установка-отношение, направленная на других людей, сущность которой связана со значимостью объекта доверия и его безопасностью (Скрипкина, 2000, Гуриева, Борисова, 2014, Леонова, 2015).

Кроме всего прочего, межличностное доверие основывается на информации, которую люди получают друг от друга. К такой информации относится внешность другого человека, невербальные особенности коммуникации, его поведенческие характеристики и информация, которую он сообщает. К характеристикам информации относится ее содержательность, способ ее представления, наличие аргументов, длительность сообщения и многое другое. В нашей статье мы остановимся на текстовом способе представления информации, так как данный способ является распространенным в современном мире в связи с развитием технологий передачи информации. Люди все чаще

сталкиваются с печатными текстами в новостных каналах, социальных сетях, мессенджерах для общения. Повышается количество знакомств с целью дружбы и романтических отношений в Интернете, например, 39% романтических знакомств в США происходят онлайн, а 69% молодых россиян зарегистрированы на сайтах или в приложениях для знакомств (Rosenfeld, Thomas, Hausen, 2019; НАФИ, 2023).

Таким образом, взаимоотношения, а также их важнейшая составляющая – межличностное доверие возникает на основе формально-содержательных характеристик текстов, которые люди читают. В связи с этим, рассмотрим факторы доверия к текстам, которые, в основном, базируются на принципах убеждающей коммуникации. Доверие к текстам, или установка на надежность и достоверность получаемой информации, сводится к межличностному доверию в отношении источника информации, так как текст создается автором с какой-либо целью и всеми характеристикам текст наделяет автор. Доверие к текстам основывается на двусторонней аргументации, отсутствии орфографических и пунктуационных ошибок, подробности и структурированности информации, повторении и акцентировании важных аспектов сообщения, подборе понятной лексики, использовании языковых приемов (метафоры, сравнения, олицетворения) и выражении эмоций на письме посредством смайликов (Гулевич, 2007; Петрова, 2012).

Программа эмпирического исследования

Целью исследования является выявление факторов межличностного доверия и доверия текстам в Интернет-среде. Исследование носит поисковый характер и сосредоточено на выявлении связи отдельных факторов доверия с межличностным доверием и доверием текстам.

Выборка

В оценке соответствия различных факторов доверию приняли участие 128 респондентов в возрасте от 18 до 28 лет ($M = 19,5$ $SD = 1,79$), с неоконченным высшим и высшим образованием.

Процедура и методы исследования

Сбор данных проводился с помощью авторского опросника «Факторы доверия», для которого были отобраны факторы доверия в целом и доверия к текстам, которые предлагалось оценить по пятибалльной шкале по степени связанности с доверием. Респонденты оценивали каждый фактор, а также после оценки всех предложенных факторов могли дополнить список факторов доверия. Анализ данных проводился с помощью SPSS Statistics 26, методами выделения доверительных интервалов и факторного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Факторы межличностного доверия

В опросе рассматривались следующие факторы доверия, выделенные в работах, связанных с доверием: авторитет, верность, статус, соответствие общественным нормам, совестливость, компетентность, ответственность, добросовестность, надежность, стабильность, уравновешенность, эмоциональное принятие человека, привлекательность, сходство, искренность, честность (Купрейченко, 2008; Гулевич, 2007). Для проведения анализа степени соответствия различных факторов доверию были рассчитаны средние значения по каждому из предложенных факторов, а также найдены границы доверительных интервалов. Также было принято решение сгруппировать факторы доверия для получения информации о представлениях респондентов об обобщенных факторах доверия.

При соотношении средних значений и доверительных интервалов мы опирались на совпадение границ доверительных интервалов. В случае, если границы не совпадали мы считали факторы отличающимися по степени связи с доверием. При полном или частичном совпадении границ доверительных интервалов мы считали факторы одинаково связанными с доверием. Наиболее связанными с доверием оказались факторы верность ($M = 4,4$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,2$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,6$), надежность ($M = 4,5$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,4$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,7$), искренность ($M = 4,4$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,2$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,6$), честность ($M = 4,6$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,4$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,7$), ответственность ($M = 4,1$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,0$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,3$), добросовестность ($M = 4,2$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,0$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,3$). Менее связаны с доверием совестливость ($M = 3,5$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 3,3$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,7$), компетентность ($M = 3,5$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 3,3$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,8$), стабильность ($M = 3,6$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 3,4$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,8$) и эмоциональное принятие другого человека ($M = 3,7$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 3,5$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,0$). Еще более низкие значения по степени связи с доверием у факторов авторитет ($M = 3$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,8$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,2$), статус ($M = 2,5$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,3$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 2,6$), соответствие общественным нормам ($M = 2,6$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,4$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 2,8$), уравновешенность ($M = 3$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,8$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,2$), привлекательность ($M = 2,6$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,3$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 2,8$), сходство ($M = 2,8$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,5$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,0$).

Таким образом, факторы, которые были выявлены в исследованиях А.Б. Купрейченко, респонденты связывают с доверием наиболее сильно. Эти факторы являются позитивными моральными качествами, которые, в представлениях людей связаны с доверием. Представления об этих факторах доверия закладываются в раннем детстве и развиваются по мере взросления человека и являются эталонными для доверия. Ценность характеристик, которые менее связаны с доверием (совестливость, ком-

петентность, стабильность, эмоциональное принятие другого человека) начинает усваиваться человеком в более взрослом возрасте, что дает основу пониманию не-обязательной роли этих факторов. Существует ряд социальных ситуаций, в которых для возникновения доверия важны перечисленные факторы, например, в рамках рабочих взаимоотношений, при этом, на личностном уровне доверие может возникнуть без учета этих факторов. По мнению респондентов, наименее связаны с доверием факторы, которые упоминаются в исследованиях эффективности убеждающей коммуникации. Мы предполагаем, что роль этих факторов может быть неосознаваемой респондентами, в связи с чем их связь с доверием оценивается как низкая. Такие выводы подтверждаются концепцией имплицитной теории доверия, которая позволяет упростить процесс восприятия окружающего мира за счет знаний и опыта, приобретенных в течение жизни (Аллахвердов, Гришина, 2013). Авторитет, привлекательность, сходство и т. д. могут являться индивидуальными, связанными с опытом респондентов представлениями, которые связаны с доверием.

Для более глубокого анализа содержания феномена доверия мы провели факторный анализ. Мера адекватности выборки (КМО) составила 0,78, критерий сферичности Бартлетта равен 552,4 со степенью значимости 0,000, что означает уместность применения факторного анализа. В результате, факторы доверия были сгруппированы следующим образом, в скобках указан процент объясняемой дисперсии: 1) морально-нравственные характеристики (28,5%): честность, добросовестность, искренность, совестливость; 2) характеристики эмоциональности и устойчивости (11,1%): эмоциональное принятие, привлекательность, верность, стабильность, уравновешенность; 3) профессиональные характеристики (10%): компетентность, ответственность, надежность; 4) социально-ролевые характеристики (6,4%): статус, нормативность поведения, авторитет, сходство. Наиболее связанные с доверием факторы сгруппировались в категории нравственных и профессиональных характеристик. Доверие в представлениях молодежи основывается на позитивных морально-нравственных характеристиках, которые более всего связаны между собой и с доверием, а также захватывает сферу серьезного отношения к делам и обязательствам. Две основные собирательные характеристики доверия позволяют сделать вывод о том, что доверие важно не только в ситуациях личного взаимодействия, но также в профессиональной среде, занимающей значительную роль в жизни человека.

Кроме предложенных факторов в исследовании были выделены дополнительные факторы, которые связаны с доверием: близость, открытость, доброта, степень знакомства, безопасность, преданность. Все эти факторы были неоднократно отмечены респондентами в поле свободного ответа о факторах доверия. Кроме личностных

характеристик респонденты перечисляли и особенности взаимоотношений между доверителем и доверяющим. Полученные данные о дополнительных факторах соотносятся с другими исследованиями доверия (Купрейченко, 2008; Смык, 2019; Полина, Овчарова, 2020)

Факторы доверия текстам

Далее мы приступили к анализу факторов доверия текстам. В опросе, относящемся к доверию текстам рассматривались следующие факторы: компетентная позиция автора в тексте, грамматические и пунктуационные ошибки, соответствие стилю Интернет-общения, односторонняя аргументация (аргументы только “за” позицию автора), ссылки на авторитетных лиц, двусторонняя аргументация (аргументы “за” и “против” позиции автора), вызывающие страх примеры в тексте, шуточные высказывания, одобрение действий читающего в тексте, смайлики (эмоджи) в тексте, положительный эмоциональный фон текста, обещание награды читающему в тексте, понятность основной мысли текста, использование терминов, фактические ошибки в тексте. Степень соответствия предложенных факторов доверию текстам определялась аналогично описанному выше методу оценки с помощью сравнения доверительных интервалов и проведения факторного анализа, все это позволило выделить факторы, которые повышают и снижают доверие текстам.

Наиболее связанными с доверием текстам факторами оказались: компетентная позиция автора в тексте ($M = 4,2$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,0$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,4$), двусторонняя аргументация ($M = 4,3$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,2$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,5$) и понятность основной мысли текста ($M = 4,2$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 4,1$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 4,4$). Чуть менее связаны с доверием текстам следующие факторы: ссылки на авторитет ($M = 3,6$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 3,4$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,8$), положительный эмоциональный фон текста ($M = 3,4$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 3,2$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,6$), использование терминов ($M = 3,4$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 3,2$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,6$). Наибольшее недоверие текстам вызывают такие факторы, как: грамматические и пунктуационные ошибки ($M = 1,7$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 1,5$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 1,8$), обещание награды читающему ($M = 1,8$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 1,6$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 1,9$), фактические ошибки в тексте ($M = 1,4$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 1,2$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 1,5$). Смайлики (эмоджи) в тексте ($M = 2,1$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 1,9$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 2,3$), вызывающие страх примеры ($M = 2,2$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,0$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 2,4$) и односторонняя аргументация ($M = 2,2$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,0$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 2,4$) также соотносятся с недоверием текстам. Также, перечислим факторы, которые не относятся к доверию и недоверию текстам в Интернет-среде, так как их оценки лежат в пределах средних значений шкалы: соответствие стилю Интернет-общения ($M = 2,9$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,7$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,1$), шуточные высказывания ($M = 3,0$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,8$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 3,2$), одобрение действий читающего ($M = 2,7$; $CI_{\text{нижняя гр.}} = 2,5$, $CI_{\text{верхняя гр.}} = 2,9$).

К повышающим доверие факторам текстам относятся выделенные в рамках убеждающей коммуникации факторы эффективности. Содержательные факторы наиболее связаны с доверием текстам, так как они позволяют оценить качество приводимых аргументов и основные мысли текста в целом. Формальные факторы, связанные с употреблением терминов и ссылками на авторитет также связаны с доверием, они придают тексту более научный стиль и указывают на обоснованность позиции автора. Неожиданным для нас явилось то, что обещание награды читающему, смайлики и вызывающие страх примеры в тексте относятся к факторам недоверия, так как авторы исследований в рамках убеждающей коммуникации описывают данные факторы как повышающие доверие (Гулевич, 2007; Петрова, 2012). Такие оценки данных факторов мы связываем характеристиками текстам в социальных сетях, которые побуждают к каким-либо действиям или служат для распространения информации. Например, в различных конкурсах в Интернет-среде пользователям предлагается сделать репост записи или написать комментарий для получения приза, однако, негативный опыт отсутствия призов или обмана в таких конкурсах порождает недоверие к текстам, содержащим обещание награды. Смайлики (эмоджи) служат способом выражения эмоций в текстовых сообщениях, их связь с недоверием текстам может быть связана с частым использованием смайликов для привлечения внимания, а не выражения эмоций. Респонденты могут связывать смайлики не с эмоциональными проявлениями автора, а с желанием привлечь внимание к тексту. Апелляция к страху может снижать положительный эмоциональный фон сообщения, в связи с чем такие примеры могут стать факторами недоверия.

Оценка структуры представлений о факторах доверия текстам, проведенная с помощью факторного анализа (мера адекватности выборки (КМО) составила 0,736, критерий сферичности Бартлетта равен 473,7 со степенью значимости 0,000) позволила выделить 4 основных фактора, в скобках указан процент объясняемой дисперсии: 1) объективный подход к изложению текста (26,4%): двусторонняя аргументация, компетентная позиция, понятная мысль, термины, ссылки на авторитет; 2) эмоциональный фон текста (16,3%): шутки, смайлики (эмоджи), обещание награды читающему положительный эмоциональный фон, соответствие стилю Интернет-общения; 3) неточности и негативный эмоциональный фон текста (8,3%): грамматические и пунктуационные ошибки, фактические ошибки, страшные примеры; 4) субъективный подход к изложению текста (6,9%): односторонняя аргументация, одобрение действий читающего. В рамках выделенных факторов произошло объединение формальных и содержательных характеристик доверия, а также факторов, связанных с поддержанием эмоционального тона сообщений. Факторы, наиболее повышающие доверие объединились в объективный подход к изложению текста, а факторы недоверия текстам распределились по

различным категориям. Такие результаты указывают на то, что факторы недоверия являются более разнородными могут быть связаны как с содержательными характеристиками текста, так, например, и с его эмоциональной окраской.

Респонденты также отмечали в открытом вопросе, что доверие связано со степенью структурированности текста, наличием ссылок на источники получения информации, использованием социально-приемлемой лексики и научным стилем повествования. Такие факторы могли быть выделены респондентами в связи с тем, что большинство из них являются студентами или недавно завершили обучения и для них важны академические показатели текстов, которые позволяют оценить тексты с точки зрения научности и достоверности.

Заключение

Таким образом, в исследовании были получены результаты о связи различных факторов с межличностным доверием и доверием к текстам. Межличностное доверие основывается на оценках морально-нравственных факторов (честность, добросовестность, искренность, совесть) а также факторов, связанных с профессиональными характеристиками (компетентность, ответственность,

надежность), в данном случае ролевые и эмоциональные характеристики имеют меньшее значение. Знания о доверии, полученные в раннем детстве, а также опыт социального взаимодействия задают основные факторы межличностного доверия. При рассмотрении доверия текстам основным фактором доверия является объективный подход к изложению информации (двусторонняя аргументация, компетентная позиция, понятная мысль, термины, ссылки на авторитет). Недоверие текстам вызывают разнообразные факторы, связанные с негативным эмоциональным фоном и субъективной точкой зрения при изложении информации. Оценка точности и правдивости информации является важной задачей при получении информации в Интернет-среде, в связи с чем люди руководствуются объективными характеристиками текстов, которые позволяют делать выводы в отношении этих текстов и формировать свою (доверительную или не доверительную) позицию по отношению к информации. Полученные данные частично соответствуют предшествующим исследованиям факторов и характеристик доверия (Купрейченко, 2008; Петрова, 2012). Наиболее перспективным направлением получения дополнительных данных и интерпретации результатов, на наш взгляд, является изучение факторов доверия с помощью качественных методов исследования, а также разработка диагностического инструментария на основе факторов, наиболее связанных с доверием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов М.В., Гришина Н.В. Модель имплицитной теории доверия: экспериментальная проверка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. №4. С. 28 - 35.
2. Астанина Н.Б. Развитие представлений о доверии как о психологическом феномене в зарубежной науке // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. №1. С. 139-143.
3. Гулевич О.А. Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 384 с.
4. Гуриева С.Д., Борисова М.М. Доверие как социально-психологическое явление // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. №4. С. 126-136.
5. Доброхотов Р.А. Проблемы доверия в мировой политике (на примере процессов европейской интеграции): дисс. . . канд. полит. наук. Москва., 2013. 155 с.
6. Интернет-источник. НАФИ, 2023. URL: <https://nafi.ru/analytics/intim-ne-predlagat-molodezh-ishchet-na-saytakh-onlayn-znakomstv-druzhu-i-sereznye-otnosheniya/> (дата обращения: 05.02.2024)
7. Корнев С.А. Детерминация доверия процессом социальной идентификации личности: дисс. . . канд. психол. наук. Кострома., 2006. 169 с.
8. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008, С. 564.
9. Леонова И.Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2015. №2. С. 34-41.
10. Петрова Н.В. Анализ формирования доверия к автору и его текстам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2012. №1. С. 111-117.
11. Пороховская Т.И. Доверие как моральный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №1. С. 56-64.
12. Полина А.В., Овчарова Е.В. Доверие и психологическая безопасность как взаимосвязанные условия преодоления трудной жизненной ситуации // Научный взгляд в будущее. 2020. № 19 (2). С. 134 – 139.
13. Скрипкина Т.П. Психология доверия: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия. 2000. С. 264.
14. Смык Ю.В. Доверие в структуре психологической безопасности личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №1. С. 6 – 14.
15. Таханова О.В. Институт доверия в современной экономике России: дисс. . . канд. эконом. наук. Улан-Удэ., 2012. 172 с.
16. Rosenfeld M.J., Thomas R.J., Hausen S. Disintermediating your friends: How online dating in the United States displaces other ways of meeting // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2019. № 116(36), P. 17753–17758.

© Копачевская Мария Андреевна (mari.mariya97@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНСТРУКТ «ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ» В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Мароян Асмик Каропетовна

Аспирант, ФГБОУ «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Бурыкина Марина Юрьевна

доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

tabur03@yandex.ru

THE CONSTRUCT OF "IDENTITY OF PERSONALITY" IN FOREIGN PSYCHOLOGY

**Na. Maroyan
M. Burykina**

Summary: The article examines the points of view on the concepts of «personal identity» and «identity» of foreign researchers. The analysis of approaches to the consideration of the construct «personal identity» is presented. From a philosophical point of view, the key points of the concept's content are shown, referring to the ability to recognize one's own qualities and their similarities and differences in other people. The greatest place is given to psychoanalytic views, since it is in this approach that the procedural and substantive characteristics of the construct of relatively healthy people, growing up and the clinical picture of the phenomenon are described. In behavioral and cognitive approaches, personal and social identities are linked by intra-group and intergroup processes. Identity as a result of identification has a gender aspect. In the cognitive approach, identity is considered as a cognitive set of processes by which behavior is controlled and regulated depending on existing conditions. Identity as a dynamic developing process is presented in the interrelation of its individual and social sides. As a representative of ego psychology, E. Erickson draws attention to the age aspect of identity formation. Through the description of the types and components of the concept, it is possible to trace how the content of the construct «personal identity» in foreign psychology is clarified.

Keywords: identification, identity, personal identity, types, personal identity.

Аннотация: В статье рассматриваются точки зрения на понятия «личностная идентичность», «идентичность» зарубежных исследователей. Представляется анализ подходов к рассмотрению конструкта «личностная идентичность». С философской точки зрения показаны ключевые моменты содержания понятия, обращенные к возможности распознавать собственные качества и их сходство и отличие у окружающих людей.

Наибольшее место отведено психоаналитическим взглядам, так как именно в этом подходе описаны процессуальные и содержательные характеристики конструкта относительно здоровых людей, взросления и клинической картины феномена.

В поведенческом и когнитивном подходах личностная и социальная идентичности связаны внутригрупповыми и межгрупповыми процессами. Идентичность как результат идентификации имеет гендерный аспект.

В когнитивном подходе идентичность рассматривается как когнитивная совокупность процессов, с помощью которых происходит управление и регуляция поведения в зависимости от существующих условий. Идентичность как динамический развивающийся процесс представлена во взаимосвязи его индивидуальной и социальной сторон.

Как представитель эго-психологии Э. Эриксон обращает внимание на возрастную сторону формирования идентичности. Через описание видов и составляющих понятия можно проследить, как уточняется содержательное наполнение конструкта «личностная идентичность» в зарубежной психологии.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, личностная идентичность, виды, личностной идентичности.

Идентичность человека возникает и изменяется на протяжении всей жизни. Феномен идентичности изучается философами, психологами и социологами на протяжении многих лет, в разных направлениях и научных школах как за рубежом, так и в отечественной науке.

С философской точки зрения идентичность рассматривается как:

- возможность распознавать качества человека, которые отличают его от других людей, как «соответствие совершенству» (Ф. Бретано) [1];
- Я-идеальное, как структура «чистого» мышления (Ф. Шеллинг) [5];
- «телесные реальности, а реальности как идентич-

ности» (Х. Отрег) [5, с. 94];

— индивидуальное, качественное своеобразие, как «раскрытие самости в её соотношении с Другим» (И.Д. Скот, М. Шелер) [1];

— всеобщность бытия, исключая различия и изменения (М. Хайдеггер) [1];

— ядро личности, её внутреннюю сущность, где всё ориентировано на ценности (В. Франкл, К. Юнг) [5].

— уникальный мир каждого человека, как самопрезентирующаяся субъективность (Г. Лейбниц) [5];

— соотношение Я и не-Я (И. Фихте) [1];

— ответственность и внутренний выбор (С. Кьеркегор) [1];

— ответственность человека за свои поступки (Дж. Локк) [1].

— создание себя в процессе деятельности вне самого себя, это образование необходимо формировать в пространстве культуры и общества (Д. Юм) [5].

Философская линия формирования взгляда на идентичность отразилась на психосоциальном понимании личностной идентичности, где идентичность рассматривается не только как внутреннюю целостность, но и как её баланс с общественными ценностями.

По мнению В. Франкла, К. Юнга идентичность - это динамический конструкт обозначающий движение к целостности и объединение противоположностей. К.Г. Юнг использует понятие «личностная идентичность» и показывает ее развитие через адаптационный процесс к жизни в разные возрастные периоды [5].

Идентичность формируется в процессе идентификации себя. Эта мысль просматривается в психоаналитической теории. Идентификация личности рассматривается как психический механизм принятия черт другого. З. Фрейд прокомментировал эту идею: «Идентификация известна психоанализу как самое раннее выражение эмоциональной связи с другим человеком» [9, с. 443].

З. Фрейд выделил на два полюса в формировании идентичности: биологический (жизненный цикл) и социальный (систематизация организмов в группы). Термином «идентификация» он обозначал возможность принимать установки и способы поведения другого человека. Различия людей выделяются через интроекцию, инкорпорацию и интернализацию в их оттенках значения для каждого [9].

Идентификация играет важную роль в формировании эго-идеала, суперэго. З. Фрейдом суперэго наделено функцией всеобъемлющей структуры, реализующей «самонаблюдение, совесть и поддержание идеального», оценку себя относительно заданных моральных ценностей и ограничений [9, с. 445]. Несоответствие образам стандартных норм, хранящихся в суперэго приводит к чувству личностной вины, низкой самооценке и хроническому ощущению неадекватности. З. Фрейд описал суперэго как «наследника» Эдипова комплекса. Запрещенные «эдиповы желания» ребенка по отношению к родителям трансформируют отождествление с ними. Суперэго ребенка формируется через идентификацию с родительским Суперэго [9, с. 446].

Идентификация с точки зрения З. Фрейда является системообразующим психическим механизмом в формировании индивидуальности личности (Эго и Суперэго) и групповой принадлежности. В Идентификация с группой имеет как нормативные, так и патологические проявления. З. Фрейд приводит примеры армии и Церкви как групп, члены которых идентифицируют себя друг

с другом в общем деле. Правила и ритуалы выступают как идеалы Эго отдельного человека и подчинены Суперэго членов. Групповые ценности и моральные правила общества, отражают коллективное Суперэго, состоящее из собранных родительских образов норм [9, с. 445].

Формированию зрелой идентификации предшествует развитие инфантильного Эго, включающее в себя сплав родительских идентификаций, и связывается З. Фрейдом с оральной инкорпорацией. Усвоение младенцем родительских установок в качестве образов, необходимых для его умственного развития, является психическим эквивалентом физического употребления пищи. Ранняя идентификация является первым объектным отношением и впоследствии становится механизмом защиты [9, с. 446].

В условиях объектных отношений проявляются серии идентификаций, которые конструируют личность, полагает М. Кляйн. Интроекция, проекция, интернализация - процессы определяющие идентификацию с «хорошими» и «плохими» образами матери и выступают детерминантами развития личности. Интроекция как антитеза проекции имеют корни в развитии организма орального периода развития. Интроекция является психическим эквивалентом оральной инкорпорации, приема пищи, глотания или «вбирания»; в то время как проекция является психическим механизмом, аналогичным оральной функции «выплывания», отказа от нежелательных аспектов «я» и приписывание их другим [4].

А. Фрейд, благодаря своим наблюдениям за маленькими детьми, внесла свой вклад в концепцию идентификации с агрессором. Игра «Доктор» - это пример, в котором ребенок может пережить боль и унижение, те, что он испытал, получая прививку в кабинете педиатра, причинив боль кукле или товарищу по играм. «Отождествление с агрессором» необходимо для избавления от чувства бессилия и уязвимости. С помощью деятельности создается ощущение господства и контроля агрессивного воздействия взрослых. Учитывая неравенство во власти между детьми и взрослыми, в игре и фантазии маленькие дети идентифицируются со взрослыми. В своем могуществе дети в игре, тем лучше осознается родительское всемогущество [8, с. 123].

В клиническом психоанализе встречается термин «проективная идентификация» как примитивной психологической защиты. Р. Столорю, Б. Брандшафт, Дж. Атвуд выделяют проявления проективной идентификации: стирание различий между самостью и объектом проекции, спутанность самосознания, окружающие люди воспринимаются как «плохие» и агрессивные, усиленный контроль за пугающими объектами. Человек в таком состоянии не способен разделять собственную Самость и проявления Другого. Побуждает такое поведение че-

ловека потребность в привязанности, в построении целостности границ личности путем вложения «отщепленных, отрицаемых частей себя во внешний объект» [6, с.164]. «Самость переживает бессознательную фантазию о перемещении себя или своих аспектов в объект в целях исследования или защиты» - считает Дж. Готштейн [2, с.123]. Такое объяснение психоаналитиками искажения восприятия себя и других позволяет расширить понимание проективной идентификации с точки зрения объектных отношений.

Процесс идентификации играет решающую роль в развитии личности, помогает преодолевать стресс или жизненные трудности. По мнению О. Фенихель идентификация – это одновременно и жизненно важный строительный блок эго, и механизм защиты [5].

Дж. Марсиа рассматривает идентичность как «совокупность переживаемых чувств тождественности и постоянства собственной личности при восприятии другими, признающими это тождество» [16, с.12]. Чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности своей жизни и уверенности во внешнем одобрении. Дж. Марсиа выделяет виды идентичности: предрешенную (выбор действия приняли за нас окружающие люди), диффузную (выбор собственных действий нет), достигнутую идентификацию (ощущение удовольствия от своего места в социуме) и мораторий (активность человека высокая в реализации принятого решения, но пока нет достигнутого результата). В развитии идентичности автор выделяет два этапа: поиск, примеривание ролей и принятие на себя ответственности за себя [16, с.11]. Дж. Марсиа определил идентичность как «структуру Эго – внутреннюю, самосоздающуюся, динамичную организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории» [16, с.12].

В бихевиористический подходе идентичность как отдельная дефиниция не описана. Но в трудах М. Шерифа есть упоминания о социальной идентичности. Изучая поведение в группах и межгрупповое поведение, он с помощью понятия идентичность описывал групповую принадлежность. М. Шериф считает межгрупповое поведение как феномен, обеспечивающий принадлежность к группе, в которой ее участники существуют, взаимодействуют и приближаются к членам другой группы. Это взаимодействие может быть индивидуальным или коллективным. В своих экспериментах он показал, что при межгрупповой конкуренции усиливается процесс идентификации [10, с. 7].

В когнитивном подходе идентичность, или «Я-концепция» выступает как «когнитивная совокупность», которая управляет поведением, регулирует его в зависимости от существующих условий. У. Джеймс идентичность рассматривает как проявление характера и вы-

деляет два ее измерения: личностное (отождествление личности себя с собой, проверка сходства с другими) и социальное (разнообразие Я – социальных). Личность, с точки зрения исследователя, это сумма не только качеств и физических составляющих, но и представлений о принадлежности ей объектов мира вплоть до одежды, денег, репутации, круга общения, имущества, транспорта, детей, жён, мужей [3, с.367].

Анализируя работы Дж. Крогера, А.Н. Микляева концентрирует внимание на термине «идентичность» («то же самое») как на ментальном образе человека [5]. Крогер Дж. отмечает, что каждый человек имеет ряд идентичностей, таких как гендерная, этническая идентичность, религиозная идентичность, национальная идентичность [14, с. 289].

В понятие «идентичность личности», обусловленная половой и ролевой принадлежностью человека, Л. Кольберг включает когнитивные компоненты гендерной идентичности. Так гендерная идентичность как «когнитивное самоощущение и самокатегоризация» отражается в развитии личностных качеств мальчика или девочки [15, с. 11]. В последнее время уделяется внимание аффективным компонентам гендерной идентичности, таким, как чувство удовлетворенности своим полом (Egan and Perry), во взаимосвязи с психическим здоровьем [5, с. 89]

В рассмотрении гендерной идентичности личности Е.А. Тобин предложил пятимерную модель, подразделяющаяся на знание о принадлежности к гендерной категории, гендерную центральность (значимость гендера для других идентичностей), гендерную удовлетворенность, ощущаемое гендерное соответствие и ощущаемую гендерную типичность [5, с. 68].

Исследователи когнитивного направления сосредоточены на роли когнитивных факторов в развитии гендерной идентичности у детей младшего возраста (Ruble). Гендерное обучение начинается рано, является постепенным процессом, занимающим много лет, и проходит различные стадии (L. Kohlberg). По мнению Л. Колберга и др. под влиянием гендерных предпочтений взрослых у большинства детей развивается способность определять свой и чужой пол в возрасте от 18 до 24 месяцев. Например, дети используют стереотипные игрушки (мальчики предпочитают грузовики, а девочки - куклы), предпочитают определенные формы игрового поведения (грубые и неловкие игры у мальчиков, совместные игры у девочек), позже игры организуются детьми на предпочтении однополых товарищей (Lobel) [5]. Подчеркиваются гендерные различия, складывающиеся в конце детства: у мальчиков гендерная идентичность выражена сильнее, чем у девочек. Девочки более удовлетворены своим полом, чем мальчики, которые стараются соответ-

ствовать ожидаемой гендерной роли. Для большинства детей гендерная идентичность в значительной степени совпадает с их гендерно-ролевым поведением.

Идея о различных типах идентичности принадлежит И. Гоффману. Он выделил три вида идентичности: социальную, личную и Я-идентичность [13, с.99]. По мнению Дж. Тернера понятие «идентичность личности включает в себя когнитивную систему, обеспечивающую регуляцию поведения человека в обществе» [7, с.9]. В эту систему включены личностная и социальная идентичности. Под личностной идентичностью понимается автором самоопределение, складывающееся на основе физических, интеллектуальных, нравственных характеристик. Тогда как социальная идентичность определяется конкретными идентификациями на основе социальных категорий [7, с.9].

В последнее время развитие идентичности представлено как индивидуальный и социальный процесс, в котором идентичность формируется под влиянием окружающей среды (Adams) [12]. Кроме того, учитывается роль пола и возможные гендерные различия в структуре идентичности, важности доменов идентичности и процесса формирования идентичности (J. Kroger).

Дж. Крогер пришел к выводу, что эмпирические данные о гендерных различиях свидетельствуют о потенциальной роли гендерно-ролевой ориентации (маскулинной, феминной, андрогинной) на формирование идентичности личности в подростковом возрасте, что определяет ее содержание на всю жизнь [14, с. 90]. Дж. Крогер гендерную идентичность считает базовой и относит к самоощущению, при котором человек испытывает желание быть похожим на других людей одного пола. Самоощущение себя мужчиной или женщиной во многом определяется тем, как люди воспринимают себя, и это является важной основой для их взаимодействия с другими людьми [14, с. 109].

Термин «гендерная идентичность» был введен в клиническую литературу, когда психологи работали с лицами с нарушениями полового развития (НПП; ранее назывались интерсексуальными состояниями), а с гендерной дисфорией начинали изучать развитие гендерной идентичности. В клинической психологии и психиатрии индивиды, не идентифицирующие себя со своим полом, или с полом ими присвоенным, стали называться транссексуалами (ВОЗ, 1992) или лицами с расстройством гендерной идентичности (РГИ; АРА, 2000). В сопроводительном тексте DSM-IV-TR часто используются такие термины, как «другой пол», а в критериях DSM GID термин «кросс-гендерная идентификация» предполагает, что существует только две категории гендерной идентичности - мужская и женская. В течение длительного времени гендерная идентичность и гендерные проблемы рассматривались дихотомически, а не дименсионально [5].

А. Эллис был одним из первых, кто сообщил о гендерной идентичности личности и вариациях сексуальной ориентации у взрослых с задержкой психического развития. Дж. Мони предложил провести четкое разграничение между понятиями «пол» и «гендер», поскольку, особенно в области расстройства поведения, идентичность (например, я мужчина), которую следует отличать от родственного, но иного убеждения - я мужественный (или маскулинный) говорит о «внутренней убежденности в правильности выбора пола» [5].

Идентификация – психический процесс, в ходе которого человек приобретает характеристики другого, считает Р.Б. Корради. Данное понимание играет важную роль в развитии личности, в способности справляться с жизненными стрессами и взаимодействовать с другими людьми [17, с. 239].

Р.Б. Корради отмечает, что в процессе развития личности идентификация может происходить с любимыми объектами, с потерянными объектами и с агрессором (или обладателем силы или авторитета). Все это наблюдается при переносе, как психической защиты. Проявления переноса могут представлять собой фиксации развития, могут быть регрессивными или нормативными [17, с. 245].

Условием формирования личностной идентичности остается социальная идентичность. Изучением социальной идентичности в когнитивном подходе занимался Г. Тэджфел. С его точки зрения социальная идентичность личности формируется пошагово. Первый шаг – социальная категоризация, где индивид упорядочивает социальное окружение тем способом, который для индивида имеет значение и содержит для него смысл. Здесь он осознаёт себя мужчиной или женщиной, верующим или нет, определяется с национальностью т.д.

Второй шаг – социальная идентификация, в процессе которой индивид присваивает себе стили, стереотипы поведения, соглашается с нормами поведения, присутствующими группам, в которых индивид присматривается и потом помещает себя в них.

Третий шаг – социальная идентичность, сравнимая с получением результата или итога отождествления. На этом шаге нормы и правила уже превращаются во внутренние убеждения и регулируют поведение индивида в социуме [5, с.57].

Как представитель эго-психологии Э. Эриксон обращает внимание на возрастной аспект формирования идентичности. К юношескому возрасту происходит определение социальных ролей. Юноши поглощены собой, их идентичность обусловлена личными потребностями [11, с.234].

Взгляд зарубежных исследователей на проблему идентичности личности формирует представление о ходе возрастной и гендерной трансформации идентичности. Она меняет внутреннюю сущность в соответствии

и согласованно с социальными ценностями, имеет постоянные и меняющиеся признаки, всецело связана с адаптационными процессами в разные возрастные периоды и в целом задает направление развития личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко, В.Л. Идентичность// Новейший философский словарь / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. - Минск: Книжный Дом, 2003. - Режим доступа: <http://opredelenie1.ru/noveyshiyyfilosofskiy-slovar/i/identity/> (дата обращения: 06.12.2023).
2. Гротштейн, Дж.С. Расщепление и проективная идентификация. - Москва: Инст-т общегуманитарных исследований, 2016.- 222с.
3. Джеймс, У. Личность/ У. Джеймс. - Режим доступа: www.psychology-online.net/articles/doc-1018.html (Дата обращения: 10.12.2023).
4. Кляйн, М., Любовь, вина и репарация. - Ижевск: ERGO, 2007.
5. Микляева, А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования (монография)/ А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 118с.
6. Столороу, Р., Брандшафт, Б., Атвуд, Дж. Клинический психоанализ. Интересу субъективный подход. 2-е изд./ Пер. с англ.- Москва: «Когито-Центр», 2011.-256с.
7. Тернер, Дж.С., Социальная идентичность, самокатегоризация и группа/ Дж. С. Тернер, П. Дж. Оукс, С.А. Хеслем, В. Дэвид // Иностранная психология. - 1994. - №2. - С. 8-17.
8. Фрейд, А. Психология Я и защитные механизмы. Детский психоанализ. -Питер, 2022. - С.160.
9. Фрейд, З. «Идеал Я»/ З. Фрейд// Психология самосознания: хрестоматия. Самара. 2000. - С. 442–446.
10. Шериф, М. Социальное суждение: эффекты ассимиляции и контраста в общении и изменении отношения. - Вестпорт, Коннектикут: Изд-во «Гринвуд Пресс», 1980.- С. 34-67.
11. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ./ Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2е изд. - Москва: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. - 352 с.
12. Adams, G.R., Shea, J., Fitch, S.A. Toward the development of an objective assessment of ego-identity status. *Journal of Youth and Adolescence*, 8, 1979, 223–237.
13. Goffman, E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity/ E. Goffman. - Englewood Cliffs, 1963. - 123 p
14. Kroger, J. The status of identity: Developments in identity status research. In P. K. Kerig, M.2012.- 45p.
15. Kohlberg, L. «Education, Moral Development and Faith». *Journal of Moral Education*, 1974 4 (1): 5-16.
16. Marcia, J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2, 2002, 7–28.
17. Corradi, Richard B. Case Western Reserve University School of Medicine, Cleveland, OH, USA. *Am Acad Psychoanal Dyn Psychiatry*. 2011; 39 (3):539-561.

© Мароян Асмик Каропетовна, Бурыкина Марина Юрьевна (mabur03@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ

PERSONAL IDENTITY DEVELOPMENT: AGE ASPECT

*На. Maroyan
M. Burykina*

Summary: The article deals with the problem of the development of personal identity in adolescence in foreign and domestic psychology. The analysis of approaches to the consideration of the definition, types, and structural components of personal identity is presented. Foreign studies have shown the structural structure of personal identity; its hierarchical relationship with social identity, nonlinear and uneven development and formation during life through overcoming identity crises in the direction of progress and regression. Personal identity can be classified on various grounds (by the presence or absence of an identity crisis, strength and ability to make decisions and use defensive strategies).

In Russian studies, the age aspect of personal identity is revealed in detail. The research presents the factors of development and its structural components; content, value and evaluation parameters; manifestations at different ages. Personal identity is mediated by the experiences of adult evaluation, self-esteem in older preschoolers, and the attitude towards grades of younger schoolchildren. The article on adolescence highlights the structure of personal identity, in which involvement, control, and risk-taking are highlighted. Indicators of this phenomenon in adolescents are self-awareness, adequacy of self-esteem, differentiation of personal identification, development of social roles, resilience. The formation of a holistic personal identification occurs in connection with autobiographical events.

Keywords: personal identity, types, structural components, factors of personal identity development in adolescence.

Мароян Асмик Каропетовна

Аспирант, ФГБОУ «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Бурыкина Марина Юрьевна

*доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»
tabur03@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается проблема развития личностной идентичности в подростковом возрасте в зарубежной и отечественной психологии. Представляется анализ подходов к рассмотрению определения, видов, структурных компонентов личностной идентичности. В зарубежных исследованиях показаны структурное строение личностной идентичности; ее иерархическая связь с социальной идентичностью, нелинейное и неравномерное развитие и формирование в течение жизни через преодоление кризисов идентичности в направлении прогресса и регресса. Личностная идентичность может классифицироваться по различному основанию (по наличию-отсутствию кризиса идентичности, силе и способности принимать решения и использовать защитные стратегии).

В отечественных исследованиях детально раскрывается возрастной аспект личностной идентичности. В исследованиях представлены факторы развития и ее структурные компоненты; содержательный, ценностный и оценочный параметры; проявления в разных возрастах. Личностная идентичность опосредована переживаниями оценки взрослого, самооценкой у старших дошкольников, отношением к отметки младших школьников. В статье относительно подросткового возраста освещена структура личностной идентичности, в которой выделены вовлеченность, контроль, принятие риска. Показателями данного феномена у подростков становятся самосознание, адекватность самооценки, дифференцированность личностной идентификации, освоение социальных ролей, жизнестойкость. Формирование целостной личностной идентификации происходит в связи с автобиографическими событиями.

Ключевые слова: личностная идентичность, виды, структурные компоненты, факторы развития личностной идентичности в подростковом возрасте.

Понятие «личностная идентичность» на сегодняшний день не имеет однозначного определения. Конструкт впервые был использован У. Джеймс как проявление характера. Представления о себе имеет два полюса: личностный и социальный. Путем личностного измерения человек отождествляет себя с собой. На социальном полюсе происходит появление разнообразных Я-социальных. У. Джеймс личностную идентичность представил как последовательное, непротиворечивое личностное образование [3].

В зарубежной психологии личностная идентичность рассматривается как динамический процесс осознания человеком собственной уникальности, индивидуаль-

ности. На основе клинических наблюдений и анализа биографий Э. Эриксона представляет идентичность личности как конфигурацию «эго-синтеза и ресинтеза» в непрерывном возрастном развитии и адаптации к новым ролям. Личностная идентификация («эго-процесс») является результатом конфигурации идентификаций, сформированных в детстве, через отказ одних и принятие других, направлена или на себя (самоидентификация), или на других индивидов. «Принимаемый индивидом образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «я» независимо от изменений «я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на

каждом этапе ее развития» - пишет Э. Эриксон [10, с.23].

Развитие личностной идентичности происходит через кризисные периоды, в которые разрешается конфликт между непродуктивной идентичностью относительно возрастных возможностей и принятием новых ценностей «вписывания себя» в социальные отношения, на основе восприятия себя в сравнении с суждениями о нем значимых других. Актуальной потребностью в личностной идентификации, с точки зрения Э. Эриксона, становится в подростковом и юношеском возрастах [10].

В содержание идентичности Э. Эриксон включает индивидуальные составляющие (конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, ощущение собственной уникальности, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли) и внутренний целостный образ себя. Эти характеристики определяют систему ценностей, идеалов, жизненных планов, социальные роли и активность, сопричастность к социальной группе. Согласно Э. Эриксону формирование личностной идентичности – это пожизненный процесс, который становится все более значимым в подростковом возрасте [10].

Построение собственной идентичности, отмечает Э. Эриксон, позволяет подросткам обрести чувство «прогрессивной непрерывности между тем, чем они стали в течение детских лет и, тем, чем они обещают стать в ожидаемом будущем». Формирование личностной идентичности - это индивидуальный процесс, в ходе которого подростки исследуют и принимают на себя обязательства по определению ролей и ценностей в различных сферах жизни (политика, профессия, религия, интимные отношения, дружба, гендерные роли), определяющих личность.

Э. Эриксон выделял одновременное существование двух точек зрения, на пересечении которых формируется идентичность: «непосредственное восприятие индивидом своей длящейся самотождественности и восприятие того факта, что другие люди воспринимают эту самотождественность» [10, с. 45]. Идентичность включает в себя два базовых уровня: личностный (совокупность индивидуальных черт и характеристик, отличающихся относительным постоянством) и социальный (переживание принадлежности к социальной общности, группе) уровни идентичности [10].

Д. Марсиа идентичность представляет внутренней самосоздающейся, динамической организацией «потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории» [14, с. 14]. Ее проявление можно заметить в поведении, в процессе разрешения возникающих проблем через осмысление себя и своей жизни. Развитие идентичности происходит посредством осознания

и формирования представлений о себе (присвоенная и преждевременная идентичность) и способности самостоятельного принятия решения о своем месте в жизни (достигнутая и конструктивная идентичность) [14].

Дж. Марсиа, опираясь на исследования Э. Эриксона, представляет двухциклическую модель формирования личностной идентичности (модель двойного цикла). Первый цикл становления личностной идентичности направлен на выбор установок, которые рассматриваются и изучаются в различных ситуациях. Второй цикл сосредоточен на оценке выбранных установок и включает в себя глубокое их изучение и идентификацию с ними. Если результат этой оценки положительный, люди будут всё больше идентифицировать себя с этими установками и примерять их на себя. Если же результат окажется неудовлетворительным, то может возобновиться первый цикл более широкого исследования альтернатив [14].

В динамическом аспекте рассматривает личностную идентичность А. Ватерман. По мнению исследователя формирование идентичности происходит на протяжении всей жизни от диффузной к преждевременной, к мораторию и завершению достигнутой формы идентификации. Согласно модели, представленной автором, идентичность развивается не линейно, а возможен возврат от достигнутой идентичности в диффузное состояние, и человек может вновь встретиться с кризисом.

Д. Мид, Г. Брейкуэлл указывают на социальную обусловленность идентичности. Она возникает в результате взаимодействия с другими людьми в условиях его включения в социальную группу посредством вербальной и невербальной коммуникации, которая определяется возрастом, ролевым статусом в этой группе. Имея социальную природу, идентичность развивается в процессе формирования у личности способности к рефлексии и целеполаганию, ценностной ориентации, потребностной сферы, эмпатии, ролевому дистанцированию, толерантности к противоречиям. Осознаваемая идентичность сохраняется в ситуации включения и принятия группой, взаимодействия с ее членами, самопрезентации.

Согласно М. Адамсу целостная личностная идентичность представляет собой интегрированную историю жизни, которая отвечает на вопрос, кто он есть, и объединяет его прошлое, настоящее и будущее. Тем самым формируется личностная идентичность через процесс повествования о значимых событиях жизни [13].

Как одно из измерений Я-идентичности личностная идентичность находится в балансе с социальной идентичностью, в условиях взаимодействия с социумом (Ю. Хабермас, Х. Тэджфел, Г. Брейкуэлл). Личностная идентичность рассматривается Х. Тэджфел как уровень самокатегоризации, которая существует и на уровне

человеческой идентичности (отнесение себя к «человеку»), и на уровне социальной идентичности (человек тождественен, «самостереотипизирован» группе).

Г. Брейкулл указывает, что структура личностной идентичности преобразуется и расширяется с накоплением социального опыта благодаря ассимиляции (накопление новых структурных элементов, переструктурирование и приспособление к новым элементам) и аккомодации (определение ценности этих элементов). Тем самым формируется содержание идентичности, поддерживающееся в определенное время и защищающееся от изменений. Содержание включает в себя характеристики для описания себя в конкретном временном отрезке. Со временем оно расширяется. К содержательным характеристикам личностной идентичности, по мнению автора, относятся: ценности, мотивы, эмоции, установки, каузальные схемы, персональные конструируемые. Какие-то из них могут быть более значимыми в зависимости от социальной ситуации. Содержательные характеристики могут быть оценены позитивно или негативно относительно норм и ценностей, принятых в конкретном обществе, менять знак в зависимости от социальной ситуации и субъективного времени.

Таким образом, в зарубежных исследованиях показаны структурное строение личностной идентичности (содержательный и оценочный компоненты); ее иерархическая связь с социальной идентичностью, нелинейное и неравномерное развитие и формирование в течение жизни через преодоление кризисов идентичности в направлении прогресса и регресса. Личностная идентичность может классифицироваться по различному основанию (по наличию-отсутствию кризиса идентичности, силе и способности принимать решения и использовать защитные стратегии). Изменение личностной идентичности происходит соотносительно социальным изменениям.

В отечественной психологии личностная идентичность представляется как:

- условный конструкт, изменяющийся под воздействием различных ситуаций, результат идентификации (отождествления) человека с ожиданиями социума, совокупность индивидуальных характеристик и потребностей (И.С. Кон, 1978);
- комплексное личностное образование, связанное с осознанными представлениями человека о себе и окружающем мире, относительно социальных норм, ценностей и нравственных эталонов (М.М. Кончаловская, 2006);
- набор индивидуальных характеристик, отличающих человека от других людей (И.В. Иванова, 2001);
- внутренняя динамическая структура, интегрирующая представления человека о себе самом с

ожиданиями значимых других, «отраженном самоотношении» (О.В. Беляева, 2001);

- «совокупность персональных качеств и характеристик индивида, обеспечивающая целостность и тождественность личности, ее позитивное самопринятие» (Т.Ю. Скибо, 2004);
- результат активного процесса интеграции личности, тождественного Я-значимым другим во времени и пространстве (О.В. Ходаковская, 2006);
- «многомерный и интегративный психологический феномен, обеспечивающий человеку целостность, тождественность и определенность», развивающийся в процессе самоопределения, самоорганизации и персонализации, обусловленный развитием рефлексии; «самоидентичность»; «самореферентность», «ощущение и осознание уникальности «Я» в его экзистенции и неповторимости личностных качеств, при наличии своей принадлежности социальной реальности» (Л.Б. Шнейдер, 2007).

К показателям измерения структурных компонентов личностной идентичности Л.Б. Шнейдер относит содержательный, ценностный и оценочный параметры, находящиеся во взаимодействии и взаимосвязи. Исследователь акцентирует внимание на обострении влияния информационных технологий, СМИ, церкви, власти, школы и других трансляторов на формирование личностной идентичности, которая приобретает формы «навязанной идентичности», «гиперидентичности». Между «достигнутой идентичностью» и «навязанной идентичностью» появляется различие в способах реагирования на окружение (заученные, извне установленные или приобретенные в собственном опыте). Навязанная идентичность в отличие от устойчивой по своей структуре жесткая, ригидная, закрытая. Устойчивая идентичность формируется в условиях активности личности, создания для нее смыслов, хронотопов, интеракций, конгруэнтного социального образа «Я» [11].

В процессе формирования и развития личности важен баланс идентификации и отчуждения. А.Л. Журавлев в структуру идентичности личности включает индивидуально-личностные характеристики и Я-представления.

В контексте изучения личностной идентичности В.В. Столин рассматривает самоотношение и самосознание как системные представления о самом себе, саморефлексию, стремление к самопознанию и самооценке, самопринятию, самоорганизации.

Н.В. Антонова выделяет факторы формирования личностной идентичности: достижение самосознания, выражение своей субъективности, социальные ожидания, представления и отношения, актуализирующиеся через социальные взаимодействия [1].

М.М. Кончаловская рассматривает возрастной аспект развития личностной идентичности. В своем исследовании к первым проявлениям личностной идентичности относит самооценку старших дошкольников. От начала начальной школы самооценка снижается относительно 6-7 лет и постепенно приходит к уровню ее адекватности, что связывает автор с социальной ситуацией развития детей и оценочными условиями обучения. Личностная идентификация, выражается через отношение к отметке, полученной на уроке, и к концу обучения в начальной школе рационально соотносится с отношением к ней родителей, учителей и сверстников. Важным фактором в развитии феномена имеет уровень самосознания, тесным образом связанный с динамикой адекватности самооценки.

Автор отмечает, что снижается роль внешней оценки взрослых в оценке детей своих личностных качеств. При этом сохраняется ориентация младших школьников на отношение и оценку взрослых. Однако высокий уровень рефлексии способствует формированию способности к самоописанию себя. Полученные эмпирические данные позволили автору сделать вывод: «дети с адекватной самооценкой имеют большое количество параметров личностной идентичности и высокую степень дифференцированности идентичности. Детям, обладающим неадекватной самооценкой свойственно малое количество параметров личностной идентичности и низкая степень дифференцированности». К возрастным особенностям личностной идентичности автор относит расширение признаков самооценки, субъективных качеств самоописания, развитие временной перспективы. Содержание феномена сохраняется в образно-вербальной форме при преобладании образной. Дошкольникам сложно рефлексировать собственные личностные качества.

К 10 годам увеличивается количество индивидуальных различий идентичности, в частности, конгруэнтность между образами-Я, что приводит к осознанию и структурированию содержания личностной идентичности, связывающей различные качества и ценности личности. Сохраняется нелинейная взаимосвязь уровня развития мышления и дифференцированности личностной идентичности.

К подростковому возрасту снижается степень взаимосвязи содержания личностной идентичности, мышления и дифференцированности, хотя остаются ее факторами. Ярко выражена обусловленность личностной идентичности социальной, а также социальными ролями, адекватностью самооценки. Становится существенной связь степени дифференцированности личностной идентичности и адекватности самооценки. Это делает их уверенными в себе и своем будущем, позволяет им выстраивать длительную временную перспективу. Полученные данные автором свидетельствуют о низкой

степени дифференциации личностной идентификации в связи с имеющимися трудностями социализации (знание, но не принятие заданных норм, правил и ценностей) [5].

И.В. Иванова отмечает, что переживания - центральный механизм личностной идентичности детей старшего дошкольного и младшего школьного возрастов. Автором выделены два вида переживания:

- Я-переживания (обозначают отношение к себе) имеют целостный характер, отражают качества и черты личности;
- социальные переживания (отношение к социальному окружению и своему месту в нем) являются условием развития целостной личностной идентификации (имеют положительную валентность) и стимулами разрешения противоречий (отрицательная валентность), неуспешной социализации.

На основании самоописания автор выделяет субъективные (связаны с самооценкой) и объективные критерии идентичности (относятся к объективным статусам-пол, гражданство). С возрастом увеличивается количество субъективных критериев, находящихся в тесной связи объективными («я хороший - потому что выполняю правила, хорошо учусь и т.д.»). При этом переживания маркируют осознание норм, правил и отображают принятие-непринятие объективных критериев. Непринятие объективно заданных правил и оценок является проявлением негативизма («не-я»), что способствует формированию в подростковом возрасте отрицательной личностной идентичности [4].

Развитие личностной идентичности имеет направленность в виде дифференцированности и осознанности, принятия себя, непротиворечивости представлений о себе на основании Я-переживаний (положительных или отрицательных), которые ее структурируют и наполняют адекватным социальным содержанием. Социальные положительные переживания приводят к целостности представлений о себе. Отрицательные - к личностной неуспешности и к нарушению целостности самосознания и самоотношения.

Ж.А. Леснянская, О.В. Кузнецова показали, что личностная идентичность подростков является знанием о собственной самотождественности («Я есть Я») и об отделении меня («мое Я») от других. Личностная идентичность развивается в ходе овладения временной перспективой будущего, адекватным восприятием реального времени. В этом процессе важную роль авторы отводят жизненным установкам, позволяющим выбрать направление личностного движения в будущем и создать ощущение непрерывности формирования личностного опыта.

Три компонента личностной идентификации С. Мад-

ди рассматривает относительно подросткового возраста: вовлеченность, контроль, принятие риска. Вовлечённость определяет исследователь как «уверенность в том, что заинтересованность в происходящем предоставляет огромную возможность найти для личности что-то интересное, важное и достойное». Подростки с развитым компонентом вовлеченности способны радоваться своим поступкам, довольны своей деятельностью и получают от неё удовольствие. Если же данный компонент не развит, это может порождать чувство отвергнутости, ощущение себя вдали от жизни и всего происходящего [6, с.4].

Контроль описывается автором как уверенность в том, что на происходящее можно влиять, менять результат, даже если в этот момент успех не ожидается. При отсутствии контроля появляется беспомощность. Подростки с высоко развитым компонентом контроля сами выбирают свой путь, управляют собственной деятельностью.

Присутствие компонента принятия риска говорит об убеждённости человека в том, что всё происходящее с ним (положительное и отрицательное) даёт ему опыт и знания. Подростки с развитым компонентом принятия риска готовы совершать действия, рисковать, даже если нет гарантий на успех, «считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности». Это компонент основан на убеждённости в развитии при активном усвоении знаний, обогащение опытом для дальнейшего его использования [6, с.44].

По мнению Л.А. Александровой, важной составляющей личностной идентичности в подростковом возрасте является жизнестойкость, которая даёт ощущение устойчивости, равновесия, гармонии внутри, повышает работоспособность, укрепляет психическое здоровье.

С. Мадди указывал на то, что чем ярче выражены все три компонента, тем более устойчивы к стрессам подростки, и тем успешнее протекает идентификация в этом направлении. Это влияет на сохранение психического здоровья и повышение уровня работоспособности [6].

В процессе идентификации подростку необходимо преодолеть переходные трудности, осваивать новые роли и модифицировать старые, в результате чего они могут испытывать стресс, считают А.Ю. Коджаспиров, Г.М. Коджаспирова.

Условием становления личностной идентификации является развитая автономия подростка. По мнению М.Ю. Бурыкиной, О.А. Доронцовой у подростка увеличивается дистанция от родителей, повышается уровень морально-нравственной зрелости, меняются отношения с родителями в сторону равенства. Авторы выделили критерийные показатели развития автономии подростков, исходя из формирования личностной идентичности

как уникальной системы знаний о себе. Когнитивный компонент автономии проявляется в самостоятельности при решении мыслительных задач, где подросток выбирает способ, технику и средство решения. У подростков закрепляется способность контролировать свою жизнь, совершать мыслительные и другие разнообразные действия без внешнего контроля, ставить важные для себя цели, соотносимые с ценностями общепринятыми в обществе. Поведенческий компонент автономии маркирует умение владеть собственным поведением, проявлять активность, адекватность самооценки, находить и принимать решения, действовать самостоятельно, без чьей-либо помощи. Эмоционально-волевой компонент автономии указывает на умение подростка не только выражать свои эмоции и понимать эмоции других, но и регулировать их в зависимости от ситуации. Укрепляясь в эмоциональной автономии, подросток освобождается от детской эмоциональной зависимости от родителей. Рефлексивно-смысловой компонент автономии подростка характеризуется осознанием, соотношением смысла своей жизни, поставленных целей, ценностей и убеждений с внешней средой посредством рефлексивной деятельности [2, с. 38].

Т.Ю. Скибо выделяет в личностной идентичности такие компоненты как: когнитивный, аффективный и поведенческий. Когнитивный, по мнению автора, отражается в самопознании подростка (представление о себе, значимые признаки другого и их перенос на себя, отождествление с различными составными «Я»). Аффективный компонент проявляется в эмоциональных связях со значимыми людьми, в самоотношении. Поведенческий компонент выражается в способе самовыражения [8].

Целостная личностная идентификация развивается в связи с автобиографическими событиями. основополагающая идея А. Адлера о субъективной связи пережитого события со своими переживаниями, ощущения непрерывности личностного развития. Отдельное событие важно для развития целостной нарративной идентичности, оно включается в адаптивный процесс, тем самым формируется творческое приспособление к социуму. Отдельные потребности, запечатленные в личных нарративах, оказывают влияние на психологическое благополучие. Для подростка - это желание быть автономным и независимым, способными влиять на ход своей жизни [8].

Восприятие себя независимым и самостоятельным может выходить за рамки нарративной идентичности, тем самым подходящую под обстоятельства и события. Размышляя о себе и анализируя историю своей жизни, подростки увереннее и адекватнее относятся к выбору идентичности, подходящей их убеждениям. Например, из своего прошлого опыта подросток понял, что он человек заботливый или внимательный, и это знание о себе позволяет ему демонстрировать эти качества и укреплять

их с течением времени. Чем больше устанавливается таких связей на основе жизненного опыта, тем быстрее формируется идентичность и Я-концепция подростка [9].

Важной частью личностной идентификации являются в подростковом возрасте отношение к гендерным ролям. Гендерная интенсификация усиливается соответствием культурно-социальным нормам общества. В подростковом возрасте усиливается дифференциация в гендерно-ролевой идентификации у мальчиков и девочек.

Исследования Н.Л. Галамбос показали, что половые различия в мужских качествах личности (инструментальные качества, такие как независимость и лидерство) усиливаются в раннем подростковом возрасте, но половые различия в женских качествах личности (экспрессивные качества, такие как чувствительность и доброта) не усиливались [12].

В современном обществе мальчики могут быть более экспрессивными, а девочек поощряют быть более независимыми. С другой стороны, Мак Хейл (2009), сосредоточил свое внимание на влиянии времени, проводимого молодежью в гендерных социальных контекстах на развитие их гендерных качеств личности и интересов. На протяжении подросткового возраста время пребывания в гендерных социальных контекстах, как правило, ассоциируется с развитием гендерных стереотипов.

Для поддержания идентичности подростки нуждаются в любви и безопасности, которую могут обеспечить им родители. Родительское отношение может рассматриваться как психолого-педагогическая детерминанта развития личностной идентичности подростка. Согласно исследованию Э. Рубина поощряя автономию подростка, родители дают им возможность лучше узнать себя и понять, каковы их личные ценности и цели, что в конечном итоге побуждает их к конгруэнтному выбору идентичности. Родители, которые вторгаются во внутренний мир мыслей и чувств подростков и навязывают им определенный образ мыслей или действий, скорее всего, будут препятствовать способности детей быть восприимчивыми к своему внутреннему «я», при принятии выбора, связанного с идентичностью, тем самым тормозя этот процесс. Учитывая интерактивный характер формирования идентичности, общение родителей с подростками постоянно находится в центре развития этого процесса. Фактически, именно через взаимодействие и постоянную обратную связь с окружением чело-

век формирует свое представление о том, кто он есть [7].

Для формирования идентичности важен не только общий семейный климат, но и степень и качество взаимодействия с родителями, а также информация, которой они обмениваются между собой. И родители, и друзья важны для психологического благополучия подростков. Э. Рубин обнаружил, что поддерживающие отношения с матерью являются защитным фактором от влияния низкокачественной дружбы на адаптацию подростков и формирование их идентичности, своего «Я». А высокое качество дружеских отношений компенсирует девочкам отсутствие материнской поддержки [7].

О.В. Ходаковская указывает, что к ранней юности наблюдается снижение уровня достижения личностной идентичности и повышение уровня развития самоидентичности в социальном мире. Ведущими звеньями социальной идентичности становятся четыре вида социального самоопределения: «традиционно-семейное», «самоопределение в рамках юношеской субкультуры», «многоуровневое социальное самоопределение» и «мораторий на социальное самоопределение». Я-социальное становится более разнообразным в отличие от подросткового возраста, в котором подростки привязываются к сверстникам и характер взаимоотношений носит стационарный характер. При этом девушки более гибкие в построении контактов, чем юноши, они опираются на ролевые ситуации и психологические аспекты Я-личностного [9].

Таким образом, на формирование личностной идентичности оказывают влияние многие психосоциальные факторы, такие как восприятие себя, опыт общения со сверстниками в различных социальных средах, родители. Восприятие подростком самого себя может повлиять на его готовность участвовать во многих соответствующих возрасту занятиях, таких как физические упражнения, игры и т.д., и, таким образом, на здоровье его личности. Самоосознание включает в себя мысли о личностно желаемых процессах, включая индивидуальные сильные и слабые стороны. Личностная идентификация, в процессе которой проходит конструирование границ идентичности, зависит от многих факторов. Становление «моего» происходит всегда на границе с «другим» и принципиально не завершено в подростковом возрасте. Соотнесенность с чем-то иным, существующим самим по себе, и востребованность этим иным являются необходимым моментом понимания сущности данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Н.В., Белоусова, В.В. Самоопределение как механизм идентификации - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoopredelenie-kak-mehanizm-razvitiya-identichnosti/viewer> (Дата обращения: 12.11.2023).
2. Бурыкина, М.Ю., Доронцова, О.А. Сравнительная характеристика способностей самоуправления и саморегуляции поведения подростков с разным уровнем

- нем автономии// Известия саратовского университета. новая серия. серия: акмеология образования. психология развития.- Т.6.- №3.- 2017.- С. 239-243.
3. Джеймс, У. Личность/ У. Джеймс. - Режим доступа: www.psychology-online.net/articles/doc-1018.html (Дата обращения: 10.12.2023).
 4. Иванова, И.В. Влияние переживаний на развитие личностной идентичности у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста: Дис. ... канд. психол. наук. - Москва, 2001. – С.67-78.
 5. Кончаловская, М.М. Особенности становления личностной идентичности в дошкольном и младшем школьном возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006Кузнецова, О.В. Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков // Психологическая наука и образование. - 2007. - № 3.
 6. Мадди, С. Теории личности: сравнительный анализ// Пер. с англ. И. Авидона, А. Батустина, П. Румянцевой. – Санкт-Петербург: Издательство «Речь», 2002. - 539 с.
 7. Рубин, Э. Несуществование внимания// Хрестоматия по психологии// Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. - Москва, 2001. - С. 430-431.
 8. Скибо, Т.Ю. Педагогические условия становления профессиональной и личностной идентичности студентов колледжа: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Воронеж, 2004. - С.12.
 9. Ходаковская, О.В. Социальная и личностная идентичность в юности: Дис. ... канд. психол. наук. - Санкт-Петербург, 2006. - С.45-78.
 10. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. - Москва: Прогресс, 1996. - 344 с.
 11. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная, профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. - Москва: Московский психолого-социальный институт, 2007. - 128 с - ISBN 978-5-9770-0074-1
 12. Galambos, N.L., Almeida, D.M., Petersen, A.C. Masculinity, femininity, and sex role attitudes in early adolescence: exploring gender intensification. - Child Dev. 1990 Dec;61(6):1905-14.
 13. Adams, G.R., Shea, J., Fitch, S.A. Toward the development of an objective assessment of ego-identity status. Journal of Youth and Adolescence, 8, 1979, 223–237.
 14. Marcia, J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. Identity: An International Journal of Theory and Research, 2, 2002, 7-28.

© Мароян Асмик Каропетовна, Бурыкина Марина Юрьевна (mabur03@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЁЖИ О СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Позднякова Александра Владимировна

*Аспирант, Московский институт психоанализа
lesenka_barnaul@mail.ru*

SOCIO-PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION OF YOUTH ABOUT MARITAL RELATIONS IN THE MODERN WORLD

A. Pozdnyakova

Summary: This article explores issues related to marital relations. The main purpose of the study is to identify ideas about marital relations among young people and to find ways to improve such relationships. The study proved that the study of ideas about marital relations is important for understanding the dynamics of relationships in the family.

The article summarizes various types of ideas about marital relations and presents diagnostic tools for conducting research. The results of an experimental study are shown. As a result of the research, the socio-psychological ideas and claims in marriage of modern youth were revealed.

The paper highlights the concepts of trust and family relations. Special attention is paid to the importance of interpersonal relationships between spouses. In conclusion, attention is drawn to the factors influencing a trusting marital relationship, including general support, mutual understanding and stability in the relationship.

Keywords: marriage, marital relations, socio-psychological representations of youth, respect, trust, communication.

Аннотация: В данной статье исследуются вопросы, связанные с супружескими отношениями. Основная цель исследования заключается в выявлении представлений о супружеских отношениях среди молодежи и поиске путей улучшения таких отношений. В ходе исследования было доказано, что изучение представлений о супружеских отношениях важно для понимания динамики взаимоотношений в семье.

В статье обобщены различные виды представлений о супружеских отношениях и представлен диагностический инструментарий для проведения исследования. Показаны результаты экспериментального исследования. В результате исследования были раскрыты социально-психологические представления и притязания в браке современной молодежи.

В работе освещены концепции доверия и семейных отношений. Особое внимание уделяется значимости межличностных взаимоотношений между супругами. В заключении обращается внимание на факторы, влияющие на доверительные супружеские отношения, включая общую поддержку, взаимопонимание и стабильность в отношениях.

Ключевые слова: брак, супружеские отношения, социально-психологические представления молодежи, уважение, доверие, общение.

Межличностные отношения, в том числе и супружеские, являются одним из основополагающих аспектов жизни человека. Супружеские отношения представляют собой уникальную связь между двумя людьми, основанную на взаимной привязанности, любви и обязательствах.

Брак – это официальный союз двух человек, зарегистрированный в соответствующих органах. Супружество – это состояние людей, состоящих в браке. Отношения – это взаимодействия между людьми, характеризующиеся взаимными ожиданиями, правами и обязанностями. Супружеские отношения – это система взаимосвязанных взаимодействий между супругами в рамках брака.

Государство отмечает: «Важно, что семья вновь обретает в российском обществе высокий нравственный смысл. Хочу поблагодарить сегодня духовных пастырей традиционных религий России, школьных учителей,

представителей общественных организаций – всех, кто вносит свой вклад в сбережение и укрепление семейных наших традиционных ценностей. Среди них и крепкая, надёжная связь между поколениями, уважение к родителям, забота о старших, тепло любви бабушек, дедушек, которое остаётся с нами на всю жизнь» [15, с.1].

Существуют различные представления о супружеских отношениях. С точки зрения социологии, супружество рассматривается как социальный институт, обеспечивающий стабильность общества и воспроизводство населения. Психологическая перспектива акцентирует внимание на эмоциональных и психологических аспектах супружеских отношений, таких как привязанность, интимность и конфликт.

На супружеские отношения влияет множество факторов, как внешних, так и внутренних.

Внешние факторы:

- Социально-экономическое положение.
- Культурные нормы.
- Семейное окружение.
- Поддержка со стороны друзей и родственников [4].

Внутренние факторы:

- Личные качества супругов (характер, ценности, убеждения).
- Совместимость темпераментов и характеров.
- Уровень коммуникативных навыков.
- Способность к компромиссам и разрешению конфликтов [4].

Улучшение супружеских отношений – это постоянный процесс, требующий усилий и вовлеченности обоих партнеров. Существуют различные подходы к укреплению супружеских отношений:

- Коммуникация: Открытое и честное общение является основой здоровых супружеских отношений.
- Взаимоуважение: Партнеры должны уважать личные границы, ценности и убеждения друг друга.
- Время вместе: Совместное проведение времени помогает поддерживать эмоциональную связь и укреплять отношения.
- Активное слушание: Умение внимательно слушать и понимать точку зрения партнера способствует разрешению конфликтов и улучшению взаимопонимания.
- Поддержка: Супруги должны поддерживать друг друга в жизненных ситуациях, как положительных, так и отрицательных.
- Обратная связь: Конструктивная обратная связь помогает партнерам понять, что они делают хорошо и что нужно улучшить.
- Профессиональная помощь: В случае возникновения серьезных проблем в супружеских отношениях можно обратиться за профессиональной помощью к семейному терапевту или психологу [5].

Улучшение супружеских отношений – это нелегкая задача, но она приносит огромную пользу для обоих партнеров. Крепкие и здоровые супружеские отношения являются источником счастья, поддержки и благополучия.

Понятия брака и супружества имеют междисциплинарный характер, что приводит к наличию различных интерпретаций этих феноменов. Социолог Г.В. Лагонда рассматривает брак primarily как социальный институт, являющийся объектом социологических исследований. Напротив, психологи склонны рассматривать брак с точки зрения межличностных отношений в семье [9].

Для согласованности терминологии в данной статье понятия «брак» и «супружество» будут использоваться как синонимы, равно как и прилагательные «брачный» и

«супружеский».

Дружинин Д.В. отмечает, что уважение, наряду с доверием, представляет собой важный фактор в восприятии и взаимодействии с другими людьми. Оно служит основой для многих социальных отношений, особенно тех, где существуют различия в статусе, достоинствах или власти между людьми [6].

Уважение выражается в определенном поведении, словах и мыслях, которые демонстрируют признание чужих интересов, достоинств и границ. Это может проявляться в:

- Вежливом и внимательном общении.
- Учете мнения другого человека.
- защите прав и достоинства человека.
- Соблюдении конфиденциальности.
- Проявлении благодарности [6].

Неуважение, напротив, выражается в действиях и словах, которые демонстрируют пренебрежение или отсутствие уважения к другим. Это может проявляться в:

- Грубости и оскорблениях.
- Пренебрежении чужими чувствами.
- Нарушении чужих границ.
- Враждебности и агрессии.
- Игнорировании или обесценивании [6].

Источники уважения и неуважения:

1. Уважение и неуважение часто возникают на основе различных факторов, таких как:
2. Статусная разница: Различия в формальном или неформальном статусе могут влиять на степень уважения. Обычно люди проявляют больше уважения к тем, кто обладает более высоким статусом.
3. Достоинства: Признание выдающихся достоинств или достижений человека может также вызывать уважение.
4. Власть: Люди, обладающие властью или влиянием, часто получают больше уважения. Однако злоупотребление властью может подорвать уважение [6].

Уважительные отношения способствуют созданию позитивной и благоприятной социальной среды. Они улучшают коммуникацию, сотрудничество и доверие. Напротив, неуважительные отношения могут создавать напряженность, конфликты и подорвать отношения. Неуважение может привести к снижению самооценки, обиде и даже физическому или эмоциональному насилию.

Строительство уважительных отношений является двусторонним процессом. Важно не только самому проявлять уважение, но и ожидать его от других. Взаимное уважение создает здоровую основу для социальных взаимодействий и способствует личным и профессиональным отношениям.

В результате исследований Ковалев С.В. сделал вы-

вод, что в современном обществе молодежь сохраняет определенные негативные представления о браке. В частности, с возрастом 13-15 лет происходит постепенное разделение и противопоставление понятий любви и брака. Исследования среди студенческой молодежи, проведенные в рамках анкетного опроса «Твой идеал», показали, что при выборе партнера для жизни, любовь занимает лишь четвертое место после таких категорий, как «уважение», «доверие» и «взаимопонимание». В современном обществе можно наблюдать явное смещение значения любви в контексте брака, если раньше она занимала центральное место. Вместо этого, молодые люди теперь могут воспринимать брак как препятствие на пути к своим эмоциональным переживаниям и лишь с течением времени и после множества ошибок и неудач они осознают ценность брака с морально-психологической точки зрения [8].

Немов Р.С. «Под малой группой понимается немногочисленная по составу группа, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов» [2, с. 128].

Согласно исследованиям Добрякова И.В., Горьковой И.А., Микляевой А.В. у значительного большинства респондентов (64,10%) супружеские отношения неразрывно связаны с эмоциями. Этот эмоциональный компонент является краеугольным камнем, на котором строится крепкий брак.

Наиболее распространенные ассоциации, отражающие эмоциональную суть супружеских отношений, включают:

1. Любовь: фундаментальная эмоция, лежащая в основе брака. Она подразумевает глубокую привязанность, близость и заботу.
2. Забота: супруги оказывают друг другу эмоциональную поддержку, сочувствие и внимание. Они проявляют интерес к благополучию и счастью своего партнера.
3. Защита: Мужья часто ассоциируются с защитой жены и семьи. Они обеспечивают физическую и эмоциональную безопасность, выступая в качестве опоры и убежища для своих близких.

Поддержка: Жены, как правило, рассматриваются как источник поддержки для своих мужей. Они предоставляют эмоциональную стабильность, поощрение и понимание.

Эти ассоциации отражают важную роль эмоций в развитии и поддержании гармоничных супружеских отношений.

Эмоциональный фундамент является жизненно важным компонентом супружеских отношений. Ассоциации, связанные с любовью, заботой, защитой и поддержкой,

отражают глубокую эмоциональную связь, которая связывает супругов. Пренебрежение или ослабление этого эмоционального фундамента может негативно сказаться на удовлетворенности браком, долговечности отношений и общем благополучии супругов. В свою очередь, культивирование и укрепление эмоциональной связи может привести к прочному и счастливому браку [11, 12,13].

Автор Т.В. Андреева отмечает, что в сознании современной молодежи происходит изменение взглядов на брак. В приоритетах молодых людей при выборе спутника жизни преобладают такие качества, как уважение (33%), доверие (29%) и взаимопонимание (27%), а любовь занимает лишь четвертое место (18%) [1].

Это свидетельствует об «оттеснении» любви в браке, которая ранее считалась основополагающей ценностью. Молодёжь воспринимает семью скорее, как прагматичный союз, цель которого – удовлетворение практических нужд и самореализация. В результате, согласно исследованиям, около 50% молодых россиян откладывают вступление в брак на неопределённый срок.

Почему происходит такая трансформация взглядов? Влияние информационных технологий, распространение индивидуализма и феминизма, а также экономическая нестабильность заставляют молодёжь переосмысливать традиционные семейные модели.

Однако отрицание ценности любви в браке несёт и определённые риски. Поскольку любовь выступает мощным мотивом, который побуждает людей жертвовать своими интересами, заботиться друг о друге и сохранять отношения, её отсутствие может привести к утрате стабильности, взаимной поддержки и эмоциональной близости в семье.

Чтобы противостоять негативным тенденциям, необходимо воспитывать у молодёжи здоровые представления о браке и семейных отношениях. Важно, чтобы они понимали, что любовь – это не только физическое влечение или романтическое чувство, но и взаимное уважение, доверие, привязанность и совместные ценности. Также следует делать акцент на практической стороне брака – рождении и воспитании детей, ведении совместного хозяйства и распределении обязанностей.

Кроме того, следует создавать условия, в которых молодые люди смогут успешно реализовывать себя и строить крепкие семьи. Это включает в себя обеспечение доступного жилья, гибкого графика работы, развитой системы социальной поддержки и положительных примеров семейных отношений в обществе [1].

Многочисленные исследователи в области семейных отношений подчеркивают важность супружеских отношений в функционировании семьи. Супружеская пара

является ядром семьи, и качество супружеских отношений напрямую отражается на благополучии семьи в целом. Это подтверждается работами таких ученых, как Райгородский (2003), Кучинская (2011) и Ящук (2013).

Исследования показывают, что успешные супружеские отношения характеризуются:

- Высоким уровнем взаимной поддержки и понимания.
- Эффективной коммуникацией.
- Решением конфликтов конструктивным образом.
- Распределением ролей и обязанностей, которое удовлетворяет потребности обоих партнеров.
- Совместным проведением досуга и общими интересами.
- Физической и эмоциональной близостью.

Наоборот, неуспешные супружеские отношения могут быть связаны с:

- Низкой степенью взаимной поддержки.
- Слабой коммуникацией.
- Частыми конфликтами.
- Неравномерным распределением власти и обязанностей.
- Отсутствием физической и эмоциональной близости.

Влияние супружеских отношений на благополучие семьи обусловлено тем, что супруги являются:

- Основными выразителями любви и заботы для друг друга.
- Партнерами по воспитанию детей.
- Поддержкой и опорой в различных жизненных ситуациях.
- Источником эмоциональной и физической близости [10].

Таким образом, качество супружеских отношений имеет большое значение для успешного функционирования семьи. Понимание этого может помочь супружеским парам принимать меры по улучшению своих отношений и повышать качество жизни своей семьи.

В пилотном исследовании для выявления факторов, влияющих на супружеские отношения, был использован метод анкетирования. Испытуемым предлагались вопросы, которые были посвящены супружеским отношениям.

В анкетировании приняли участие 10 человек (5 пар) в возрасте от 32 до 46 лет. Диапазон от 8 лет до 22 (1 пара брак 8 лет, в совместном проживании 14 лет). Детей имеют 4 пары, одна пара без детей (планируют, хотят), возраст детей от 7 лет до 19. Образование от неполного высшего до более одного высшего образования, дата заполнения анкеты 14-18 декабря 2022 г.

Тема анкетного опроса:

1. Представление людей о супружеских отношениях.

Задачи:

1. Изучить знание людей о супружеских отношениях.
2. Исследовать представление о супружеских отношениях.
3. Исследовать отношение людей к своим супружеским отношениям.

Анализ ответов позволил составить более полное представление о том, как испытуемые понимают и представляют свои супружеские отношения и других людей. Часть вопросов были открытыми, что позволило выявить действительно их мнение, не ограниченное рамками предлагаемых вариантов. Другая часть вопросов, были закрытые, что позволило посчитать количество ответов. 3 вопроса шкалы лжи.

При наличии различных формулировок, выявлено два фактора - доверие и уважение. Семь факторов благополучных супружеских отношений встречаются одинаково часто:

1. общение, когда супруги умеют выражать свои чувства, желания, потребности словами, а также умеют слышать друг друга. Споры обсуждаются и поиск компромиссов;
2. любовь, гармония;
3. забота о детях и взаимоотношения с ними;
4. окружение, друзья;
5. отношения с родителями;
6. любовники, секс;
7. общий интерес.

Можем предположить следующие взаимосвязи:

Прослеживается связь в представлениях об идеальных отношениях и воспоминаниях о родителях, если воспоминания положительные, то и своим отношениям по шкале от 1 до 10 ставится высокий балл.

Связь в знании об общении и высоким баллом по шкале оценки своего брака.

Связь в знании о ценностях и высоким баллом по шкале оценки своего брака

Отсутствие семейных традиций и знаний о таких традициях, у кого есть традиции балл выше.

Для подтверждения или опровержения таких связей, и выявления новых, возможно проведение исследования большого количества людей (от 150 и более.) с использованием дополнительных методов обследования.

Полученные эмпирическим путём данные, могут быть использованы при составлении анкеты для проведения исследования диссертационной работы.

В дальнейшей анкете, направленной на изучение социально-психологического портрета супружеских отношений, были разработаны вопросы для выявления данных трех факторов. Анкета была составлена с учетом когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов каждого из них.

Исследование, проведенное на основе данных анкетирования, показало наличие взаимозависимости между уважением, доверием, общением и психологическим благополучием супругов. В частности, было установлено, что высокий уровень уважения, доверия и открытого общения коррелирует с более высокими показателями психологического благополучия по шкале Рифф.

Кроме того, для дополнения анкеты была использована методика по интерпретации результатов теста «Особенности общения между супругами» Алешиной Ю.Е., Гозмана Л.Я. и Дубовской Е.М. Методика позволяет оценить уровень коммуникативных навыков в супружеской паре и выявить возможные проблемы в сфере общения.

Результаты анкетирования и теста были сопоставлены с целью выявления взаимосвязей между факторами отношения к супругу (уважение, доверие, общение) и

результатами теста на особенности общения между супругами. Это позволило определить направления для поиска ресурсов у женщин для улучшения супружеских отношений.

Изучение взаимозависимости между уважением, доверием, общением и психологическим благополучием супругов позволяет сделать следующие выводы:

1. Уважение, доверие и открытое общение являются важнейшими факторами, способствующими психологическому благополучию супругов.
2. Низкий уровень коммуникативных навыков в супружеской паре может негативно влиять на супружеские отношения.
3. Разработка методик по интерпретации результатов тестов и анкет позволяет выявить проблемы в супружеских отношениях и определить направления для их решения.

Таким образом, результаты проведенного исследования подчеркивают важность создания крепких и поддерживающих супружеских отношений, основанных на взаимном уважении, доверии и открытом общении. Это, в свою очередь, положительно сказывается на психологическое благополучие супругов и способствует их личностному росту и развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.В. Психология семьи. – СПб.: Речь. 2007. – 384 с.
2. Алтунина И.Р., Социальная психология: учебник для академического бакалавриата /И.Р. Алтунина; под ред. Р.С. Немова. — М.: Издательство Юрайт, 2017. —427 с. — Серия: Бакалавр. Академический курс.
3. Белялова М.М. Межличностные отношения супружеских пар / Белялова М.М. / Форум молодых ученых / 2019 / С. 206-108
4. Ивченкова М.А. Особенности влияния социальных стереотипов на супружеские отношения в современных российских семьях / Ивченкова М.А. / Общество: социология, психология, педагогика. 2021. С. 80-83
5. Ильиных Ю.В. Терапевтический характер слияния-дистанцирования в супружеских отношениях / Ильиных Ю.В. / Национальная ассоциация ученых / 2020 / С. 29-30
6. Купрейченко А.Б., Дружинин Д.В. Уважение/неуважение и доверие/недоверие как основания категоризации личностью социального окружения / Ученые записки имэи том 2 №1 2012/ С. 73-86
7. Карбанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. Москва, 2005 г. С.9
8. Ковалев С.В. Психология современной семьи. М., Просвещение. – 1988. – 208 с.
9. Лагонда Г.В. Психология супружества: кому и зачем нужна новая теория брачных отношений. ЖУРНАЛ, Парадигма: философско-культурологический альманах, 2016. С. 75-107
10. Литвинова Н.Ю. К проблеме исследования субъективного благополучия в супружеских отношениях / Литвинова Н.Ю. / Мир науки, культуры, образования / 2019 / С. 274-277
11. Макушкина О.М., Маркелова Р.Х. Взаимосвязь личностной зрелости и позитивного восприятия супругов в браке / Макушкина О.М., Маркелова Р.Х. / Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы /2023. С. 194-196
12. Морозов В.А., Богуш В.В. К вопросу об оценке динамики супружеских отношений в современных семьях / Морозов В.А., Богуш В.В. / StudNet/ 2023. С. 1-12
13. Роднина К.А. Влияние уровня доверия между супругами на детскую успеваемость в школе. ЖУРНАЛ Мир науки. Педагогика и психология, 2023. С. 70-77
14. Спиваковская А.С. «Психотерапия: игра, детство, семья», М., изд. «Эксмо-пресс», 1999.
15. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875 С. 1.

© Позднякова Александра Владимировна (lesenka_barnaul@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ АДДИКТИВНОЙ УСТАНОВКИ С ТИПОМ ПРИВЯЗАННОСТИ У ЖЕНЩИНЫ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

THE RELATIONSHIP OF THE ADDICTIVE PERSONALITY ATTITUDE IN A RELATIONSHIP WITH THE TYPE OF ATTACHMENT

*M. Ragulina
A. Cherepanova*

Summary: The article is devoted to the study of the relationship between the addictive personality attitude in marital relations and the type of attachment. The study confirms that the basis for the development of an addictive attitude in love is a broken attachment formed in childhood and reflected in the interpersonal relationships of the full continuum of personality relationships. A low probability of love addiction is described by women with an avoidant type of attachment; a high probability of love addiction is typical for women with an alarmingly ambivalent type of attachment. A safe type of attachment or a reliable one is manifested by trust in the partnership between a man and a woman and is uncorrelated with an addictive attitude.

Keywords: addiction, addictive behavior, addictive attitude, love addiction, interpersonal attachment, types of attachment, family.

Рагулина Марина Владимировна

кандидат психологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
университет» (г. Хабаровск)
ragulina@inbox.ru

Черепанова Анна Юрьевна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
университет» (г. Хабаровск),
anna3481@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию взаимосвязи аддиктивной установки личности в супружеских отношениях с типом привязанности. Исследование подтверждает, что основой развития аддиктивной установки в любви является нарушенная привязанность, сформированная в детстве и отражающаяся в межличностных отношениях полного континуума отношений личности. Низкую вероятность любовной аддикции описывают женщины с избегающим типом привязанности; высокая вероятность любовной аддикции характерна для женщин с тревожно-амбивалентным типом привязанности. Безопасный тип привязанности или надежный проявляется доверием в партнерских отношениях мужчины и женщины и не коррелирует с аддиктивной установкой.

Ключевые слова: аддикция, аддиктивное поведение, аддиктивная установка, любовная зависимость, межличностная привязанность, типы привязанности, семья.

Рассматривая историю изучаемого явления, стоит отметить, что с 80-х годов XX века термин «аддиктивное поведение» получил широкое распространение в отечественной научной литературе. Термин был предложен М. Ландри и В. Миллер, как злоупотребление различными веществами (включая алкоголь и курение табака), изменяющими психическое состояние до того, как от них сформируется зависимость [3].

Г.О. Матаева рассматривает аддиктивное поведение как одну из форм отклоняющегося, девиантного поведения с формированием стремления к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приёма психоактивных веществ [6].

Аддиктивное поведение появляется не вдруг, оно представляет собой непрерывный процесс формирования и развития аддикции. Аддикция имеет начало, нередко безобидное, индивидуальное течение с усилением зависимости. Аддиктивная установка, по мнению Е.Р. Христославенко [9], выражается в появлении сверхценного эмоционального отношения к объекту аддикции. Вследствие этого снижается критичность к негативным

последствиям аддиктивного поведения и аддиктивному окружению: «все нормально», «я могу себя контролировать», «все наркоманы хорошие люди». Параллельно развивается недоверие ко всем «другим», в том числе специалистам, пытающимся оказать аддикту медико-социальную помощь: «они не могут меня понять, потому что сами не знают, что это такое» [2].

В настоящее время насчитывается более 30 разновидностей аддиктивного поведения, где для удобства наиболее простой классификацией является разделение зависимостей на химические, биохимические, нехимические.

Любовная зависимость относится к нехимической зависимости и представляет собой разновидность аддиктивного поведения с фиксацией на другом человеке. Как правило, она принимается индивидом за страстную любовь.

Интерес психологов к различным формам аддикции имеет не слишком большую историю, а тем более к нехимическим ее формам, таким как аддикция в любви.

Целью нашего исследования было выявить имеет ли

развитие аддиктивной установки в близких отношениях, в основе которых лежит любовь между мужчиной и женщиной, своим источником детскую привязанность к родителям и дальнейшее ее развитие в привязанность к партнеру.

Привязанность между близкими партнёрами определяется как эмоциональная связь между людьми противоположного пола, не состоящими в кровнородственных и дружеских отношениях как уникальное психологическое явление, выражающееся в потребности формировать особые отношения с партнёром, жизнь которого обретает особую ценность для человека [5].

В исследованиях привязанности отмечается, что ее возникновение может быть связано с определёнными потребностями партнёров по общению, удовлетворение которых и становится возможным в рамках этих любовных отношений. Мужчины и женщины по-разному проявляют себя в любви и романтических отношениях, а это позволяет полагать, что разными будут и особенности их романтической привязанности, которые, в свою очередь, могут быть обусловлены и характерологическими особенностями партнёров по отношениям.

Безопасный тип привязанности, как пишет М.А. Сергеева, Л.Ф. Фурси [7], характеризуется уверенностью индивида любого возраста – младенца, ребёнка, взрослого в том, что защищающая и поддерживающая фигура будет доступна и достижима. Такая привязанность считается надёжной.

Тревожно-амбивалентный тип привязанности связан с нарушением способности контролировать противоречивые эмоциональные проявления и импульсивное поведение по отношению к объектам привязанности, а также с хронической потребностью в обеспечении защищённости со стороны фигуры привязанности. Этому типу соответствуют регулярные прорывы негативного аффекта по отношению к себе и к своим близким, застревание в этом аффекте, неспособность переключиться на другой вид деятельности и отношений [4].

Другой ненадёжный тип привязанности – избегающий, он характеризуется отстранением от объекта привязанности, избеганием болезненных воспоминаний, эмоциональной отчуждённостью, отказом от поддержки и утешения [1].

Дезорганизованная привязанность во взрослом возрасте проявляется в одновременной потребности в близости и переживании тяжёлого дискомфорта от неё в сочетании с представлениями о себе как ничтожном, ничего не стоящем человеке.

Для подтверждения гипотезы исследования, что существует взаимосвязь между аддиктивной установкой личности в близких отношениях и типа её привязанности было проведено эмпирическое исследование.

Выборка составила 98 сотрудниц женщин управления железной дороги г. Хабаровска. Все респондентки сопоставимы по социально-демографическим характеристикам и состоят в официальном браке. Возраст женщин составлял от 23-33 лет, у каждой есть дети. В анкетах женщины отмечали, что их брак заключен по взаимной любви.

Были использованы следующие диагностические методики: тест на выявление любовной аддикции А.Ю. Егорова; опросник «Аддикция в близких отношениях» М.В. Рагулиной; тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда (адаптация О.П. Макушиной); опросник «Привязанность к родителям» М.В. Яремчук.

Таблица 1.
Результаты теста на выявление любовной аддикции (методика А.Ю. Егорова).

Показатель	Человек	Удельный вес, %
Низкая вероятность любовной аддикции	40	42
Средняя вероятность любовной аддикции	24	24
Высокая вероятность любовной аддикции	11	11
Любовная аддикция	23	23
Итого	98	100

Результаты диагностики межличностной зависимости, разработанной Р. Гиршфильдом в адаптации О.П. Макушиной приходят в противоречие с результатами по опроснику А. Егорова. Скорее всего, в семье с детьми женщина имеет возможность проективно переносить потребность в близких отношениях, которая не удовлетворяется мужем в подсистему детей. Это М. Боуэн называл проективными процессами в семье [8].

Таблица 2.
Результаты теста межличностной зависимости Р. Гиршфильда (адаптация О.П. Макушиной).

Показатель	Человек	Удельный вес, %
Низкий уровень межличностной зависимости	27	28
Средний уровень межличностной зависимости	27	28
Высокий уровень межличностной зависимости	44	44
Итого	98	100

Около половины респонденток описывают себя как зависимых в межличностных отношениях.

Полученные результаты показывают, что у этих женщин наблюдается высокий уровень эмоциональной опоры на других, достаточно низкий уровень уверенности в себе при стремлении к автономии и обособленности.

Опросник М.В. Яремчук, который предназначен для определения преобладающего типа привязанности в от-

Таблица 3.

Результаты опросника на привязанность к родителям М.В. Яремчук.

Тип привязанности		Отец			Итого
		Избегающая привязанность	Надёжная привязанность	Тревожно-амбивалентная привязанность	
Мать	Избегающая привязанность	12	11	5	28
	Надёжная привязанность	26	27	7	60
	Тревожно-амбивалентная привязанность	1	7	2	10
Итого		39	45	14	98

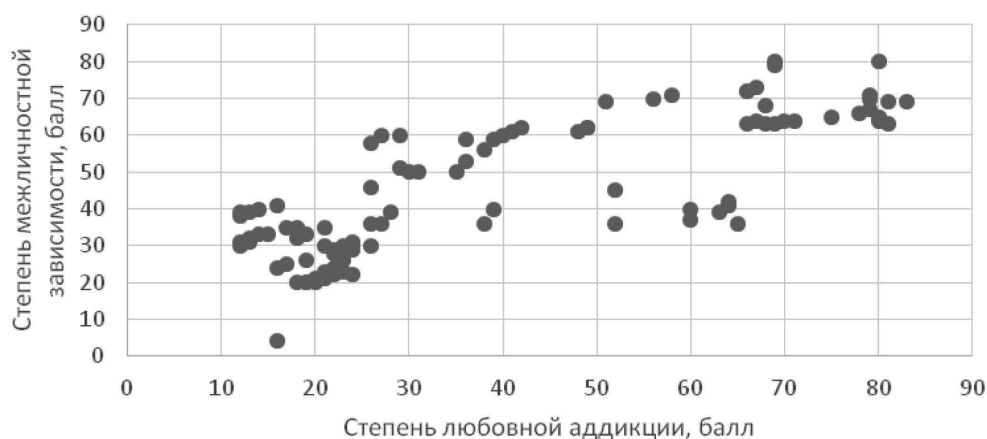

Рис. 1. Корреляционная диаграмма связи результатов любовной аддикции и межличностной зависимости

ношениях с каждым из родителей по трём классическим типам привязанности показал, что среди опрошенных женщин преобладает надёжная и избегающая привязанности к матери и отцу. Результаты диагностики приведены в таблице 3.

Опросник «Аддикция в близких отношениях» М.В. Рагулиной базируется на представлениях о романтической основе любовных отношений, когда партнеры совершенно совпадают в своих ожиданиях друг с другом. В основе опросника лежат идеи Э. Гидденса о различии близких отношений и аддикции, принимаемой за любовь. Отличие опросника Егорова в том, что он исследует аддикцию как переживание сильной эмоции, в то время как Этот опросник изучает аддикцию как инротертированную установку.

Таблица 4.

Результаты опросника «Аддикция в близких отношениях».

Показатель	Человек	Удельный вес, %
Низкая вероятность любовной аддикции	57	59
Средняя вероятность любовной аддикции	18	18
Высокая вероятность любовной аддикции	23	23
Итого	98	100

Расчёт коэффициента корреляции был проведён с использованием функции «КОРРЕЛ» в Microsoft Excel подтвердил взаимосвязь этих опросников, изучающих феномен аддикции в разных аспектах, и составил 0,94.

Визуализация данных, показывающих взаимосвязь между данными по методикам измерения любовной аддикции и межличностной зависимости, между данными по методикам любовной аддикции и привязанности приведена в виде корреляционных диаграмм на рисунках 1 и 2.

В этой паре данных коэффициент корреляции составил 0,79. На основании полученных результатов можно сделать следующий вывод: чем выше вероятность любовной аддикции, тем выше уровень межличностной зависимости у личности в любом типе отношений.

Статистический анализ результатов любовной аддикции в соотнесении с разными типом привязанности показал, что надёжная и безопасная привязанность не коррелирует с аддикцией, избегающий тип привязанности обнаруживает слабую обратную корреляцию с любовной аддикцией. Но тревожно-амбивалентный тип привязанности выраженно коррелирует с аддикцией.

Таблица 5.

Корреляции между типом данными межличностной зависимости и аддикции у женщин с разным типом привязанности. ($p \leq 0,01$).

Привязанность к матери		
Надежная	Избегающая	Тревожно-амбивалентная
-	-.346*	.561
Привязанность к матери		
-	-	.587

При выявлении взаимосвязи привязанности к отцу и особенностями взаимоотношений с супругом у женщин статистически значимых показателей выявлено не было. Но при избегающей привязанности присутствует тенденция к обратной взаимосвязи со шкалой симпатии.

Таким образом, по результатам исследования сде-

лать следующие основные выводы:

- Чем выше показатель надёжной привязанности у женщин к матери, тем увереннее чувствует себя женщина в отношениях с мужем, проявляя среднюю по уровню выраженности аддиктивную установку.
- Чем выше тревожно-амбивалентной тип привязанности, тем меньше доверия в супружеских отношениях и сильнее проявление аддиктивной установки со стороны женщины
- Избегающий тип привязанности к отцу преобладает у женщин с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери, что усиливает аддиктивную установку в отношениях с мужем.
- Избегающий тип привязанности и к отцу, и к матери проявляется в слабой аддиктивной установке, что говорит о типе отношений, сходным с опережающим отстранением с мужем или склонностью к эмоциональным разрывам [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы / Н.Н. Авдеева // Современная зарубежная психология. - 2017. - Т. 6. - № 2. - С. 7-14.
2. Гуза, О.Р. Исследование феномена межличностной зависимости / О.Р. Гуза // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. – 2020. – № 4. – С. 46-54.
3. Жуковская, В.А. Особенности проявления и формирования аддиктивного поведения личности / В.А. Жуковская // Психологические и биологические особенности нарушенного поведения: Материалы всероссийского научно-практического круглого стола с международным участием, Москва, 21 мая 2020 года – 25 2021 года. / Под редакцией Т.А. Шиловой. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Ритм», 2021. – С. 69-75.
4. Исакова, Т.В. Влияние типа привязанности на формирование личности и особенности построения межличностных отношений взрослого человека / Т.В. Исакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 10. – С. 39-44.
5. Матаева, Г.О. Понятие аддиктивного поведения / Г.О. Матаева // The Scientific Heritage. - 2020. - № 45-3 (45). – С. 1-7.
6. Падун, М.А. Тип привязанности и угрозы безопасности в супружеских отношениях / М.А. Падун // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2017. – Т. 2, № 3(7). – С. 96-115.
7. Сергеева, М.А. Привязанность к родителям как фактор супружеских отношений у женщин / М.А. Сергеева, Л.Ф. Фурси // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8, № 6-1. – С. 256-262.
8. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. 2-е изд. стереотип. / Научные редакторы К. Бейкер, А.Я. Варга: Когито-Центр; Москва; 2008
9. Христославенко, Е.Р. Любовная зависимость и ее особенности / Е.Р. Христославенко // Молодой учёный. - 2022. - № 51 (446). - С. 300-302.

© Рагулина Марина Владимировна (ragulina@inbox.ru), Черепанова Анна Юрьевна (anna3481@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛОКАЛИЗМ В ТАИЛАНДЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ НУЖНО ЗАЩИЩАТЬ ТРАДИЦИЮ

Гилл Елена Владимировна

кандидат философских наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, (г. Великий Новгород)
novsu.maximova@mail.ru

Крапчунов Даниил Евгеньевич

кандидат философских наук, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, (г. Великий Новгород)
krapchunovd@mail.ru

LOCALISM IN THAILAND, OR WHY THERE IS NO NEED TO PROTECT TRADITION

**E. Gill
D. Krpchnov**

Summary: The article examines traditionalism as a phenomenon of modern culture in the context of ontological incompleteness of the human being. Ontological incompleteness acts as a methodological tool used to describe a human being as ontologically disclosed structure. Against the background of the structure of man as a being open to the being and the world, traditionalism appears as an unproductive mechanism of closure within the boundaries of identity. In the modern world, there is a problem of identity crisis associated with globalization and the emergence of a dynamic identity. The crisis of human self-determination is accompanied by intensification of lack and causes changes in the structure of personality and identity, in strengthening the virtual vector of openness to the world and multiplying the types of ontic being. Traditionalism is the way of virtual disclosure, caused by the desire for rootedness, for a return to a protected habitat, which previously, in the agrarian era, was provided by tradition and religion. Using the example of localism as Thai ideology, the authors show how traditionalism uses the symbiosis of religious and national as a platform to justify the need to return the forms of the historical past, based on a single country and culture. Grounded on the field research in Thailand and other countries of Southeast Asia and India and the analysis of their results with the concept of ontological incompleteness, the article presents traditionalism as a manipulative conservative ideology that replaces the ontological with the ontic, as a reduction of reality and virtualization of tradition. The authors make conclusion about the destructiveness of traditionalism, the danger of its spread and its contradiction to the fundamental ontological openness of the human being.

Keywords: tradition, Buddhism, Thailand, ontological incompleteness, religion, traditionalism, spiritual practice.

Аннотация: Статья рассматривает традиционализм как феномен современной культуры в контексте онтологической недостаточности человека. Онтологическая недостаточность выступает в качестве методологического инструмента, позволяющего описать человека как онтологически раскрытую структуру. На фоне структуры человека как существа разомкнутого к бытию и миру традиционализм предстает как непродуктивный механизм замыкания в границах идентичности. В современном мире существует проблема кризиса идентичности, связанная с глобализацией и появлением динамичной идентичности. Кризис самоопределения человека сопровождается интенсификацией нехватки и вызывает изменения в структуре личности и идентичности, в усилении виртуального вектора открытости миру и умножении типов бытия онтического. Традиционализм является одним из способов виртуального размыкания, и он вызван стремлением к укорененности, к возврату в защищенную среду обитания, которую ранее, в аграрную эпоху, обеспечивали традиция и религия. На примере локализма как идеологии Таиланда авторы показывают, как традиционализм использует симбиоз религиозного и национального как платформу для обоснования необходимости возврата форм исторического прошлого, на почве отдельно взятой страны и культуры. На основе проведенных полевых исследований в Таиланде и иных странах Юго-Восточной Азии и Индии и анализа их результатов с помощью концепции онтологической недостаточности статья представляет традиционализм как манипулятивную консервативную идеологию, подменяющую онтологическое онтическим, как редукцию реальности и виртуализацию традиции. Делается вывод о destructiveness традиционализма, опасности его распространения и его противоречии принципиальной онтологической открытости человека.

Ключевые слова: традиция, буддизм, Таиланд, онтологическая недостаточность, религия, традиционализм, духовная практика.

Нехватка есть конституирующее основание человеческого способа быть. Помимо биологических и социальных нужд, присущих человеку и иным формам животного мира, человека характеризует онтологическая недостаточность, которую В.Н. Сагатовский обозначил как «недоопределённость бытия до целостности». Человек как существо недостаточное, падшее, расколотое, не-определившееся, полнее всего представлен в религиозной картине мира, где он является не финальной, а начальной, исходной формой духов-

ного пути и преобразования бытия. В религии человеческое бытие есть *existentia*, выступающее из себя бытие, не-завершенное, потерявшее или не имеющее связи с целым, – как онтологически раскрытая структура. Методологическими основаниями данного исследования служат наша концепция онтологической недостаточности и методология синергичной антропологии С.С. Хоружего, который представляет человека как бытия разомкнутого в трех сферах: онтологической, онтической и виртуальной. Только в «онтологической топике реализу-

ется «размыкание в бытии, к иному способу бытия, – онтологическое размыкание, эталонными примерами которого служат духовные практики» [Хоружий 2013, 54]. Духовная практика есть путь и методология радикального преобразования человеком своего бытия, основанная на принципиальной недостаточности для человека его существования в его имеющемся виде и во всех его жизненных возможностях, служит раскрытию человека навстречу Инобытию как Иному, лишенному базовых для человека, предельных характеристик конечности и смертности. Духовная практика разрабатывается несколькими поколениями сообщества, называемого духовной традицией.

С.С. Хоружий описывает риск жизни человека в глобальной реальности как идущий изнутри, проявляющийся в модификации антропотипов [Хоружий 2015]. В результате потери определенности и укорененности, снятия необходимости соотношения человека с отдельно взятым культурным и национальным топосом чувство нехватки усиливается и реализуется в виде различных практик виртуального ухода, редукции себя, одним из которых является традиционализм.

По определению, данному исследователями Макаровым А.И. и Пигалевым А.И., традиционализм – это «социально-философская доктрина или отдельные консервативно-реакционные идеи, направленные против современного состояния культуры и общества и критикующие это состояние в связи с его отклонением от некоего реконструированного или специально сконструированного образца, который выдается за исторически изначальную, а потому идеальную социокультурную модель, сохраняемую в корпусе особого знания» [Макаров, Пигалев 2002, 183]. Традиционализм есть явление современности, смотрящей на традицию извне, поскольку в традиционном обществе потребности в апологетике традиции как неотъемлемой части жизни быть не может. Традиционализм как феномен современного мира представлен в ряде научных исследований [Элиаде 2000; Быстров 2001; Макаров 2001; Дугин 2002; Sedgwick 2004], с учетом которых мы рассматриваем интересующую нас тенденцию традиционалистов объединять национальное и религиозное (духовное).

Следует отличать традицию и Традицию. Традиция в вышеупомянутом смысле, как описанная С.С. Хоружим духовная практика, есть процесс, принадлежащий онтологической топике, не имеющий сущностного сходства с традицией в пространстве онтического бытия, которая есть размыкание человека к миру наличного. Такая традиция представляет собой лишь остенсивный механизм культурной передачи знаний и норм поведения людей от поколения к поколению. В традиционалистской установке первый смысл Традиции подменяется вторым, и традиция в виде социального явления изображается как

безусловная ценность, а не способ передачи ценностей. Разрушительным влиянием на общество обладает тот вид традиционализма, который отождествляет религиозное и национальное, их единство как духовную индивидуальность культуры, ее «душу», живущую в специфическом уникальном предназначении данного народа (нации) как носителя данной религии, якобы сохранившего ее изначальность, автохтонность, чистоту, или же напротив, развившую ее в верном, истинном направлении (возможны разные варианты обоснования).

Разрушительное значение синкретического мифа о традиции можно увидеть в социальной действительности. Н.Г. Рогожина, исследуя проблемы современного Таиланда, отмечает: «Религиозные конфликты особенно остры и особенно опасны для государства тогда, когда религиозные различия совпадают с этническими и социальными. Примером могут послужить события на Юге Таиланда, где основное население, малайцы, являются одновременно и национальным, и религиозным меньшинством, активно борющимся против таиландского правительства» [Рогожина 2021, 177].

Тайская национальная поговорка гласит: «быть тайцем – значит быть буддистом». В последние десятилетия в Таиланде активно создаются огромные статуи Будды, в рамках проекта укрепления тайских традиций, инициатором которого является Таиландский истеблишмент. Идет работа на потенциального потребителя экзотики. Внешние формы традиции тиражируют, обслуживая внешние ожидания и создавая симуляционные формы, «новodelы», отсылающие себя к некоей национальной традиции. Более всего известна статуя «лежащего Будды» Phra Buddhasaiyas в Бангкоке, — это Будда в паринирване, в «позе льва». Статуя длиной 45 метров, украшенная бесчисленными алмазами, рубинами и сапфирами, находится в храме Wat Phra Chetuphon Vimolmangklararm Rajwaramahaviharn.

Традиционализм как основная идеологическая линия внутренней политики современного Таиланда часто называется локализмом. Другое название локализма в Таиланде – «буддийская экономика». Главным сторонником локализма в Таиланде, или мосо (общества умеренности), является «философия экономики достаточности» короля Пумипона Адульядета. Придворный Девакула, министр финансов Таиланда, заявил себя сторонником королевской экономики самодостаточности, или локализма. Учебный центр Философии экономической достаточности короля Пумипона утверждал, что концепция направлена на ведение умеренной, самостоятельной жизни без жадности или чрезмерной эксплуатации, например, природных ресурсов.

Потеря общинной идентичности видится правящим классом Таиланда как результат неолиберальных стра-

тегий развития, которые придавали большое значение таким качествам, как жадность, материализм и секуляризация, которые, по их мнению, противоречили буддийским учениям и традициям [Southard 2016, 2]. Между тем, многие тайландцы, имеющие высшее образование, считают, что традиционный буддизм архаичен [Фомичева 2014, 87]. В ответ на это появилась идея возрождения религиозных традиций буддизма в Таиланде, для воздействия на население и укрепления власти.

Так как буддизм – государственная религия Таиланда (по Конституции король должен быть буддистом), и «опора государственности в триединстве «нация-король-религия» [Фомичева 2014, 75], для господствующего класса, поддерживающего монархию, невыгодно падение роли религии в жизни общества, которое неизбежно влечет за собой глобализация. К тому же, поскольку большинство жителей отсталых районов, особенно малограмотные крестьяне, политически не активны [Рогожина 2015, 107], на них стремятся воздействовать пропагандой религиозной традиции.

Навязывание националистической местной идентичности и подтверждение государственной гегемонии над деревней религией остаются определяющими чертами государственных инициатив в области развития Таиланда [Hirsch 2002, 269]. В стране началась активизация политической вовлеченности монахов, поддерживающих это движение, создание ими новых практик. В целях религиозного просвещения разрабатываются буддийские практики, рассчитанные на туристов, приехавших на несколько дней¹ [What did the Buddha teach?.. 2023], волонтеры, желающие продвигать политику правительства, преподают эти практики у статуи Большого Будды на Пхукете и в других местах. Вместе с фигурками будды для туристов упаковано мыло в виде лотоса и франжипани и прочие сувениры. В ходе бесед с преподавателями практики «7 minutes happy meditation»² и других техник на специально отведенном для этого месте у Большого Будды, а также с тайцами, посетителями храмов, мы часто отмечаем, что буддизм ассоциируется у них с Таиландом, а не с мировой религией, и многие даже верят в существование так называемого «тайского буддизма» («Thai Buddhism»), что свидетельствует о соединении национальной и религиозной идентичности.

Многие общественные деятели и просто граждане Таиланда, однако, считают, что принципы экономики

достаточности расплывчаты и податливы, а ее популярность проистекает из нежелания общественности критиковать что-либо, связанное с почитаемым королем³. Многочисленные исследования посвящены критике политики локализма как манипулятивной идеологии, не соответствующей экономическим потребностям страны и утверждающей представления о превосходстве тайской нации [Delcore 2004; Hewison 1999; Walker 2010; Taylor 1993; Swearer 2011; Southard 2014].

Идеи локализма подхватывают предприниматели, предлагающие альтернативный «пакетному» отдых на лоне деревенской природы. Используя традиционную культуру как приманку, местная туристическая инициатива в действительности оказывается обычными туристическими агентствами, ориентированными на перенаправление на себя капитала с обеспеченных туристов. При этом в качестве культурного опыта обещается общение с неграмотным сельским населением Таиланда (часто при помощи языка знаков) как носителем особых тайских ценностей и вхождение, таким образом, в тайскую культуру. На деле же клиент получает счет на сумму гораздо большую, чем средние расходы по самостоятельному проживанию или путевке: бюджет 10000 долларов в неделю, не считая перелет, и самые дорогие отели стоимостью от 400 долларов за ночь⁴. Таким образом, не разрушается, а наоборот еще больше укрепляется уже существующее представление о контрасте между богатыми «фарангами» (так местные в Таиланде называют белых туристов) и бедными местными жителями, тружениками деревни, которая описывается как источник подлинного культурного опыта для туриста.

Локализм как политика современного Таиланда появилась под влиянием двух факторов: сопротивления глобализации и политического кризиса Таиланда как противостояния «капиталистов» и «традиционалистов» [Симонёнок... web]. Экономика Таиланда столкнулась с проблемой экономии ресурсов, потому что глобализация и соревнование с Западом, стремление соответствовать мировым стандартам потребления привели ресурсы к истощению и к появлению экономической стратегии самодостаточности [Buch-Hansen 2003, 322]. Похожие вопросы поднимают современные индийские журналы и пресса, где обсуждается проблема истощения экологических ресурсов в южных штатах, популярных среди туристов, таких как Гоа и Керала. Сокращение различных видов рыбы и ее количества представлено

1 What did the Buddha teach? Phrabuddhamingmongkhon Sattha 45 Foundation 42/14 Moo 2, Thepkrasattri Rd., T. Rasda, A. Muang, Phuket. 2023. 20 p.

2 Буддийская медитация. Как просто медитировать. How easy to meditate. Big Buddha Phuket meditation [Электронный ресурс] - Режим доступа: //https://www.youtube.com/watch?v=_bCy8wOpQY0 (дата обращения: 10.03.2024)

3 Localism in Thailand [Electronic resource] (2024). URL: //https://jureewan-aui.blogspot.com/2012/09/localism-in-thailand.html (accessed: 21.01.2024).

4 Thai Localist [electronic resource]. URL: // http://www.facebook.com/localistamaehongson/servicesdeteriorate - A www.youtube.com/channel/UCvBpU3oqDXYKsZRC6WVAjOw (accessed: 21.01.2024).

как следствие развития туризма и экспорта рыбы в европейские страны, стремления местного населения штатов достичь уровня материального достатка, задаваемого Западом [Patel 2020].

Символическая инфраструктура государственного локализма — это производство готовых референтов, с помощью которых местная культура и идентичность могут быть овеществлены способом, согласующимся с националистическим нарративом соединения тайской нации и буддизма как основы культурного единства. Не сама традиция тайского буддизма является ценностью, а история буддизма в Таиланде используется для того, чтобы добиваться продления легитимности власти правящих кругов: использование буддийского ритуала и обращение к монархии было утверждением идентичности деревни как по сути «тайской» [Southard 2016, 13] Локализм отсылает к некоей идеализированной деревенской картине жизни, наделенной особыми тайскими высокими моральными стандартами и религиозностью, и образ этот является виртуальным.

Традиционализм избирателен в отношении культурных форм прошлого, которые он изображает как особо ценные и неотъемлемые от национальной идентичности. При этом ценностью являются именно формы, а не содержание, которое вследствие исторического развития перестает быть актуальным (например, крестьянский быт или праздники, народная культура, связанная с сельскохозяйственными процессами). Таким способом отжившие структуры прошлого искусственно накладываются на современный не конгруэнтный им культурный контекст, что является виртуализацией традиции, ее выхолащиванием и обращением в симулякр — структуру знаков, демонстрирующих сами себя. Если в XX веке Ж. Бодрийяр описал превращение рекламы товара в товар, то есть, в симулякр [Бодрийяр 2013, 122], то сегодня симулякром становится традиция.

Консервативная идеология возникает по причине необходимости апологетики политических интересов определенных социальных групп, политической элиты, господствующего класса, она составляется на основе абсолютизации избранного социального мифа, с учетом

убеждений и личной истории отдельных лиц, защищающих этот миф. Традиция представляется обязательной формой связи человека со своей культурой, базой его идентичности, моральным основанием его отношения к другим и к стране, ориентиром личного и общенационального развития.

Подчеркивается простота и привлекательность возврата к традиции как окончательное решение проблемы самоидентификации человека и даже судьбы страны и ее будущего. При этом не предлагается никаких новых ценностей, а прежние противопоставляются «угрожающим», размывающим национальную идентичность, рисуется образ «врага» в виде эпохи истории или иной страны, культуры. Поскольку взятые из прошлого ценности не могут быть конституирующими для глобальной реальности, традиционализм приводит к замыканию человека в своих культурных границах и к таким настроениям, как враждебность к другим религиям и культурам и чувство национального и духовного превосходства. Если для традиционной культуры сберегающей стратегией является укрепление границ себя, то для глобального мира это путь в тупик, уход от решения проблем глобализации, таких, как разрыв в развитии стран, рост терроризма, миграции, экологическая катастрофа.

Традиционализм — не только система идей, но и социальный феномен, имеющий отражение в онтологической структуре человеческого бытия. Анализ традиционализма с помощью концепции размыкания человека в онтологическом, онтическом и виртуальном топиках представляет традиционализм как практику ухода, редукции человеком себя, так как традиция, будучи социальным механизмом трансляции онтического, не имеет отношения к преодолению онтологической недостаточности человека, а именно, к преобразению бытия, ведущему к преодолению конечности и смертности. Между тем, традиция намеренно преподносится в качестве инструмента духовного преобразования и развития. Традиционализм, несмотря на разнообразие избираемого культурного содержания, — явление транснациональное, универсальное и при этом разрушительное в отношении человека как существа духовно открытого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 с.
2. Быстров В.Ю. Человек в мире традиций: Монография / Министерство образования РФ. НовГУ. Великий Новгород: НовГУ, 2001. — 159 с.
3. Дугин А.Г. Философия Традиционализма. Серия: Новый Университет. — М.: Арктогея-Центр, 2002. — 624 с.
4. Макаров А.И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. — Вып. 6. — С. 275–283.
5. Макаров А.И. Пигалев А.И. Традиционализм // История философии. Энциклопедия. — Минск: Интерпрессервис Книжный дом, 2002. — С.183–186.
6. Рогожина Н.Г. Проблема Глубокого юга Таиланда — сепаратизм малайских мусульман // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. — Т. 14. — № 1. — С. 176–193.

7. Рогожина Н.В. Возможна ли демократия в Таиланде? // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015. – № 4. – С. 101–110.
8. Симонёнок А.В. Таиланд в начале XXI в.: новые тенденции в традиционных форматах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ihaefe.org/publishings/publications/analytics/> (дата обращения: 10.03.2024).
9. Фомичева Е.А. Роль религии в общественной жизни и становлении государственности в Таиланде // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. – 2014. – № 25. – С. 69–88.
10. Хоружий С.С. Проблематика рисков современности: концептуальные основания и ведущие подходы // *Фонарь Диогена: человек в многообразии практик*. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 131–157.
11. Хоружий С.С. Как обходиться без бытия, или механика Латона // *Вопросы философии*. – 2013. – №10. – С. 50–67.
12. Хоружий С.С. Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов // *Вопросы философии*. – 2017. – № 9. – С. 104–121.
13. Элиаде М. Тракта́т по истории религий. В 2 тт. / Пер. с фр. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя. – 2000. – 394+394 с.
14. Buch-Hansen M. The territorialisation of rural Thailand: Between localism, nationalism and globalism // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. – August 2003. – Vol. 94(3). – P. 322–334.
15. Delcore H. D. Symbolic politics or generification? The ambivalent implications of tree ordinations. *Journal of Political Ecology*. – 2004. – Vol. 11. – P. 1–30.
16. Hewison K. Localism in Thailand: A study of globalisation and its discontents. – 1999. CSGR Working Paper 39/99. – P. 1–27.
17. Luangpor Teen Chittasubho. The Prime Key. Phrabuddhamingmongkhon Sattha 45 Foundation 42/14 Moo 2, Thepkrasattri Rd., T. Rasda, A.Muang, Phuket. – 2023. – 20 p.
18. Patel S. Exploring sociabilities of contemporary India: New perspectives. Orient Black Swan. – 2020. – 307 p.
19. Sedgwick M. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. – New York: Oxford University Press, 2004. – 370 p.
20. Southard D. Collaboration or Appropriation? Development Monks and State Localism in Northeast Thailand Asia Research Institute Working Paper Series. – 2016. – Vol. – 244. – P. 1–20.
21. Southard D. Rethinking localism in sustainable development practice: The case of development monks in northeast Thailand [Electronic resource] // *Rethink: Social Development for Sustainability in the ASEAN Community*. Khon Kaen University. – 2014. – P. 39–52. – URL: http://cscd.kku.ac.th/cscddoc/CSCD_2014_Eng.pdf (accessed: 21.01.2024).
22. Swearer D. Buddhist economics and Thailand's sufficiency economy // *The World Market and Interreligious Dialogue*. Eugene, Or: Cascade Books. – 2011. – P. 128–146.
23. Taylor J. Buddhist revitalization, modernization and social change in contemporary Thailand. – *Sojourn*, 1993. – 8(1). – P. 62–91.
24. Walker A. Royal Sufficiency and Elite Misrepresentation of Rural Livelihoods // *Saying the Unsayable. Monarchy and Democracy in Thailand*. – UK, NIAS Press. – 2010. – P. 241–266.

© Гилл Елена Владимировна (novsu.maximova@mail.ru), Крапчунов Даниил Евгеньевич (krapchunovd@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА В ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ

Ковалева Марина Валерьевна

к.ф.н., доцент, Курская академия государственной и
муниципальной службы
kmtv-46@eandex.ru

Орлова Елена Михайловна

к.ф.н., доцент, Курская академия государственной и
муниципальной службы
family.orlova@yandex.ru

REPRESENTATION OF THE CULTURE OF MARRIAGE AND RELATIONS IN THE POSTMODERN SOCIETY IN THE LIFE OF YOUNG PEOPLE

**M. Kovaleva
E. Orlova**

Summary: The key provisions and final conclusions of the article are based on the works of Western representatives of the functionalist approach, domestic representatives of the activity approach to culture and normative theory of culture. The specifics of the object, goals and objectives of the research required the synthesis of functionalist, activity, normative approaches to culture to reveal the content of the concept of culture of marriage and family relations. The work is based on philosophical reflection of the cultural phenomenon from the position of social relations, which made it possible to study the culture of marriage and family relations through its genesis, reproduction of social functions in modern society. The sociocultural approach, which contributes to the creation of a holistic picture of views on the family and family relations from the perspective of culture, society and the individual; structural-functional approach, which allows us to consider the culture of marriage and family relations as a system of interrelated and interdependent elements. The article analyses the state of its functional elements (beliefs, value orientations and practices) philosophically to understand the prospects for the development of the culture of marriage and family relations in the postmodern society.

Keywords: family, marriage, postmodern society, representation, inculturation, culture of marriage and family relations, sociocultural reproduction, matrimonial behavior.

Аннотация: В статье осуществлен философский анализ состояния функциональных элементов культуры брачно-семейных отношений в молодёжной среде, который необходим для понимания перспектив развития культуры брачно-семейных отношений в обществе постмодерна. Рассмотрение поведенческих паттернов молодёжи обнаружило, что в рамках культуры брачно-семейных отношений существует несогласованность между степенью научно-практического знания о семье и браке, социально-одобряемыми ценностями и нормами брачно-семейных отношений и их репрезентацией в убеждениях, ценностных ориентациях и паттернах поведения молодёжи.

Ключевые слова: репрезентация, инкультурация, культура брачно-семейных отношений, социокультурное воспроизводство, матримониальное поведение.

На сегодня крайне важным является исследование репрезентации брачно-семейных отношений, опосредованно отражающих убеждения, ценностные ориентиры и паттерны поведения молодёжи. При этом, как справедливо полагает М. Вартофский, репрезентация вовсе не стремится к адекватности и не «регрессирует» в направлении к «подлинному объекту», она, скорее, «регрессирует» от него к канонам и образцам, обладающим большой степенью конвенциональности, соответствующей эволюции различных форм деятельности, практики. Исходя из сказанного, репрезентация не может быть сведена к простому отображению оригинала [1. С. 231]. Убеждения, ценностные ориентации и паттерны поведения становятся образца-

ми «здорового смысла», поэтому влияют на восприятие окружающей среды.

На этом основании изучение особенностей убеждений, ценностных ориентаций и паттернов поведения молодёжи является основой анализа тенденций трансформации культуры брачно-семейных отношений общества постмодерна в целом. Важно иметь в виду, что убеждения, ценностные ориентации и паттерны поведения молодого поколения как самой динамичной части российского общества первыми подвергаются трансформациям, вызванными процессами модификации культуры в обществе постмодерна. И если культура брачно-семейных отношений в целом может казаться стабильной, то

её репрезентация в жизни молодёжи уже позволяет увидеть намечающиеся изменения.

Сущность молодёжи как субъекта культуры обусловлена как спецификой возраста, так и конкретно-историческим местом в структуре социокультурного воспроизводства. Фактически молодёжь оказывается воплощением времени, поэтому будущее общества постмодерна можно спрогнозировать, наблюдая то новое поколение, которое уже актуально существует в настоящем времени.

Современные авторы предлагают различные варианты определения понятия «молодёжь», мы будем исходить из понимания молодёжи как социально-демографической группы, выделяемой на основе совокупности возрастных характеристик и особенностей социального положения в системе социокультурного воспроизводства. Эта группа только проходит стадию социализации и инкультурации, но уже характеризуется собственными убеждениями, ценностными ориентациями и сложившимися паттернами поведения.

В этом случае обращение к формирующимся убеждениям, ценностным ориентациям и паттернам поведения молодёжи позволит выявить характерные для общества постмодерна тенденции в сфере семьи и брака, а также определить характер интеграции российского молодого поколения в процессы социокультурного воспроизводства. Выводы исследований последних десятилетий дают представление об основных тенденциях изменения функциональных компонентов культуры брачно-семейных отношений [2.Т.20.С.125-141]. Несомненным представляется и тот факт, что прогнозирование будущих социокультурных процессов невозможно без знания истинной картины убеждений, ценностных ориентации и паттернов поведения молодого поколения [3. С. 335].

Молодёжь проявляет активный интерес к мировоззренческим вопросам – таким, как смысл жизни, собственное предназначение, много времени уделяет учебе и работе. Однако в семейную жизнь большинство молодых людей «врывается» без особой подготовки, хотя семейная жизнь требует конкретных знаний, без которых построить и сберечь полноценную семью нельзя. Между тем, в молодёжной среде отношение к браку и семье стало несерьёзным. Вступая в брак, молодые люди мало задумываются о своей ответственности в момент принятия решения, их знания и представления о семейной жизни выглядят недостаточно чёткими и конкретными.

Готовность индивида к браку и жизни в семье выражается в активном постижении им значимости своих поступков для общества. При этом наряду с ростом интереса к другим людям у молодёжи начинает формироваться и развиваться самосознание как осознание и

оценка своих личностных качеств. У молодёжи есть актуализированное желание изучать своё «Я», понять, на что они способны. Формирование самосознания – один из важнейших моментов в развитии личности молодого человека, который накладывает отпечаток на его убеждения, а впоследствии и на матримониальное поведение и семейную жизнь, на формирование его отношения к супругу/супруге и детям.

Внимание настоящей немаловажной проблеме уделяется лишь в контексте профилактики нежелательной беременности, аборт, заболеваний, передающихся половым путём, а также планирования семьи в части заключения брака и рождения детей. Проводимые мероприятия по сексуальному просвещению имеют положительные результаты, тем не менее, их явно недостаточно для выработки знаний о семье и браке.

Необходимо обратить внимание на ещё один аспект изучаемой проблемы. Речь идёт о низкой среди молодого поколения правовой грамотности в сфере семьи и брака. Молодые люди практически не знают о своих правах и обязанностях по отношению друг к другу и детям, особенности составления и заключения брачного договора в современной российской ситуации, вопросы ювенального права [4. С. 35]. В обществе не выработаны меры по повышению правовой грамотности молодёжи в этой сфере. В то время как знание общих положений, принципов и норм семейного права является основой для приобретения молодыми людьми навыков анализировать конкретные жизненные ситуации, складывающиеся при разрешении семейных споров, а также грамотно и компетентно применять российское законодательство на практике.

Сегодня фиксируется довольно низкая инициативность и заинтересованность самой молодёжи в вопросах просвещения по семейным взаимоотношениям.

В России проблемы формирования семейных ценностей и ценностных ориентаций активно исследовались с 60-70-х годов прошлого века, что позволяет проследить динамику их изменений за период становления общества постмодерна [5. С. 14]. Начиная с этого времени, у молодёжи семья как общекультурная (терминальная) ценность в общей системе жизненных ценностей находится в первой тройке наравне со здоровьем и друзьями.

Например, по итогам репрезентативного социологического исследования среди молодых петербуржцев в возрасте от 18 до 30 лет структура ценностных ориентаций (в условиях выбора не более трёх основных ценностей) и в 2002, и 2006 году представляла собой следующую иерархию: 1) семья, 2) друзья, 3) здоровье [6. С. 37-43]. Далее по рангу расположились: интересная работа, деньги и справедливость. В целом, первые пять

ценностей молодёжи совпадают с данными исследований, полученными в этот период в других регионах страны, хотя и порядок ранжирования отличается — 1) здоровье; 2) семья, дети; 3) деньги, материальные блага, «свое дело»/бизнес; 4) личная безопасность, 5) общение с друзьями [7. С.26-36]. Отметим, что исследования более позднего периода также показывают, что семья сохраняет терминальную ценность для большинства молодёжи [8. С. 105]. Следовательно, можно констатировать, что эпоха постмодерна не изменила привлекательность семьи в качестве терминальной ценности для молодёжи.

Тем не менее, как справедливо замечает Т.К. Ростовская, для молодёжных представлений о возможностях достижения успеха в жизни свойственно то, что первые места занимают инструментальные ценности (ценностные ориентации), затрагивающие карьеру и профессиональный успех [9. С.46-53].

Рассмотрим основные ценностные ориентации молодёжи, сформировавшиеся под влиянием культуры общества модерна в области супружества, родительства и родства.

В сфере супружества ключевую роль играют ориентация молодёжи на семью, признание ценности брака и супружеских отношений. Сегодня активное приобщение молодёжи к либеральной системе ценностей общества постмодерна определяет то, что молодые люди не планируют сразу вступать в брак. Они выступают за свободные отношения между полами, то есть, что неофициальная форма для близких личных отношений является на данном этапе их жизненного пути наиболее приемлемой. Тем самым можно констатировать, что в матримониальные отношения проникли ценности потребления, гедонизма, сексуальности, не ограниченной моралью, и свободы индивидуальности [10. С.56].

Несмотря на то что, наиболее предпочитаемой моделью взаимоотношений между супругами признается модель «мужчина – добытчик, женщина – домохозяйка», в молодёжной среде сильны тенденции к равноправию супружеских отношений.

В основном от репродуктивных ориентаций представителей молодёжной когорты зависит демографическое будущее страны. Сегодня желаемым количеством детей для половины молодых людей является двое детей, только треть опрошенных высказывает желание иметь троих детей [11. С.106-112]. Некоторые исследователи констатируют, что для выросшей в условиях либеральных ценностей молодёжи характерны низкие репродуктивные ориентации в рамках желаемой модели семьи: в планах, как правило, не более двух детей [12. С. 46-53].

Для нынешней молодёжи свойственна допустимость

добровольной бездетности (чайлд-фри). Бездетный образ жизни как выбор человека уже мало кого может шокировать. В традиционном обществе, и даже в обществе модерна сознательная бездетность заведомо вызывала общественное осуждение. А в современном обществе, в силу произошедшей трансформации ценности детей, это явление стало социально допустимым. Сегодня только чуть более четверти россиян признают, что не одобряют позицию людей, которые в принципе не хотят иметь детей, в то время как большая часть относится к таким людям, как минимум, без порицания и считает, что установка на сознательную бездетность заслуживает хотя бы понимания.

В области родства заметно то, что большинство современных семей нуклеарны. Это сопровождается ослаблением межпоколенных связей, преемственности поколений. Для многих семей свойственно тяготение к обособлению от родственников. Враждебность в отношении всего того, что лежит за пределами своей семьи, сбережение личных ресурсов лишь для своей семьи, равнодушие и индифферентность к судьбам других, «монетизация» семейных и межпоколенных взаимоотношений делают семью более уязвимой и актуализируют проблему как отчуждения семьи от родственников, так и личности от семьи. Следствием сложившейся ситуации выступает одиночество (в особенности в пожилом возрасте).

Для полноты описания репрезентации культуры брачно-семейных отношений общества постмодерна в жизни молодёжи проанализируем изменения их практик (паттернов поведения) в сфере брачно-семейных отношений.

Матримониальное поведение как «система действий и отношений, опосредующих вступление в брак или отказ от него, сохранение брака или его расторжение» [13. С. 46-53]. Матримониальное поведение характеризуется особенностями брачного знакомства, брачного отбора, вероятностью регистрации брака и его распада, уровнем удовлетворённости браком. Областью поиска супруга, как среди мужчин, так и женщин, выступает ближайшее окружение, с которым молодые люди контактируют ежедневно. Это коллеги по работе, учебная группа или компания друзей, в некоторых случаях – это места проведения досуга (клубы, кафе или спортивные залы) [14. С. 13-16].

В обществе постмодерна наблюдается либерализация добрачных сексуальных отношений. С точки зрения И.С. Кона, сексуальное поведение россиян на сегодняшний день значительно варьируется в зависимости от возраста.

Происходящие трансформации паттернов матримониального поведения можно определить не только

по поступкам молодых людей до вступления в брак, но и по матримониальному поведению супругов в рамках узаконенных отношений, их стремлению к сохранению или отказу от сохранения брака. Т.К. Ростовская фиксирует в этой части матримониального поведения изменения социальных норм, выражающиеся в более терпимом взгляде на развод [15. С.46]. А неуверенность в долгосрочности брака, допустимость развода на любой стадии жизни семьи ведёт к отказу рожать детей, в особенности если один ребёнок в семье уже есть. В итоге наблюдается откладывание рождения на более поздние возрасты [16. С. 46-53].

Самым распространённым паттерном матримониального поведения у молодёжи остаётся модель доминирования (традиционная), однако постепенно происходит её трансформация в сторону либерального паттерна (равных прав). Промискуитетный (гедонистический) паттерн в молодёжной среде встречается редко. Как выяснилось в ходе исследования С.А. Ильиных, существенным условием «хорошей» семьи выступает уважение личности будущих супруга или супруги, признание важными их духовных качеств, единство интересов и совместность времяпрепровождения [17. Т. 1. С. 221-232].

Таким образом, анализ репрезентации культуры брачно-семейных отношений общества постмодерна в жизни молодёжи позволяет заключить следующее.

Во-первых, в современных условиях – в условиях общества постмодерна – проблемы формирования культуры брачно-семейных отношений молодёжи приобретают большое общественное значение. Поскольку сегодняшняя молодёжь – это завтрашние активные участники брачного рынка, семейные люди, то изучение особенностей убеждений, ценностных ориентаций и паттернов поведения молодёжи является основой анализа тенденций трансформации культуры брачно-семейных отношений общества постмодерна.

Во-вторых, при рассмотрении результатов многочисленных исследований наше внимание было сосре-

доточено на философском осмыслении исследуемой проблемы, что позволило акцентировать внимание на специфике убеждений, ценностных ориентаций и практиках в такой социальной группе как молодёжь. При этом анализ представлений молодёжи о семье и браке позволяет утверждать, что убеждения молодёжи в сфере семьи и брака не базируются на знаниях, в основе которых лежат достижения в соответствующих областях знаний о семье и браке. Убеждения формируются ситуативно, что не придает уверенности взглядам молодёжи на то, какие формы семьи и брака и какие действия в данной сфере являются «социально одобряемыми». Анализ ценностей и ценностных ориентаций в молодёжном сообществе показывает, что немаловажное место среди ценностей являются: семья, здоровье, образование. Но в то же время ценностные ориентации российской молодёжи обуславливают мотивацию другой направленности – на самореализацию.

Выявленные тенденции позволяют сформулировать следующий обобщающий вывод:

1. в сфере супружества наблюдается устойчивая тенденция к индивидуализации и эгалитаризации брачно-семейных отношений; наблюдается высокий уровень конфликтности и разводимости; распространяются новые формы организации брачно-семейных отношений: сожительство, материнство вне брака; неполные (материнские) семьи;
2. в сфере родительства практически сошли на нет семейные практики многодетности, превалируют одноплодность и увеличивается осознанная бездетность, отмечаются затруднения при воспитании, следствием чего становится распространение в молодёжной среде установок на асоциальное поведение в сфере семьи и брака;
3. в сфере родства сохраняется нуклеаризация семьи, отмечается ослабление родственных связей, преемственности поколений. Перечисленные тенденции указывают на появление в социуме постмодерна новых моделей семьи, которые демонстрируют попытку приспособиться к его условиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: «Прогресс», 1988. 508 с.
2. Вишневский Ю.Р., Ячменева М.В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 125-141.
3. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: «Прогресс», 1988. 508 с.
4. Богачева И.В. Правовая грамотность как успешное развитие семьи: методическое пособие с дополнениями по материалам программы поддержки СО НКО. М.: ООО РИА «ВивидАрт», 2012. 56 с.
5. Антонов А.И. Изучение репродуктивных установок как одна из важнейших задач социально-психологического исследования семьи // Динамика изменения положения женщины и семья: Сборник. Вып. 1. М.: [Б.и.], 1972. С. 14.
6. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социсс. 2007. № 4. С. 37-43.
7. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социсс. 2006. № 6. С. 26-36.

8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодёжи к семье в изменяющейся социальной реальности // Семья в современном обществе. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 4. № 1 / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской – М.: Изд-во «Экон-информ», 2018. С. 105.
9. Ростовская Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46-53.
10. Пельменева С.П., Романова Н.П. Матримониальное поведение молодежи: монография. Чита: РИК ЧитГУ, 2011. С. 56.
11. Миронова Ю.Г. Особенности матримониального поведения современной молодежи // Дискуссия. 2016. № 4 (67). С. 106-112.
12. Ростовская Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46-53.
13. Ростовская Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46-53.
14. Миронова Ю.Г. Матримониальные отношения в молодой семье: гендерный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 8. С. 13-16.
15. Ростовская Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46.
16. Ростовская Т.К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46-53.
17. Ильиных С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 221-232.

© Ковалева Марина Валерьевна (kmv-46@eandex.ru), Орлова Елена Михайловна (family.orlova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕИ В.С. СОЛОВЬЕВА В ОСМЫСЛЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

V.S. SOLOVYOV'S IDEAS FOR UNDERSTANDING THE CULTURAL POLICY OF RUSSIA: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

**О. Пономаренко
S. An**

Summary: The article examines the main ideas of V.S. Solovyov on the essence and content of cultural policy processes that influence the socio-cultural reality, as well as their interpretation in the context of current problems of culture and society. Cultural policy is considered as one of the ways to preserve and develop national heritage, form identity and ensure access to cultural values. The appeal to V.S. Solovyov's philosophical system contributes to understanding the role of national identity and spiritual unity in shaping cultural policy.

Keywords: cultural policy, V.S. Solovyov, philosophy, patriotism, values.

Пономаренко Ольга Павловна

*К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет
o.ponomarenko2018@mail.ru*

Ан Светлана Андреевна

*Д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет
sveta.an.2021@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются основные идеи В.С. Соловьева на сущность и содержание процессов культурной политики, которые оказывают влияние на социокультурную реальность, а также их интерпретация в контексте актуальных проблем культуры и общества. Культурная политика рассматривается как один из способов сохранения и развития национального наследия, формирования идентичности и обеспечения доступа к культурным ценностям. Обращение к философской системе В.С. Соловьева способствует пониманию роли национального самосознания и духовного единства в формировании культурной политики.

Ключевые слова: культурная политика, В.С. Соловьев, философия, патриотизм, ценности.

За последние десятилетия принят ряд документов, отражающих значимость роли культурной политики в обществе. Официально провозглашалось, что государство определяет культуру как уровень «национальных приоритетов» и осознает её значительный вклад в улучшение качества жизни и согласованности общественных взаимоотношений, что выступает гарантом динамичного «социально-экономического развития», залогом обеспечения ценности «единого культурного пространства» и «территориальной целостности России» [12]. В данном контексте культурная политика выступает одним из основных направлений государственной политики, определяющих цели, задачи и приоритеты в области культуры. Она направлена на сохранение и развитие культурного наследия, на формирование культурной идентичности, обеспечение доступа к культурным ценностям, на создание условий для творческой самореализации граждан.

В начале статьи мы проанализируем различные подходы к пониманию культурной политики, а затем обратимся к мыслям известного русского философа XX века В.С. Соловьева в связи с рассматриваемой проблемой. Мы также предлагаем перспективы развития системы образования соотнести с разработкой национальных стратегий в культурной политике государства и гражданского общества современной России [1,7].

Культурная политика – термин, который употре-

бляется в работах по культурологии и политологии. Он обозначает ситуацию, при которой в современном обществе культурная политика закладывает фундамент любой политики государства и направлена на воспроизводство ценностей, норм, образа жизни [14]. Ф.И. Белозор рассматривает культурную политику как исторически конкретный набор государственных регуляторов собственно в сфере культуры, искусства, образования, фондов наследия; как взаимодействие соответствующих институциональных структур; предусматривает определенные законодательные и финансовые меры (регулирование посредством налоговых льгот, инвестиций в сферу культуры) и др. Культурная политика определяется как государственная деятельность в сфере культуры, координирование культурных процессов через грамотно построенную налоговую систему [3, с. 17], с этих позиций отличие культурной политики от других сфер контроля со стороны государства выражается через особенность применения инструментов организации и применения инновационных технологий. Однако отметим, что в данном определении культурной политики раскрывается, прежде всего, инструментальный (технологический) характер.

По мнению В.С. Жидкова, культурная политика – это общность идеологических воззрений и действие конкретных мер, реализуемых через образование, общественные, информационные, просветительские, популярные, научные, религиозные, творческие, из-

дательские, коммуникационные, социально-организованные институты по разносторонней и углубленной социализации и инкультурации людей» [4, с. 43]. При определении культурной политики А.Я. Флиер разделяет функции государства и общества. Он отмечает, что культурная политика – это вектор политики государства, скоординированный с разработкой плана, проекта, с последующей реализацией и выступающий гарантом культурной жизни государства и общества» [13, с. 215]. Культурная политика представляется как один из способов сохранения и развития культурного наследия, формирования культурной идентичности и обеспечения доступа к культурным ценностям. Авторы, обращающие внимание на понятие «культура», отмечают в определении «культурной политики» ценностную и семантическую направленность системы. Таким образом, мы определяем культурную политику как координирующую подсистему культурной системы, обеспечивающую развитие, установление, образование и организацию социокультурного пространства, реализующую организационно-управленческие функции, наделяющую ценностным, сущностным концептом социальную жизнь.

При исследовании современных проблем культурной политики рассмотрим идеи В.С. Соловьева. Считаем, что обращение к философским идеям выдающегося русского философа позволяет более глубоко осознать перспективы развития современной культурной политики в России.

Понимание культуры и политики в трудах В.С. Соловьева излагается целостно, при этом подчеркивается взаимосвязь между этими системами. Он в своей работе «Философские начала цельного знания» выделял три общие начала всякого развития. Во-первых, это исходное положение, от которого происходит зарождение, во-вторых, цель и, в-третьих – переходное состояние, которое дает возможность перехода от начального состояния к последнему и объединяет их в одно. Философ определяет цель развития, где процесс развития находится в назначении или изолировании, разъединении форм и элементов организма по причине их органического синтеза.

Русский мыслитель считал, что человек ограничивается не только материальным существованием, которое определяется экономикой, но и правом, политикой, главное для цельного человека – стремление к абсолютному бытию целостного и вечного в человеке, к духовно-нравственному совершенству. В обществе: наличие материального благополучия, получаемое трудом; экономические и формальные блага, доставляемые деятельностью политической, которые являются только средствами к его развитию в интеллектуальной и духовной сферах.

В своей работе В.С. Соловьев различал три ведущие формы общественного союза, возникающие из субстанциональной воли человека или из его устремления к всеобщему благу. Он выстраивал иерархию в виде ступеней, первую из которых отдавал экономике, так как она создает материальную базу. На вторую ступень поставил общество политическое и отвел ему место формальное. Третья ступень представлена обществом духа, и оно всецело и абсолютно. Поэтому первая ступень является внешней основой общественной жизни, вторая ступень – средство для достижения цели, которой отведена третья ступень [9, с. 148]. Значимость материального, экономического труда гарантирует быт человека, при этом он должен понимать, считал В.С. Соловьев, что результат этой деятельности не самое главное для его первостепенной воли. Взаимоотношения людей, складывающиеся на основе материального благополучия и формирующие экономическое общество, не представляют собой нравственной сущности. И только поднявшись на третью ступень и став духовным, общество способно оправдать отношения, направленные на создание материально благополучного общества, которое будет основано на справедливых нравственных законах, установленных государством.

По мнению В.С. Соловьева, в общественной сфере только государство базируется на формальном, отвлеченном, так сказать, на первостепенном принципе – на принципе права или закона. Иные две области он рассматривает в качестве «церкви» и экономического общества, которые отображают другие интересы, церковь – «интересы сердца», экономическое же общество – «sit venia verbo» – «интересы брюха» [9, с. 149].

Русский мыслитель выделял сферу чувств как основную сферу человеческого бытия. Предмет сферы чувств он рассматривал не с субъективной стороны, выявляющей личные качества, а подразумевал общее выражение, которое выступает источником творчества. Творчество материальное, которому идея красоты служит лишь украшением при утилитарных целях, В.С. Соловьев называл техническим искусством, высшим представителем которого является зодчество [9]. Здесь производительность творческого чувства направляется человеком непосредственно на низшую внешнюю природу, а существенную важность здесь имеет материал. Такое же творчество, в котором, напротив, определяющее значение имеет эстетическая форма – форма красоты, выражающаяся в чисто идеальных образах, называется изящным искусством.

Изящные искусства, по мнению В.С. Соловьева, можно разделить на четыре формы: скульптура, живопись, музыка и поэзия. Скульптура является самым материальным искусством, так как оно более всего сопоставимо с техническим искусством – зодчеством – совершенной

формой последнего; живопись более идеальна благодаря отсутствию вещественного подражания. Этот вид искусства связан с передачей зрительных образов посредством нанесения красок на плоскую поверхность. Наиболее высоким духовным характером обладает музыка, отражающая в себе действительность и выражающаяся в движении и жизни вещества – в звуке; поэзия выражается с помощью особой организации речи, построенной в определенном ритме, и отличается от других видов искусства тем, что проявляется только в духовном элементе слова.

К «творческому чувству» философ также относил вдохновение, которое испытывает человек, когда творит что-то новое и оригинальное. Это связано с различными видами искусства, указанными ранее. Создавая что-либо в состоянии вдохновения, художник опирается на личное восприятие мира, на свои чувства и эмоции в данный момент. Творчество, таким образом, предполагает восприятие высших духовных сил с помощью чувств. Это, по существу, культура чувств.

Слитность, необособленность сфер общечеловеческой жизни характеризует, по мнению В.С. Соловьева, древнейший период человеческой истории. Он отмечал, что изначально не существовало четкого различия между духовным, политическим и экономическим обществом. Семья и род, как первые формы экономического союза, представлены первым государством и первой церковью. Отмечая связь видов творчества как единства, В.С. Соловьев писал, что недопустимо обособлять «древнейшую поэзию от музыки», «древнейшую живопись от ваяния и даже зодчества, а в качестве примера он предлагал рассмотреть египетские памятники. Все виды творчества в разные эпохи подчинялись одной высшей цели, то есть были согласованы и даже слиты с мистикой. Единство церкви, государства и экономического общества философ представляет в форме теократии [9, с.152].

В целом мы можем отметить, что в учении В.С. Соловьева культурная политика выражена как целостность сложной системы духовной, политической и экономической сфер жизни общества. Разделяя точку зрения В.С. Соловьева о значимости духовно-нравственного совершенствования человека в обществе, раскроем также формы и способы, регулирующие социокультурные процессы.

Следуя воззрениям великого философа, мы рассматриваем культуру как сферу, наполняющую смысловым и ценностным содержанием социальную жизнь. Культура в своем развитии качественно изменяет всю социальную структуру, координирует взаимоотношения в обществе.

Следует учитывать, что современное общество очень

усложнилось и в нем существуют отдельные социокультурные среды, в которых действуют различные моральные нормы и культурные интересы. В соответствии с этим, по мнению Т.А. Семилет, не сформировалось «единого культурного пространства и общего идейного универсума» [8, с.91]. Культурная политика, по нашему мнению, должна быть ориентирована на формирование ценностей, образов и идей, которые содействуют полноценному созданию и существованию сложного и динамичного, но в то же время целостного общества.

Консолидирующим источником культурной индивидуальности являются идеалы, смыслы, ценности, ставшие конституирующим и вдохновляющим началом культуры. Ценности, идеалы, смыслы бытия, органически выросшие в определенной культуре и вплетенные в ее духовный строй, придают силу и жизненность конкретным направлениям, течениям в национально-культурной духовной жизни. Поэтому в России главной задачей общества является сохранение, возрождение и развитие системообразующих сил русской культуры

Следует заметить, что у отдельной культурной индивидуальности существуют свои самостоятельные, своеобразные способы, а также формы и во многом выстраиваемые модели социального устройства и общественных отношений. В статье «Три силы» В.С. Соловьев выделяет особые, контрастные черты коллективистской и индивидуалистической силы культуры. Первый тип силы, организующий человеческое общество, пытается подчинить его во всех сферах и на всех ступенях его жизнедеятельности единому верховному началу, в его исключительной цельности старается соединить и совместить все разнообразие частных форм, усмирять проявление самостоятельности лица, свободу человека. Один повелитель и мертвое число рабов – итог реализации этой силы [10, с. 248]. Одновременно с этим типом силы существует противоположный. Сила старается разрушить крепость «мертвого» единства, предоставить проявление частным формам деятельности свободу лицу и его инициативе; ее влияние сказывается на определенных элементах человечества и становится исходной позицией жизни, создавая ее исключительно для себя. В таком случае общее проявление сущности утрачивает смысл истинного существования бытия. Всеохватывающий эгоизм и анархия, раздробленность на отдельные единицы без теснейшей связи внутренней сущности – такова характеристика данного типа силы. Положительное единство этих двух сил представляется мыслителю в примирении и согласованности «высшего единого начала» со свободным разнообразием частных форм и элементов [10, с. 249].

Выражение этих крайностей позиций в философии Соловьева рассматривается как основание проявления личности на индивидуалистических или коллективист-

ских принципах. Осуществление принципа индивидуализма в культуре делает упор на развитие частного бизнеса и рыночно-конкурентной экономики, в политике выражается в либерально-демократической системе, которая устанавливает конфликтогенный тип межличностных взаимоотношений. Данный тип культуры выразился в западном мире.

Регулирование, координирование и управление в социокультурной системе зависят от многих факторов, один из которых – социокультурное пространство, формирующее особые человеческие типы и стили поведения, объединяющее населяющих его людей чувством «переживания пространства», которое приобретает особый духовный смысл. Основанием и фундаментом государственного устройства, по мнению В.В. Маркина, рассматривается патриотизм, который является условием успешной деятельности всех уровней и систем государственных институтов [5].

По мнению Т.А. Семилет, историческое сознание, устойчивость в культуре – это жизненная сила человека. Самостоятельно обнаружить весь аксиологический, этический, концептуальный комплекс мировоззрения в одиночестве человек не сможет. Он передает эти культурные ценности из комбинации «культурных продуктов», самостоятельно их осозная, постигая и приобретая [8, с. 92]. Согласимся также с взглядами П.Б. Струве в том, что нация – это единоклюбище, создаваемое, создаваемое и сохраняемое единение культуры, духовной сущ-

ности, оставленного прошлого, ценного в настоящем, и в нем создаваемого для будущего [11, с. 475].

Русский мыслитель подчеркивал, что утрата чувства любви и благоговения к Родине, охлаждения чувства патриотизма, пагубны для государства. П.И. Новгородцев по данной проблеме писал, что, если народ не возвеличивает свое государство, не доверяет ему, не любит, не ценит, такое государство действовать и функционировать не может [6, с. 362].

Определил В.С. Соловьев слово «патриотизм» как проявление любви ко всем народам, это чувство является одним из основных и естественных, обязательных по отношению к целому и при этом помогает преодолеть качество «народного эгоизма», выступая основой для уважительного отношения ко всем другим народам [9].

Таким образом, философское наследие В.С. Соловьева приобретает значительность для осмысления проблем современного общества и помогает наметить перспективы развития культурной политики в России. С точки зрения философской системы В.С. Соловьева культура является не только продуктом деятельности человека, но и ее целью. В.С. Соловьев определял культуру как процесс, в котором человек раскрывает сущность и открывает для себя мир, в котором ценности, идеалы, смыслы существования являются конституирующими началами всякой культурной индивидуальности, придающими силу и жизненность национальной культуре страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ан С.А. Философия образования в аспекте современных реформ // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – Вып. 4. г. Барнаул, 18-19 ноября 2022 г. / под науч. ред. В.А. Скопы. – Барнаул: АлтГПУ, 2022 – С. 4-6.
2. Белозор Ф.И. Управление сферой культуры региона в условиях общественной и государственной трансформации // Справочник руководителя учреждения культуры. М., 2002. № 2. – С. 8–14.
3. Диев В.С. Философия управления // Личность. Культура. Общество. – М., – Том VII. – Вып.1. – 2005. – С. 295–317.
4. Жидков В.С. Культурная политика России: теория и история. – М., 2001. – 592 с.
5. Маркин В.В. Патриотизм в современной России // Формирование традиций патриотизма: материалы научно-практической конференции. Барнаул, 17-18 апреля 2015. – С. 44-50.
6. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991. – 640 с.
7. Пономаренко О.П. Сравнительный анализ моделей культурной политики в сфере образования // Философия образования. – 2008. – № 3(24). – С. 201-206.
8. Семилет Т.А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры. – Барнаул, 2004. – 144 с.
9. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. – Т.2 – М., 1990. – 822 с.
10. Соловьев В.С. Три силы // Соч.: В 2-х т. – Т.1 – М., 1988. – 899 с.
11. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. – М. – 1998. – С.709–710.
12. Основы государственной культурной политики. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47325>.
13. Флиер А.Я. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. – М., 1994. № 5. – С.14–25.
14. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на Дону: Феникс, 1997. – 247 с.

© Пономаренко Ольга Павловна (o.ponomarenko2018@mail.ru), Ан Светлана Андреевна (sveta.an.2021@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

REFLECTION OF THE PROBLEM OF SUSTAINABILITY IN ANCIENT PHILOSOPHY

V. Tuzov
S. Kurtov

Summary: Logical analysis of the concept of sustainability is carried out. The specificity of understanding of sustainability in dialectics is reflected. The process of formation of ontological ideas about the sustainability of the Cosmos in the natural philosophy of ancient Greece is considered. The fundamental factors ensuring the social system sustainability and principles of building a sustainable state in the works of thinkers of the classical period of ancient philosophy are revealed.

Keywords: sustainability, ancient philosophy, Cosmos, polity, justice, social sustainability.

Тузов Виктор Васильевич

*Доктор философских наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»
tuzov_1950@mail.ru*

Куртов Сергей Юрьевич

*Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»
KurtovSY@yandex.ru*

Аннотация: Проведён логический анализ понятия устойчивости. Отражена специфика понимания устойчивости в диалектике. Рассмотрен процесс формирования онтологических представлений об устойчивости Космоса в натурфилософии Древней Греции. Выявлены основополагающие факторы обеспечения устойчивости социальной системы и принципы построения устойчивого государства в трудах мыслителей классического периода античной философии.

Ключевые слова: устойчивость, античная философия, Космос, государственное устройство, справедливость, социальная устойчивость.

Проблема устойчивости чего-либо в явном и неявном виде присутствует в жизни людей постоянно. Неудивительно, что и античные философы не обошли проблему устойчивости своим вниманием. У одних авторов эта проблема присутствует в снятом виде, другие прямо указывают на неё и пытаются описать факторы, влияющие на устойчивость. В настоящее время проблема устойчивости не менее актуальна, чем в прежние времена. Это связано, прежде всего, с развитием техники, устойчивостью которой к разного рода возмущениям, выводящим систему из первоначального состояния, и способность системы возвращаться в исходное положение имеют важнейшее значение как для теории, так и для практики. Но данная проблема является актуальной и для социальных процессов. Сильные социальные возмущения (бунты, восстания, революции, войны) также губительны для общества, как и критические возмущения для техники. По мере развития науки изменяется и понимание того, что называется устойчивостью. В технике господствует механистическое понимание устойчивости. Устойчивой называется система, способная возвращаться к исходному состоянию, после того как прекратится действие сил, которые вывели её из равновесия. В диалектике имеет место иное понимание устойчивости. Устойчивой является не та система,

которая пребывает в покое, а та, которая непрерывно изменяется, и где изменение и является основой устойчивости. Велосипедист сохраняет устойчивое движение не тогда, когда стоит, а когда движется. Сам покой, являющийся олицетворением устойчивости, возможен на основе внутреннего движения в объекте.

Устойчивость (sustainability) является неполным семантическим синонимом стабильности (stability). Коннотация понятия устойчивости раскрывается через понятия непрерывности, возобновляемости, самоподдержания, жизнестойкости, в то время как дефиниция стабильности отражает постоянство, неподвижность, равновесие, прочность, твердость.

Обозначив общее понимание устойчивости, рассмотрим, как формируется представление об устойчивости в античной философии.

По мере того, как мифологическое мировоззрение уступает место философскому подходу в исследовании устойчивости, древневосточные и античные мыслители задаются вопросами о причинах и направлении изменений в реальном мире вещей и наличии всеобщих неизменных оснований бытия, формируя представления

о категориях единства, причинности, закономерности, времени и развития. Проблема устойчивости в онтологии непосредственно связана с фундаментальной категорией бытия, которая выражает упорядоченное единство мира. Так, например, в религиозно-философской традиции буддизма бытие понимается как постоянный поток становления и вечная изменчивость. Буддизм утверждает невозможность существования неизменных устойчивых субстанций. В отличие от других индийских религий, признающих временность телесной оболочки и вечность души (Атмана), человек с позиции буддизма абсолютно изменчив и не обладает никакой устойчивой самостью [1, С. 35, 107]. В связи с этим неустойчивость бытия и человека в буддизме ставит проблему подлинности всего сущего [2, С. 25]. В индийской философии развивается концепция единства Атмана и Брахмана, на основе которой возникает идея абсолютного времени. Время противоречиво выступает в качестве устойчивой неизменной субстанции и субстрата изменчивости и конечности феноменального мира [2, С. 450].

Философские размышления об устойчивом порядке мироустройства берут свое начало в сюжетах древних космогоний, сопряженных с представлениями о Хаосе и Космосе.

В поэме «Теогония» Хаос трактовался Гесиодом как первоначальное, лишенное формы, неструктурированное, бесконечное состояние бытия, которое образует пространство для зарождения созидательных сил – Геи и Эроса, заключающих в себе потенциал становления дифференцированного и структурированного Космоса [3, С. 31].

Творческий хаос господствовал над космической гармонией в космогонии мыслителей милетской школы. Хаос в античной философии приобретает статус фундаментального принципа становления: он всё развертывает и одновременно всё поглощает [2, С. 645]. Из беспредельной стихии хаоса спонтанно рождается устойчивый миропорядок – определённый Космос, имеющий совершенную целостную сферическую структуру.

Античная философия, положившая начало западной философской традиции, привнесла рациональное миропонимание в натурфилософию древних космогоний. Бесконечный Хаос не может быть выражен количественной мерой и потому непостижим, а рождение космического порядка путем создания границ в беспредельном Хаосе делает мир предметом разумного познания.

Анаксимандр обозначил беспредельное и неисчерпаемое творческое первоначало понятием «апейрон». Разнообразные вещи рождаются из первоначала путем установления пределов и существуют в определенных границах с сохранением своих сущностных свойств.

При нарушении границ между вещами возникает борьба противоположностей, в результате которой апейрон поглощает свои порождения, и вещи возвращаются к начальному состоянию. Устойчивость мироздания по Анаксимандру соответствует идеальному состоянию равновесия и гармонии, которого невозможно достичь за ограниченный период времени [4, С.162.]. Диоген Лазертский пишет: «[Анаксимандр говорит, что] части изменяются, целое же неизменно.» [5, С. 271]. Симплиций отмечает: «[Анаксимандр говорит, что] из беспредельной природы рождаются все небеса и все миры в них. И эти миры... то разрушаются, то снова рождаются, причем каждый [из них] существует в течение возможного для него времени.» [5, С.271].

Представление о том, что изменчивость является основой устойчивости нашло отражение во взглядах Гераклита из Эфеса. Центральная идея учения Гераклита заключается в универсальной подвижности и изменчивости мира вещей, пребывающего в вечном становлении. Текучесть явного мира обусловлена цикличностью внутренних процессов мерного возгорания и угасания вечно живого огня, из которого возникают, и которым уничтожаются все вещи [7, С. 217-218]. «Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим» [5, С.275].

Гераклита принято считать создателем исторически первой формы диалектики. Вечная смена качественных состояний универсума по Гераклиту обусловлена необходимым чередованием противоположных тенденций возникновения (войны и распри) и сгорания (согласия и мира) [7, С. 201-202]. Избыток огня на стадии возгорания (экипроза) соответствует нарастанию Хаоса и доминированию огня над остальными элементами, в то время как недостаток огня (диакосмеза) на стадии остывания соответствует равноправию элементов и упорядочению Космоса [7, С. 218, 223]. Размышления Гераклита о феноменах постоянства и изменчивости мироздания обретают новые интерпретации с развитием современных направлений изучения неравновесных нелинейных систем.

Общее представление об устойчивости дополняется идеями об устойчивости социальной системы. Центральным понятием, с которым Гераклит связывает устойчивость социума является Логос, или «божественный закон». «Этот правящий миром закон есть, по Гераклиту, «Слово», или «Логос», и люди постоянно общаются с ним. Однако, несмотря на это постоянное общение, большинство людей расходятся с «законом» или «разумом» («Логосом»)» [8, С.189]. «"Все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет и все превосходит" (Столбей, III, 1, 179). Таким образом, бытие для Эфесца предстает в виде системы общих и частных зако-

нов. Нарушение этой системы есть безумие». [8, С. 193].

П.Л. Карабущенко отмечает: «Гераклит рассматривает Логос как юридическую норму, регулирующую общественные и политические отношения. При этом произвол является главной угрозой общественного порядка ("Своеволие надо гасить пуще пожара"; Диоген Лаэртий, IX, 2). Его идеал – господство закона: за закон народ должен биться, как за городскую стену (Диоген Лаэртий, IX, 2)» [8, С.193-194].

«Все беды Эфеса Гераклит связывал с тем, что большинство его граждан пренебрегло принципом "правления лучшего меньшинства" (т. е. аристократии) и чрезмерно увлеклось "игрой в демократию". По его мнению, демократия вне правового поля – чудовище. Только правильный закон может обуздать эту стихию масс, придав ей вид самодостаточной системы. Незрелая демократия постоянно нарушает принципы Логоса (разумного управления)» [8, С.194].

Чрезмерное богатство также является угрозой стабильности общества. «Для государства важно, чтобы его граждане жили в достатке. Но богатство (излишество в достатке) уже является серьезной ношей для социальной системы. Именно богатство, по мысли Гераклита, является одним из критериев порочности политической системы: «Да не иссякнет у вас богатство, эфесцы, чтобы вы изобличились в своей порочности» (Иоанн Цец. Комм. К «Плутосу» Аристофана, 91а) [8, С.195].

Альтернативная линия философских размышлений о соотношении категорий постоянства и изменчивости берет своё начало от главного представителя Элейской школы – Парменида. Парменид исходит из тезиса «Бытие есть, небытия – нет» и отождествляет бытие и мышление [3, С. 179]. В онтологическом учении Парменида устойчивость истинного бытия состоит в сохранении его существенных характеристик: нерождённости и бессмертности, цельного единства и неподвижности [3, С. 180]. Бытие согласно Пармениду не изменяется, иначе пришлось бы признать существование небытия, как результат его изменения. Таким образом, единство мира обеспечивается его устойчивостью как неизменностью.

Секст Эмпирик замечает, что источником истинного знания у Парменида выступает научный разум, в то время как чувственные восприятия лишены истины, так как находятся в области неустойчивого мнения [9, С. 83]. Секст Эмпирик в сочинении «Против учёных» утверждает, что выводные рассуждения устойчивее явлений, поскольку они подтверждают и сами себя, и явления, но правильные умозаключения нуждаются также в устойчивом критерии истинности вывода [9, С. 222, 233].

Зенон Элейский, ученик Парменида, доказывает

единство, неделимость и неподвижность бытия путем доведения до абсурда противоположных предположений о множественности, делимости и движении всего сущего [10, С. 162, 180]. Смысл апорий Зенона заключается в стремлении доказать, что чувственный мир становления не обладает подлинным самождественным бытием.

Анаксагор, рассуждая об устройстве мира предположил, что в его основе лежат два начала: гомеомерии как материальное начало и ум как действующая причина, создающая порядок. Первое устойчивое состояние мира выражается следующими словами: «Анаксагор... говорит, что когда-то «все вещи и были вместе» [5, С.311]. «Начинается же [его сочинение] следующим образом: «Вместе все вещи были, ум же их отделил и привел в порядок» [5, С. 311]. Эти слова означают первоначальное состояние мира из мельчайших частиц – гомеомерий, которые были неподвижны. Второе устойчивое состояние мир приобрел благодаря божественному уму. «Анаксагор же говорит, что в начале тела стояли [неподвижно], божественный же ум привел их в порядок и произвел возникновение Вселенной» [5, С. 311]. По мнению Анаксагора, мир первоначально был един, и всё будущее многообразие вещей пребывало как возможность в гомеомериях. Эта возможность реализовалась в результате действия божественного ума. Соглашаясь с Анаксагором, Аэций пишет, что «Действительно, мы принимаем пищу простую и однородную – хлеб и воду, и ею питаются волос, жила, артерии, мясо, мускулы, кости и остальные части [тела]... Должно согласиться с тем, что в принимаемой [нами] пище находится все существующее и что увеличение всего происходит на счет [уже] сущего» [5, С. 310].

Античный атомизм Левкиппа и Демокрита предполагает устойчивость атомов как вечных и неизменных, что совпадает со свойствами бытия в учении элеатов [10, С. 652]. Атомы суть неизменные, неделимые, вечные и самождественные, и потому устойчивость атомов подобна устойчивости бытия Парменида. Идея Демокрита о множественности развивающихся миров также согласуется с идеей устойчивости бытия. Миры образуются из неизменных и вечных атомов, но, изменяясь, переживают стадии возникновения, расцвета и разрушения. На протяжении всего существования миров атомы сохраняют устойчивую неизменность своих характеристик [11, С.195]. Таким образом, постоянство атомов составляет сущность изменчивого мира непостоянных вещей.

Эпикур, развивая учение Демокрита, пишет в письме к Геродоту, что «...Вселенная всегда была такой, какова она теперь, и всегда будет такой, потому что нет ничего, во что она изменяется: ведь помимо Вселенной нет ничего, что могло бы войти в нее и произвести изменение» [5, С. 348]. «Что касается формы, цвета, величины, тяжести и всего прочего, что говорится как о постоянных

свойствах тела... надо думать, что все тело хотя в целом обязано своим постоянным существованием всем этим свойствам, однако не в том смысле, что оно сложилось из этих свойств, снесенных вместе... но только, как я говорю, всем этим свойствам тело обязано своим постоянным существованием. Все эти свойства имеют свои специальные возможности быть познаваемыми и различаемыми, если только целое сопутствует им и никогда от них не отделяется...» [5, С. 352].

Натурфилософские идеи античности послужили основой для возникновения в философском дискурсе категорий постоянства и изменчивости, ставшего и становления, которые сформировали рациональный характер миропонимания и ориентации человека в объективной реальности. Категория изменчивости предполагает диалектическое единство устойчивого, инвариантного и вариативного, изменчивого. Рационализм античных мыслителей направлен на достижение истинного знания устойчивого, вечного, самоотждественного, ставшего бытия, в то время как становление является предметом изменчивого и непостоянного мнения [12, С. 22-23].

Критическое переосмысление апорий Зенона нашло отражение в диалогах Платона. В диалоге «Парменид» Платон отрицает автономное единство бытия, указывая на его причастность к миру множества вещей, пребывающих в становлении. Противопоставление инвариантного и изменчивого мира у Платона приобрело форму противопоставления мира неизменных эйдосов (идей) и изменчивого мира чувственных вещей. В объективном идеализме Платона подлинный мир вечных идей является устойчивым, но скрытым за миром необходимо изменчивых чувственных вещей [13, С. 39-40]. Идеи существуют как сущности множества конкретных вещей, которые обнаруживаются с помощью разума [14, С.101].

В представлении Платона идеи постоянно тождественны сами себе, что обеспечивает саму возможность рассуждения и указывает направление мышления [15, С. 278]. Разумно устроенный Космос сотворен по образцу вечного Единого как определённая устойчивая структура закрытой системы, защищённая от деструктивного внешнего воздействия Хаоса [2, С. 39].

В диалоге «Филеб, или О наслаждении» Платон подчеркивает изменчивость бытия в становлении, которое не содержит в себе никакой устойчивости, и не может быть источником устойчивого теоретического знания [15, С. 355]. Устойчивость подлинного бытия идей по Платону заключается в его инвариантности, вечной тождественности самому себе. «При переходе же в другое состояние оно [бытие] полностью погибает» [15, С.1208]. В диалоге «Законы, или О законодательстве» в устойчивом состоянии подлинного бытия происходит возникновение вещей, доступных чувственному восприятию, путём

многоступенчатого объединения малых предметов, не доступных нашим ощущениям, пребывающих в движении. В основе становления, согласно Платону, лежит неоднородность материи и её способность к самодвижению, которое является первичным видом движения [15, С.1209]. Устойчивое бытие идей вечно, а время есть сотворенный движущийся образ вечности в чувственном мире становления [15, С. 982].

Сообразно устройству Космоса, должно быть устроено и Бытие человека и общества, космологические принципы целостности и гармонии мироздания определяют неизменный правовой порядок и государственный строй идеального государства Платона [2, С.181].

Государство обладает устойчивостью в том случае, если оно устроено соответствующим образом. Главной чертой устойчивого государственного образования является справедливость. Справедливость это и хорошее, и прекрасное, т.е. гармоничное. «Хорошее, прекрасное, справедливое – всё это одно и то же» [16, С.103].

По мнению Платона, справедливость является тем главным, что объединяет людей. Благодаря справедливости люди живут совместно, помогают друг другу, и получают возможность счастливой жизни. Отсутствие справедливости приводит к взаимной борьбе, ненависти, делает совместную жизнь невозможной. Платон отмечает: «Ведь несправедливость вызывает раздоры, ненависть, междоусобицы, а справедливость – единодушные и дружбу» [17, С. 125].

Сократ говорит: «Мы еще вначале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость...». «Справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое» [17, С. 433, 434].

Приход к власти философов обеспечит торжество справедливости. «Философы, будет ли их несколько или хотя бы один, нынешними почестями они пренебрегут, считая их низменными и ничего не стоящими, и будут высоко ценить порядочность и ту честь, что с нею связана, но самым великим и необходимым будут считать справедливость; служа ей и умножая ее, устроят они свое государство» [17, С. 543].

В соответствии с таким пониманием справедливости важнейшей задачей государства, функцией государственной власти становится поддержание и укрепление единства, целостности общества. «Может ли быть, по нашему, большее зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распаденю на множество частей? и может ли быть большее благо, чем то, что связует государство и способствует его единству?.. По-нашему, не может быть» [17, С. 260].

Платон считал, что основными причинами, нарушающими единство государства, являются желание обладать чрезмерным количеством материальных благ, вызываемое наличием частной собственности, и неправильное воспитание. Современное Платону общество не обладает основаниями для устойчивости. Ни формы власти, ни наличие богатства и бедности не способствуют этому.

С.В. Голубев, анализируя критику Платоном различных форм власти, приходит к следующим выводам. Он пишет, что платоновская классификация неправильных государственных устройств отражает степень выполнения государством его важнейшей функции – поддержания целостности и единства общества. И с этой точки зрения тимократия оказывается наилучшим из существующих неидеальных типов государства. Там «почитают правителей», устраивают совместные трапезы, там высшие сословия не затронуты духом наживы, во многом сохраняется традиционное воспитание. Олигархия также оказывается вторым среди неправильных государственных устройств. В ней уже в полной мере проявляется важнейший обусловленный введением имущественного ценза порок – разделение и противоборство между богатыми и бедными: «подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно государство бедняков, другое – богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга» [17, С. 365]. Следующая ступень распада – демократия. При характерном для этого строя параличе государства каждый сам себе хозяин, и никто не заботится об интересах целого. Наихудший вид государственного устройства – тирания. Здесь государство превращается в свою противоположность, здесь попирается мораль, культивируются продажность и подозрительность, война всех против всех [18, С.163].

Аристотель в сочинении «Физика» вслед за Платоном детально разрабатывает проблему времени, через призму которой целесообразно рассмотреть его представления об устойчивости. В трактате «О небе» Аристотель отмечает, что существует божественная субстанция, первичное тело совершенной природы, которое не подвержено изменению и уничтожению [19, С. 268-271]. Вечные существа не движутся и не покоятся, а потому находятся вне времени и не подвержены воздействию времени, поэтому Аристотель отрицает тезис Платона о том, что время соотносится с вечностью как его образ. Время есть непрерывная количественная мера движения, которое приводит к возникновению вещей, изменению их сущности и уничтожению [19, С.152-153].

В трактате «О возникновении и уничтожении» Аристотель устанавливает связь между движением небесных сфер и необходимой цикличностью процессов непрерывного возникновения и уничтожения, которые

не всегда повторяются тождественным образом [19, С. 48-49]. Попеременное доминирование тенденций возникновения и уничтожения объясняется неравномерностью круговых движений небесных сфер.

В сочинении «Категории» Аристотель определяет сущность как качество, которое не допускает большей и меньшей степени, но принимает противоположности и изменяется во времени [20, С. 59-62]. Под устойчивым свойством (*hexis*, «габитус») Аристотель понимает такое прочное качество, которое сохраняется продолжительное время и мало подвержено колебаниям и изменениям из-за незначительных воздействий [20, С.72]. Преходящие (неустойчивые) свойства, в отличие от устойчивых, легко поддаются быстрым изменениям и характеризуют легко прекращающиеся и быстро исчезающие явления, которые являются скорее не качествами, но состояниями [20, С.73-75]. Таким образом, сущность устойчиво сохраняется относительно динамичных, изменчивых явлений, но также сама изменяется с течением времени. Аристотель полагает, что предметом познания могут быть только субстанции, обладающие устойчивостью и, как следствие, самоидентичностью [20, С.73-75]. Поэтому условием логического постижения сущности является длительное сохранение качества объекта, при потере которого он перестает быть самим собой. К таким устойчивым понятиям Аристотель относит добродетель и социальную справедливость.

Аристотель – один из первых мыслителей, обратившихся к проблеме устойчивости социальной системы. Онтологические и гносеологические представления Аристотеля об устойчивости получили развитие в сочинении «Политика», посвященном управлению в социально-политических системах. Аристотель утверждает, что «человек по природе своей есть существо политическое», а государство есть завершённое состояние естественного развития человеческого общества [21, С. 382]. Сущность человека по Аристотелю заключается в том, что он есть существо разумное, общественно-политическое, деятельное и нравственное.

Стагирит рассматривает демографические и экологические факторы устойчивого развития «самодовлеющего» полиса, определяя оптимальную численность населения и величину территории для независимого самообеспечения ресурсами и продуктами. Но фундамент устойчивости государства по Аристотелю составляет уравновешенность социальной структуры.

Главной причиной неустойчивости общества Аристотель считал конфликтность социальных слоев состоятельных и бедных свободных людей, при этом мыслитель подчеркивал ведущую деструктивную роль богатых граждан, осуждая их неумеренность: «государственный строй губит скорее алчность богатых, нежели простого народа» [21, С. 511-512].

Аристотель полагал, что «устойчивым государственным строем», обладающим справедливостью, «бывает единственно такой, при котором осуществляется равенство в соответствии с достоинством и при котором каждый пользуется тем, что ему принадлежит» [21, С. 542-543].

Целью государства является снижение конфликтности социальных слоев и сохранение существующих порядков при разделении политического курса большинством, поэтому институт демократии придает государству долгосрочную устойчивость [21, С. 431]. Наиболее устойчивой формой государственного правления в интересах всеобщей пользы по Аристотелю является полития как симбиоз олигархии и демократии, тяготеющий к демократии с опорой на многочисленный средний класс [21, С. 511-512]. Средний класс является источником стабилизации государства и общества, «соединившись с той или другой крайностью, они [средний класс] обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников» [21, С. 508]. Формирование среднего класса должно проводиться с участием государства, но не с помощью денежно-кредитной политики «вертолетных денег», а путем перераспределения профицита бюджета в пользу беднейших слоев населения, для целевого приобретения ими средств производства [21, С. 579].

Основополагающим принципом социальной устойчивости выступает принцип соразмерности, который характеризует социальную справедливость [23, С. 62-76]. Аристотель выделил два диалектически противоречивых типа социальной справедливости – уравнивающую справедливость как равенство по количеству и распределительную справедливость как равенство по достоинству. Полития направлена на достижение устойчивого идеала социальной справедливости как относительного равенства граждан по достоинству с учетом соблюдения права частной собственности [21, С. 528-529]. В этом вопросе Аристотель расходится с Платоном.

С.Н. Кочеров в статье «Аристотель о счастье как высшей цели государства» отмечает, что высшим проявлением единства платоновский Сократ считал порядок, при котором большинство граждан говорит об одном и том же: «Это – моё!» или «Это – не моё!». Поэтому он предлагал ввести в идеальном государстве общность имущества, жён и детей для стражей, чтобы сделать их образцо-

выми гражданами. В отличие от него, Стагирит понимал государство как живое множество, которое «при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством» (Аристотель 1984, 404; Pol. 1261a17). И, если для упрочения единства ввести в нём общность имущества, жён и детей, люди будут называть предметы совместного владения не «моё», а «наше», что никогда не вызовет в них того воодушевления, которое порождает личное обладание. Обобществление самого дорогого для людей, согласно Аристотелю, породит не единодушие (ὁμόνοια), но раздоры и распри, что уничтожат дружелюбные отношения, которые есть величайшее благо для государства» [22, С. 473]. Формы социальной справедливости, предложенные Аристотелем, не утратили своей актуальности и находят отражение в теории справедливости Дж. Роулза, призванной разрешить проблемы неустойчивости развития современного общества [23, С. 71].

Об условиях обеспечения устойчивости социальной системы Аристотель много пишет в «Политике» [24, С. 431-434]. Однако, делая общий обзор того, как проблема устойчивости отражается во взглядах философов Античности, нецелесообразно просто обозначить её у одних авторов и подробно рассматривать у других.

Как показывает краткий анализ взглядов античных философов, проблема устойчивости в том или ином виде у большинства из них присутствовала при осмыслении устройства Вселенной и социума. В одних случаях на проблему устойчивости специально обращали внимание, в других она подразумевалась в том или ином виде. Космологизм античной философии связал понятие устойчивости с категорией бытия, выражающей Космос, возникающий из Хаоса. Натурфилософские идеи античности послужили основой для возникновения категорий постоянства и изменчивости в философском дискурсе. Устойчивость понимается античными мыслителями как фундаментальное постоянство сущностных характеристик подлинного умопостигаемого бытия и противопоставляется изменчивости мира чувственных вещей, пребывающих в становлении. Когда речь идёт о существовании какого-либо объекта, а не просто о его свойствах, вопрос устойчивости возникает неизбежно. Античные философы заложили теоретическую основу для анализа проблемы устойчивости разного рода объектов, особенно устойчивости социальной и политической систем общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. I / Ин-т философии РАН, Нац. общ. -научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семинин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – 744 с.
2. Руди, А.Ш. Модели устойчивости в развивающейся реальности: монография / А.Ш. Руди. – Омск: Омский научный вестник, 2014. – 230 с.
3. Эллинические поэты VII—III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Ладомир, 1999. – 515 с.
4. Юмкина, Е.А. Предпосылки акмеологического знания в философии Анаксимандра: Серия: Философия / Е.А. Юмкина // Вестник воронежского государ-

- ственного университета. – 2021. – № 3 (41). – С. 158-164.
5. Антология мировой философии в четырех томах. Т. 1 / Философия древности и средневековья, часть 1. – М.: Мысль, 1969. – 576 с.
 6. Вольф, М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид / М. Н. Вольф. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 382 с.
 7. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. (От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики). – М.: Наука, 1989. – 577 с.
 8. Карабущенко, П.Л. Политика и право в философско-элитологическом учении Гераклита Эфесского / П.Л. Карабущенко. – Текст: электронный // Правоведение. – 2017. – №2 (331). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-i-pravo-v-filosofsko-elitologicheskom-uchenii-geraklita-efesskogo> (дата обращения: 15.02.2024).
 9. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. 1 / Секст Эмпирик; вступит. статья и пер. с древнегреч. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1976. – 399 с.
 10. Гатри, У.К.Ч. История греческой философии в 6 т. Т. II: Досократовская традиция от Парменида до Демокрита / У.К.Ч. Гатри; пер. с англ. под ред. И.Н. Мочаловой. – СПб.: Владимир Даль, 2017. – 845 с.
 11. Трофимова, Ю.А. Парменид и Демокрит: учение о бытии и устойчивость. / Ю.А. Трофимова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9(83). – С. 194-196.
 12. Гайденко, П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке / П.П. Гайденко. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
 13. Асмус, В. Платон / В. Асмус. – М.: Мысль, 1969. – 220 с.
 14. Трофимова, Ю.А. Учение Платона о бытии и устойчивость / Ю.А. Трофимова // Манускрипт. – 2018. – № 9(95). – С. 99-102.
 15. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. / Платон. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. – 1311 с.
 16. Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1 / Платон. – М.: Мысль, 1990. – 864 с.
 17. Платон. Собр. соч. в 3 х тт. Т. 3 (1) / Платон. – М.: Мысль, 1971. – 685 с.
 18. Голубев, С.В. Учение Платона об идеальном государстве / С.В. Голубев. – Текст: электронный // Философия и общество. – 2005. – № 1(38). – URL: https://www.socionauki.ru/journal/fio/archive/2005_1 (дата обращения: 15.02.2024).
 19. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3 / Аристотель: Перевод / Вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. – М.: Мысль, 1981. – 613 с.
 20. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Аристотель; Ред. З. Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.
 21. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Аристотель Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
 22. Кочеров, С.Н. Аристотель о счастье как высшей цели государства / С.Н. Кочеров. – Текст: электронный // Schole, СХОЛЭ. – 2020. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aristotel-o-schastie-kak-vysshey-tseli-gosudarstva> (дата обращения: 15.02.2024).
 23. Плаксина, О.И. Устойчивость общества в социально-философском учении Аристотеля / О.И. Плаксина // Научно-теоретичний альманах «Грані». – 2019. – Т. 22. – № 3. – С. 62-76.
 24. Тузов, В.В. Проблема устойчивости социальной системы в «Политике» Аристотеля / В.В. Тузов // Труды XXI Всероссийской научной конференции с международным участием Информационная – Коммуникация – Общество (ИКО–2024) / Санкт-Петербург, 1–2 февраля 2024 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ. – С. 431-434.

© Тузов Виктор Васильевич (tuzov_1950@mail.ru), Куртов Сергей Юрьевич (KurtovSY@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРОВ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» ЧЕРЕЗ КОНЦЕПЦИЮ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ЮНГА

WORKS OF COMPOSERS OF THE "SILVER AGE" THROUGH JUNG'S CONCEPT OF THE COLLECTIVE UNCONSCIOUS

E. Fetisova

Summary: The article presents a philosophical analysis of the music of the "Silver Age" through the prism of Jung's teachings about the collective unconscious. Music is considered as an archetypal given, carrying a sacred meaning, as a way of a special existential perception of the world, helping an individual to spiritually evolve. The musical thinking of the composers of the "Silver Age" is substantiated through mythological and religious value systems, which most clearly manifest archetypal foundations.

Keywords: philosophy of music, archetype, existential value, existential experience, musical harmony, "Silver Age", Russian culture.

Фетисова Евгения Николаевна

*К.ф.н, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», (г. Хабаровск)
evseneya@mail.ru*

Аннотация: В статье представлен философский анализ музыки «серебряного века» через призму учения Юнга о коллективном бессознательном. Музыка рассматривается как архетипичная данность, несущая сакральный смысл, как способ особого экзистенциального восприятия мира, помогающего индивиду духовно эволюционировать. Музыкальное мышление композиторов «серебряного века» обосновывается через мифологическую и религиозную системы ценностей, которые наиболее явно проявляют архетипические основания.

Ключевые слова: философия музыки, архетип, экзистенциальная ценность, экзистенциальный опыт, музыкальная гармония, «серебряный век», русская культура.

Период конца XIX и начала XX вв. для русской культуры ознаменовался большим творческим подъемом, решением новых задач по созданию совершенных образов в литературе, поэзии, балете, музыке. Время это было уникальным и получило красивое название «серебряный век». Русская музыка в это плодотворное время стала стремительно развиваться и приобретать ту уникальную самобытность, которая позволила выделить целое поколение российских композиторов, о которых заговорил весь мир, а их произведения получили статус классических. В творческих исканиях композиторов «серебряного века» прослеживается тенденция к синтезу искусств и вплетения в музыку философских идей и образов, связанных с экзистенциальными переживаниями каждого отдельного человека. Этому способствовало стремление переплести музыку со стихами тех авторов, которые говорили с композитором на одном языке, выражали его понимание мира, его рецепт счастья и любви, его принятие одиночества, смерти, страдания. Подобный тандем композитора и поэта-мыслителя усиливал восприятие музыкального произведения для слушателя, делал более легким вход в его внутренний мир. Слушатель уже не был сторонним наблюдателем, а включался в таинство, подобно актеру, перевоплотившемуся в своего персонажа.

Постоянное обращение композиторов «серебряного века» к вечным темам, которые красной нитью проходили через все философские концепции разных веков и культур, зачастую делает их творчество экзистенциальным и архетипичным.

Целью данной статьи является анализ творчества композиторов «серебряного века» через концепцию коллективного бессознательного швейцарского психиатра Карла Густава Юнга.

С момента появления первых людей на земле, наверное, появилась и музыка. Представить, что человек какое-то время существовал без нее невозможно. Музыка эволюционировала одновременно с человеческой психикой. Самые архаичные составляющие того, что сделали человека человеком, пропитаны гармонией звуков. Когда слушатель погружается в эту гармонию, он окунается в символическую матрицу, которая уже давно знакома. Она передана ему от предков и считается на уровне бессознательного.

Согласно концепции коллективного бессознательного Юнга, архетипы являются органами души и властно заявляют о своем существовании подобно физическим органам, которые не представляют собой пассивную материю, а всегда проявляют себя в системе «человеческое тело». Архетипы являются доминантами бессознательного, детерминирующие психическую жизнь. Сфере бессознательного, состоящей из архетипов (универсальных динамических структур), Юнг присвоил название «коллективное бессознательное». Он не сомневался, что существуют архетипы наследуемые, которые лишены содержания и представляют собой чистую форму, т.е. не содержат личного опыта. Наполняясь личным опытом, архетипы становятся видимы для сознания [10, 18-19]. Возможно, именно в силу своей архаичности музыка

так легко способна преодолевать различные психологические пласты и барьеры, созданные в процессе жизни человека, достигать глубин Я, вынося на поверхность в сознание более сильное и правильное понимание себя и мира вокруг.

Музыка «серебряного века» представлена такими великими композиторами как Н. Римский-Корсаков (поздний период творчества); А. Глазунов, С. Танеев и А. Лядов (расцвет творчества); А. Скрябина и С. Рахманинов, Н. Метнер (развитие творчества) и др. Их творчество пропитано близкими любому человеку экзистенциальными ощущениями времени, новых событий и перемен, кризисных переживаний. В рамках философии существования к тому времени экзистенциальные темы во многом были концептуально оформлены, но не приняты людьми, далекими от науки и философии. Музыкально оформленные, эти концепции превращались в иррациональное знание, а, следовательно, в более привычный потребляемый продукт. К примеру, русские композиторы касались идей космизма, мессианской роли России, вечной борьбы добра и зла, жизни и смерти, свободы и действительности. «Весна священная» И. Стравинского (1913), «Скифская сюита» С. Прокофьева (1915) относят слушателя как раз к языческой архаике, где через обобщенные образы возможно окунуться в коллективное бессознательное. Центральной темой для большинства композиторов того времени была православная культура, ее экзистенциальные ценности и сакральные архетипы.

Зачастую эти темы тесно переплетались с мифологическими и религиозными сюжетами, что дополнительно отсылало слушателя к базовым слоям психики. Также, в этот период популярны были идеи революционной борьбы, и музыканты касались этой темы, но косвенно, больше в рамках народной песни. К ним относят, к примеру, песню «Дубинушка» Н. Римского-Корсакова (1906), «Эй, ухнем!» А. Глазунова (1905). Это прямой отклик на революцию 1905 года. А русская эпическая тематика реализуется в опере «Садко» Н. Римского-Корсакова. Вообще, тема русской народной песни очень популярна в «серебряном веке», через нее композиторы прославляли богатырскую силу, образы старины, вольницы. Эти мотивы прослеживаются в симфониях «Стенька Разин» (1885) и «Кремль» (1890) Глазунова, музыкальной картине «Про старину» А. Лядова.

Глубокий философский смысл несут произведения А. Скрябина. Его творчество высоко ценил Н. Бердяев, который называл творчество Скрябина «надличностным стремлением к открытию «новых миров», стремясь к Вселенским масштабам и представляясь макрокосмом. С другой стороны, Скрябин погружался в глубины внутреннего мира, что можно выразить через понятие микрокосм. Композитор стремился к некоей целостности в описании вселенной. Макрокосм и микрокосм есть

части единого, и в нем присутствует парадоксальная логика и математическая соразмерность частей и целого. Для Скрябина музыка была инструментом спасения мира через красоту. Главным своим сочинением он мыслит «Мистерию». Произведение должно было показать вселенскую задачу – завершение нынешнего цикла существования мира и соединения Мирового Духа с космической Материей в некоем космическом эротическом акте. К сожалению, гений не смог осуществить этот замысел, но остались наброски и стихи Скрябина, которые вдохновляли музыкантов последующих поколений и поддерживали идею преобразование жизни силой искусства.

В произведениях С. Танеева особенно ярко выражена идея абстрагированного представления вечной этической правды. Его творчество духовно и насыщено религиозно-философским содержанием. К примеру, некоторые хоровые и вокальные произведения, кантаты «Иоанн Дамаскин» (1884) и «По прочтении псалма» (1912-1914) относятся к таким работам. В кантате «По прочтении псалма», которую называют истинным духовным завещанием композитора потомкам, явлена универсальная космогоническая идея о смысле существования человека. Смысл этот не в пассивном преклонении перед высшими силами, не в соблюдении религиозных обрядов, а в утверждении нравственного идеала в жизни.

Творчество С. Рахманинова насыщено религиозно-философскими, экзистенциальными взглядами на природу православного искусства. Особенно здесь можно выделить монументальную хоровую литургическую фреску «Всенощное бдение» (1915), в котором воплотились духовные искания художника о судьбе России, размышления о православной культуре. Произведение пронизано сакральными архетипами и символами, которые участвуют в формировании и воспитании духовной ипостаси личности православного человека. Бердяев считал, что истоки культуры носят сакральный характер. Вся культура символична или, если перейти на язык Юнга, архетипична. Литургическое искусство пронизано сакральным символизмом, и Рахманинов гениально смог высветить православные архетипы в своем творчестве. К примеру, в рамках символической теории ритуала антрополога В. Тернера для концептуального понимания природы сакрального пространства молитвопения выделяются «лиминальные» формы культовой деятельности, т.е. состояния «перехода» и «пороговости» [6, 169].

Эти сакральные литургические переживания повлияли на особенности структурно-семантической организации духовно-концертного жанра «Всенощного бдения» С. Рахманиновым. Ценностно-смысловой, экзистенциальный вектор анализа позволяет отметить состояния, в которых в момент соборного действия совершается переход от мирского к священному, от внешнего к внутреннему, интровертированному, рефлексивному мировос-

приятию божественных первообразов. Молитвенное позволяет осуществить диалогический переход в архетипичное пространство, укрепиться в вере через бессознательный скачок к таинствам веры. «Мы-сознание» прорастает и «соединяется едиными устами» с лирическим-исповедальным высказыванием прихожанина «Я-сознания» [1, 826].

Рахманинов воплотил в музыке архетипичность религиозно-символического мышления. Так, в образе-символе поклона-покаяния и прошения духовного песнопения «Приидите, поклонимся Цареву нашему Богу» нашли воплощение важные свойства православного символизма, представленные «хронотопом встречи» сакрального и земного, символизирующие идею преображения личности в процессе молитвенного ритуала. «Волновой принцип отражения-развития музыкального материала, раскрывающий сакральный смысл архетипа «бесконечного времени-вечности» в песнопении способствует расцветанию и углублению архетипического молитвенного состояния, определяющего такие свойства сакрального хронотопа, как континуальность, нелинейность, несимметричность, что является основополагающим и определяющим для всего литургического цикла» [3, 166]. Особенности прочтения и восприятия символического праобраза в молитвенности «Приидите, поклонимся» складываются из взаимодействия трех базовых образов: призыва, прошения и медитации, которые Д.К. Кирнарская называет коммуникативными архетипами, которые «опираются на синтез пространственных, моторно-двигательных представлений» [2, 98].

Природа сакрального хронотопа дополняется воздействием религиозных архетипов, символов, представлений, суть которых Отцы Церкви определяют как возможность «водворить в твари Царство Божие, т.е. приобщить конечное и временное к бесконечному и вечному» [7, 324]. Сквозь позицию авторского высказывания Рахманинов смог донести через время духовно-нравственные архетипичные основы жизни православного человека.

Для Римского-Корсакова важнейшей задачей было воссоздание литургических тем, жанров, символов, первообразов формирования русского национального самосознания. В своем творчестве композитор воплощал архетипические сюжетные и образные модели. Архетипы функционируют на уровнях образов - Тень, Анима, Мудрый старец, Андрогин (самость), младенец — и сюжета, родственного мифу о Деметре и Персефоне, например, в его опере «Снегурочка». Однако у Римского-Корсакова на первый план выходит образ дочери, а образ матери преобразуется в контрастный по характеру женский тип, соперничающий с «иномирной» девой.

В своем диссертационном исследовании Ю. Петрушевич предлагает рассмотреть творчество Римского-Корсакова как единую, цельную систему, в которой действуют законы мифологической поэтики. В ходе анализа, она делает вывод, в творчестве композитора сформировалось то, что создает культура целого народа — единая завершенная мифологическая система, управляемая архетипическими механизмами на микро- и макроуровне [5].

В качестве примера можно привести лесной зов «ау», на котором построена ария Снегурочки «С подружками по ягоды ходить» (1898). Создавая эту оперу, Римский-Корсаков взял готовое народное творчество, которое очень интуитивно и в основе своей содержит культурные народные коды. Сама родная земля передала композитору такой код и стимулировала его воображение. Попевка Снегурочки «ау» является интонационным зерном арии. Лесной зов «ау» благодаря композиторской фантазии превратился в музыкальный образ, в лейттему Снегурочки. «Коллективное бессознательное» как бы вошло в композиторское Я и гениально подсказало решение музыкального образа. «Аукание» Снегурочки является реальным претворением музыкального архетипа лесного зова Северо-Запада России и Тихвинской земли, где родился Римский-Корсаков, наполненной древними верованиями, сказаниями и обрядами. Как отмечал Юнг, «архетип представляет то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и восприимчивым; оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает» [5, с. 135].

Лиро-эпический симфонизм Глазунова был пронизан его экзистенциальными переживаниями. Известный искусствовед того времени А.В. Оссовский характеризовал Глазунова как человека, которому чужды литературные задачи, философские или религиозные тенденции, а только красота душевных эмоций вдохновляла его на великие произведения. Его музыка впечатляет внутренней силой, жизнелюбивым оптимизмом и сочностью красок, лирической теплотой и искренностью. Творчество Глазунова – это магия кричащая, что музыка не материальна, это не просто набор звуков, извлекаемый из инструментов. А это некая привычная человеку архетипичная данность, позволяющая подниматься над материальным, несущая сакральный смысл, это и способ особого экзистенциального восприятия мира, помогающего индивиду духовно эволюционировать. Формат музыкального мышления Глазунова базируется на религиозной системе ценностей, поскольку композитор трактует православие как религию любви, добра, света. Можно сказать, что именно философско-эстетические идеи Истины, Добра, Красоты, Гармонии, Веры как непреходящие вечные ценности, лежат в основе художественно-эстетической концепции художника.

Рассуждения о панморализме в творчестве Глазунова выявляет, существенную черту русского мировоззрения - наличие софийной духовной вертикали, которая характеризуется любовью к человеку и культом Матери-Земли. Это объединяющее начало, которое утверждает важность почитания. Глазунов почитал Софию как предвечный Божественный замысел, а соборный дух в его произведениях — это не эмпирическое бытие, а сверхэмпирическая реальность. Соборные идеи есть способ взаимодействия двух планов бытия - земного и небесного. Современники прозвали Глазунова Бояном, сказителем, поскольку он воспевал Русь, был с нею всей душой, любил русский эпос и Православную веру. В сочинениях композитора мы ощущаем мучительный поиск истины и смысла жизни, торжество гуманистических устоев. Национальное зерно произведений Глазунова включает выразительное мелосное и логосное начало. Его творчество мифологично и, как следствие, архетипично. «рассуждая о музыкальной философии А.К. Глазунова, философствуя о ней, мы пришли к выводу, что хоть она и имеет невербальный язык, тем не менее, его музыка нам видится как невербальная философия - звучащая философия» [9, 105].

К мифологическим и религиозным сюжетам в своем творчестве активно прибегал великий композитор «серебряного века» А.К. Лядов. Среди самых известных его сочинений - симфонические поэмы «Танец Амазонки», «Кикимора», «Баба-Яга», «Волшебное озеро», «Скорбная песнь», «Из Апокалипсиса», сюита «Восемь русских песен» для оркестра. Композитор составил несколько сборников русских народных песен. Так же, его волновали духовные, религиозные основания жизни человека, которые мы находим, например, в «Ежечасная молитва святителя Иосафа Горленко» (1910) и сборнике «Десять переложений из Обихода» (1909), хотя к этой тематике он обращался редко. Лядов считал, что в искусстве - спасение и ответы на все вопросы. В его творчестве хорошо прослеживаются особенности национального сознания через философию русского религиозного космизма. Космос композитор мыслил, как единый живой организм, смысл которого можно постичь через творчество высокого порядка, внося в него красоту, свет, любовь и гармонию. Это возможно для истинного художника, творчество которого способно нравственно очищать душу человека, приобщать к высокой поэтике Космоса. Мироощущение Лядова пронизано языческой культурой Древней Руси, архаичными пластами русской песенности («зовам», закличкам, народно-инструментальным наигрышам, попевкам, заклинаниям, плачам-причитаниям, колыбельным). Его музыку можно назвать персональной космогонией, впитавшей русский фольклор и стихийную донаучную мудрость народа, его лада с миром, гармонию с природой, землей-матуш-

кой. Природа для художника является темой философской рефлексии. Суть лядовского реализма состоит в познании человеческой души через поэтические одушевленные образы матушки-природы (леса, волшебного озера), сказочных персонажей (лешего, русалок, кикиморы, водяного, темных сил, Бабы-Яги, русских богатырей). Все это символы-архетипы, которые, если можно так сказать, являются основой русского коллективного бессознательного, так гениально вплетенного в произведения художника [8].

Особое место в истории русской и мировой музыкальной культуры занимает самобытный композитор, пианист, музыковед и педагог Николай Метнер. Его произведения отличаются рефлексивной направленностью, а излюбленными образами являются лирико-философские наряду с лирико-драматическими и лирико-эпическими. Метнера по праву считают музыкантом-философом, любимыми мыслителями которого были А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и И. Гете. Он дружил с русским религиозным философом Иваном Ильиным, взгляды которого оказали влияние на мировоззрение композитора. Метнер стал автором ряда статей и монографии «Музы и моды» (1935). В монографии он обосновал свою идею классического искусства прошлых веков как некий идеал, над которым мода не властна. Символом вечного искусства он называет Музу. Метнер размышляет об экзистенциальных основах искусства и боготворит художника-творца, обращенного к духовным проблемам и ищущего совершенной и законченной формы для их воплощения в творчестве. Его музыка отличается духовной зрелостью, связью с религиозными основами жизни, демонстрирует музыкально-философский склад мышления. Метнер, размышляя об основаниях творчества, говорит о вдохновении, которое является сверхсознательным прозрением, приближением к познанию божественной сущности и сути бытия, когда к творцу приходят образы-видения и воплощаются в музыкальном звучании [4]. А эти откровения мыслителя отсылают нас к концепции коллективного бессознательного Юнга.

Таким образом, музыка «серебряного века» во многом архетипична и символична. Архетип проникает в человеческое бытие как первичный источник переживания человека. Как отмечал Юнг, «бесполезно заучивать наизусть список названий архетипов. Они являются комплексами переживаний, вступающих в нашу личную жизнь и воздействующих на нее как судьба» [11]. Музыка «серебряного века» через музыкальные интонационные коды отражала социальное и национальное бытие человека. В творчестве композиторов эпохи отразились тенденции развития искусства того времени: диалогичность, индивидуализм, самопознание, символичность, религиозно-философское осмысление действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арановский М.Г. Расколота целостность // Русская музыка и XX век / ред.-сост. М.Г. Арановский. М., 1997. С. 819-884.
2. Кирнарская Д.К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности. М.: Talanty - XXI век, 2004. 496 с.
3. Кладова И.П. С.В. Рахманинов. «Всенощное бдение»: о восприятии православных архетипов и символов сакрального хронотопа // Вестник музыкальной науки. 2023. Т. 11. № 4. С. 158-168.
4. Метнер Н.К. Муза и мода. Защита основ музыкального искусства / Н.К. Метнер. - Париж: YMCA PRESS, 1978. - 156 с.
5. Петрушевич Ю.Ю. Архетипические мотивы в оперном творчестве Н.А. Римского-Корсакова // Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Российская академия музыки им. Гнесиных. Москва, 2008, 209 с.
6. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 273 с.
7. Флоренский П.А. Избранные труды по искусству. М.: Изобраз. Искусство, 1996. 332 с.
8. Чупахина Т.И. Идеи русского космизма в музыке А.К. Лядова // Омский научный вестник. 2010. № 1 (85). С. 220-222.
9. Чупахина Т.И. Панморалистические идеи философской концепции А.К. Глазунова // Международный научно-исследовательский журнал, 2016 №6-4(48), С. 103-105.
10. Юнг К.Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге мёртвых» // Тибетская книга мёртвых. Спб.: Изд-во Чернышева, 1992. 255 с.
11. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 124-133.

© Фетисова Евгения Николаевна (evseneya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКОГО ПОНИМАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР: МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОЛЛЕКТИВИЗМОМ

ANALYSIS OF THE PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF YOUTH SUB-CULTURES: BETWEEN INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM

**A. Khasuev
A. Denisova
N. Proner**

Summary: This article explores the ideological aspects of contemporary youth subcultures, presenting them as environments for the formation and expression of the unique values, beliefs, and goals of the younger generation. The focus of the article is on various ideological aspects such as individualism and self-realization, alternative values, protest and activism, creativity and experimentation, as well as tolerance and multiculturalism. Through the analysis of these aspects, the article aims to reveal the essence and role of youth subcultures in modern society, as well as to identify their influence on cultural, social, and political spheres. The research is conducted using contemporary theoretical and empirical approaches, making it a significant contribution to understanding the current dynamics and challenges associated with youth subcultures.

Keywords: youth subcultures, ideology, individualism, collectivism, alternative values, protest, activism, creativity.

Хасуев Асланбек Эйляевич

*к.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им А.А. Кадырова»;
в.н.с. отдела общественных наук, института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
alarih95@gmail.com*

Денисова Алла Борисовна

*доцент, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
den-alla@yandex.ru*

Пронер Нина Сергеевна

*Кандидат философских наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет
kafedr.p@yandex.ru*

Аннотация: Данная статья исследует идеологические аспекты современных молодежных субкультур, представляя их как среду формирования и выражения особых ценностей, убеждений и целей молодого поколения. Фокус статьи сосредоточен на различных идеологических аспектах, таких как индивидуализм и самореализация, альтернативные ценности, протест и активизм, креативность и эксперименты, а также толерантность и мультикультурализм. Через анализ этих аспектов статья стремится раскрыть сущность и роль молодежных субкультур в современном обществе, а также выявить их влияние на культурную, социальную и политическую сферы. Исследование проводится с использованием актуальных теоретических и эмпирических подходов, что делает его важным вкладом в понимание современных динамик и вызовов, связанных с молодежными субкультурами.

Ключевые слова: молодежные субкультуры, идеология, индивидуализм, коллективизм, альтернативные ценности, протест, активизм, креативность.

Введение

Молодежные субкультуры представляют собой динамичные и разнообразные явления, которые активно формируются и развиваются в современном обществе. Они становятся объектом интереса философии, так как отражают глубокие социокультурные процессы и философские аспекты человеческой самоидентификации. В рамках философского анализа молодежных субкультур выявляется целый спектр философских категорий, среди которых ключевыми являются индивидуализм и коллективизм.

Индивидуализм и коллективизм представляют собой две противоположные концепции, которые акцентируют внимание на различных аспектах человеческой жизни. Индивидуализм подчеркивает уникальность и самореализацию каждого индивида, в то время как коллективизм уделяет приоритет интересам группы или об-

щества в целом. В контексте молодежных субкультур эти две концепции взаимодействуют и пронизывают их формирование, идентичность и ценностные ориентации.

Цель данной статьи состоит в проведении философского анализа молодежных субкультур с учетом противопоставления между индивидуализмом и коллективизмом. Через рассмотрение этих двух философских категорий мы сможем лучше понять сущность и значение молодежных субкультур в современном обществе, а также выявить их роль в формировании и эволюции социокультурных процессов.

Индивидуализм – это философская концепция, которая придает первостепенное значение индивидуальной свободе, автономии и самореализации. Этот принцип утверждает, что каждый человек уникален и обладает правом на самовыражение и самоопределение. В контексте молодежных субкультур, индивидуализм являет-

ся важным аспектом, определяющим их идентичность и ценностные ориентации [4, с. 55].

Основные черты индивидуализма в молодежных субкультурах включают:

- **Самовыражение через стиль и образ жизни:** Молодежные субкультуры часто проявляют индивидуализм через уникальные стили одежды, музыкальные предпочтения, татуировки, прически и другие аспекты внешнего вида. Эти выражения индивидуальности помогают членам субкультуры выделиться из общей массы и выразить свою уникальность. Одежда, аксессуары и стиль макияжа становятся не просто средствами придания внешнего вида, но и способами выражения своих внутренних чувств, идентичности и убеждений. Каждый элемент стиля важен, поскольку он служит символом и выражением индивидуальности члена субкультуры, подчеркивая его принадлежность к определенному сообществу и выделение из общественного потока.
- **Самореализация и самоопределение:** Индивидуализм в молодежных субкультурах подчеркивает не только необходимость поиска собственного пути и идентификации, но и активное стремление к его осуществлению. Члены субкультуры уделяют особое внимание развитию своих уникальных способностей и интересов, а также поиску смысла в своих действиях и решениях. Они стремятся к выражению своей индивидуальности не только через внешний облик, но и через свои убеждения, творческие достижения и личностные качества. Для молодежи индивидуализм часто связан с необходимостью самопознания и понимания своих собственных желаний, целей и потребностей, что позволяет им более осознанно строить свою жизнь и достигать личного успеха.
- **Отказ от стандартов и конформизма:** Молодежные субкультуры активно выражают свой индивидуализм через отказ от стандартов и конформизма. Они отвергают общепринятые нормы поведения, моды и образа жизни, предпочитая свободное самовыражение и уникальность. Этот отказ может проявляться в различных формах, включая отказ от традиционных образцов красоты, жизненных целей или социальных ожиданий. Члены субкультуры часто стремятся создать альтернативные культурные модели, которые отражают их собственные убеждения и ценности, а также выражают их стремление к автономии и самостоятельности. Отказ от конформизма в молодежных субкультурах не только подчеркивает индивидуальность и неповторимость каждого человека, но и способствует разнообразию и культурному развитию общества в целом [1, с. 87].

- **Поиск смысла и идентичности:** Кроме того, для молодежных субкультур индивидуализм часто служит способом поиска и утверждения своей уникальной идентичности в мире, насыщенном разнообразием культурных и социальных влияний. Члены субкультуры стремятся выделиться из толпы и выразить свою личность через уникальные предпочтения, стили и интересы. Этот поиск собственной идентичности важен для развития психологического благополучия и самосознания молодежи, а также способствует формированию креативных и самостоятельных мыслителей в обществе.

Индивидуализм в молодежных субкультурах не только выражает желание каждого индивида быть уникальным, но также является движущей силой для изменений в обществе. Через свои выражения индивидуальности и непокорности субкультуры могут вызывать дискуссии, привлекать внимание к социальным проблемам и стимулировать культурные инновации.

Коллективизм – это философская концепция, которая выделяет значимость коллектива, группы или общества в целом над интересами и потребностями отдельного индивида. Этот принцип подчеркивает важность солидарности, сотрудничества и общественного благополучия как приоритетных ценностей.

Идеи коллективизма возникали и развивались в различных культурных, социально-политических и философских контекстах. В некоторых обществах коллективизм отражается в форме сильной социальной кооперации, где индивидуальные интересы подчинены интересам группы или общества. Примером такого коллективизма может служить традиционная общественная система, где семьи или кланы считаются основными единицами социальной организации, а решения принимаются коллективно с учетом общего блага [7, с. 166].

В политическом контексте коллективизм может проявляться в форме коллективного владения средствами производства или в общественном распределении ресурсов с целью обеспечения равенства и справедливости. Это часто связано с идеей социализма или коммунизма, где признается приоритет коллективных интересов перед интересами индивида.

В моральном и этическом аспекте коллективизм выражается в признании важности общественных ценностей, эмпатии к другим членам общества и готовности приносить жертвы во благо коллектива. Эта концепция также поддерживает идею социальной ответственности и взаимопомощи.

В контексте молодежных субкультур коллективизм может проявляться в форме групповых идентичностей,

общих ценностей и целей, а также в стремлении к общественным изменениям и активизму. Молодежные движения, направленные на защиту окружающей среды, прав человека или других социальных проблем, часто основаны на идеях коллективизма и солидарности.

Однако стоит отметить, что экстремальный коллективизм также может приводить к ограничению индивидуальных свобод и прав, подавлению разнообразия мнений и идей, а также к нарушению прав личности. Поэтому баланс между коллективизмом и индивидуализмом остается важным вопросом для общественной и философской дискуссии.

Индивидуализм и коллективизм играют значимую роль в определении сущности молодежных субкультур, формируя их идентичность, ценности и характеристики.

С одной стороны, индивидуализм влияет на молодежные субкультуры, подчеркивая необходимость самовыражения и самореализации каждого участника. Это проявляется в стремлении к уникальности и оригинальности, в создании индивидуальных стилей, в выражении собственных идей и в поиске смысла жизни в личном опыте. Молодежные субкультуры, основанные на индивидуализме, часто выделяются своей нестандартностью, антиконформизмом и стремлением к свободе от стереотипов [2, с. 101].

С другой стороны, коллективизм также формирует сущность молодежных субкультур, подчеркивая важность общности и солидарности внутри группы. Молодежные субкультуры, основанные на коллективизме, могут выделяться сильными групповыми идентичностями, общими ценностями и целями, а также взаимной поддержкой и сотрудничеством. Эти субкультуры часто формируются вокруг определенных музыкальных жанров, культурных движений или социальных инициатив, которые объединяют молодежь в общих убеждениях и целях.

Более того, молодежные субкультуры часто находятся на пересечении между индивидуализмом и коллективизмом, принимая элементы обеих концепций в своей сущности. Например, внутри группы могут существовать различия в индивидуальных проявлениях, но все члены субкультуры объединены общими целями и ценностями. Это позволяет молодежным субкультурам выражать уникальность каждого участника, сохраняя при этом единство и солидарность группы в целом.

Таким образом, индивидуализм и коллективизм определяют сущность молодежных субкультур, обуславливая их формирование, развитие и взаимодействие с обществом. Эти две концепции являются ключевыми элементами, через которые молодежь стремится к само-

выражению, самореализации и социальной принадлежности, формируя разнообразные и динамичные культурные движения и сообщества.

Молодежные субкультуры часто находятся на пересечении этих двух философских принципов. Некоторые субкультуры, например, панк или хиппи, выделяются своим индивидуализмом, призывая к отказу от стандартов и конформизма в пользу свободы самовыражения. Другие субкультуры, например, группы, объединенные вокруг определенных музыкальных жанров или спортивных интересов, могут проявлять более коллективистские черты, подчеркивая общие ценности и взаимную поддержку [10, с. 73].

Однако важно отметить, что индивидуализм и коллективизм в контексте молодежных субкультур не всегда противопоставлены друг другу. Напротив, они часто взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Например, индивидуальная свобода и самореализация могут быть достигнуты через участие в коллективе, где каждый член признается и уважается за свою уникальность.

Философский анализ молодежных субкультур помогает понять их роль и значение в современном обществе. Он позволяет рассмотреть их не только как формы самовыражения и идентификации, но и как философские конструкции, которые отражают сложные социокультурные динамики. Индивидуализм и коллективизм, как две важные философские категории, играют ключевую роль в формировании и эволюции молодежных субкультур, отражая баланс между свободой и солидарностью, между самостоятельностью и общностью [6, с. 60].

Современные молодежные субкультуры представляют собой разнообразные группы молодых людей, объединенных общими интересами, ценностями, образом жизни и стилем. Идеологические аспекты играют важную роль в формировании и развитии этих субкультур, определяя их основные принципы, цели и направления. Вот некоторые из основных идеологических аспектов современных молодежных субкультур:

1. многие современные молодежные субкультуры отражают стремление к индивидуальной свободе и самореализации. Они поддерживают идею, что каждый человек уникален и имеет право на выражение собственной личности без ограничений со стороны общественных норм и стереотипов. Этот идеологический аспект проявляется в разнообразных формах самовыражения, включая музыкальные предпочтения, стиль одежды, татуировки и пирсинг;
2. многие молодежные субкультуры выделяются своими альтернативными ценностями, которые отличаются от традиционных общественных стандартов. Это могут быть ценности экологической

осознанности, социальной справедливости, гендерного равенства, пацифизма и т.д. Идеологический акцент на такие ценности часто влияет на поведение и деятельность представителей этих субкультур;

3. многие молодежные субкультуры пропагандируют идею протеста и активизма по отношению к существующему социальному, политическому или культурному порядку. Они выступают против институционализированного насилия, социальных неравенств, эксплуатации или других форм несправедливости. Идеологические принципы протеста и активизма могут привести к организации массовых мероприятий, гражданских акций, политической деятельности и других форм выражения гражданской позиции;
4. многие молодежные субкультуры выделяются своей креативностью и стремлением к экспериментам в различных областях, таких как музыка, искусство, мода, технологии и другие. Идеологический акцент на креативность и эксперименты может способствовать развитию новаторских идей, стилей и тенденций в культуре и обществе;
5. некоторые молодежные субкультуры пропагандируют идеалы толерантности, взаимопонимания и мультикультурализма. Они отвергают предвзятость и дискриминацию на основе расы, пола, сексуальной ориентации, религии и других социокультурных характеристик. Идеологический акцент на толерантность и мультикультурализм может способствовать формированию более открытого и инклюзивного общества.

Такие субкультуры стремятся к созданию пространства, где каждый человек может чувствовать себя принятым и уважаемым, независимо от его культурного или социального фонда. Они активно поддерживают культурное разнообразие и признают важность взаимодействия и обмена между различными культурами и сообществами. Такие идеологические принципы стимулируют развитие диалога, сотрудничества и взаимопонимания между людьми различных культур и национальностей, что способствует укреплению социальной когезии и гармонии в обществе [8, с. 117].

Толерантность и мультикультурализм в современных молодежных субкультурах выражаются не только в символических жестах поддержки разнообразия, но и в конкретных действиях, направленных на борьбу с дискриминацией, создание включительных пространств и привлечение внимания к вопросам социальной справедливости. Такие идеологические аспекты могут способствовать формированию более эмпатичного и осознанного поколения, готового к принятию различий и построению гармоничного и равноправного общества.

Эти идеологические аспекты служат основой для формирования и развития современных молодежных субкультур. Они определяют цели, ценности, убеждения и деятельность представителей этих субкультур, а также их влияние на культурную, социальную и политическую сферы общества.

Креативность и эксперименты играют ключевую роль в идеологических аспектах современных молодежных субкультур. Эти субкультуры отличаются стремлением к инновациям, нестандартным подходам и разнообразию выражения. Идеологический акцент на креативность и эксперименты влияет на формирование участников субкультур как индивидуальностей, способных к самовыражению и творчеству, а также на развитие культурного и художественного разнообразия в обществе.

В области музыки, молодежные субкультуры часто принимают новаторские музыкальные направления и жанры, а также создают собственные музыкальные коллективы и проекты. Эксперименты с звуком, стилем и текстами песен становятся важным способом выражения идентичности и креативности для участников субкультур.

В сфере искусства, молодежные субкультуры могут поддерживать нестандартные формы выражения, такие как уличное искусство, граффити, уличные перформансы и прочие. Эксперименты с формой, цветом, текстурой и материалами становятся способом не только самовыражения, но и социального комментария или протеста.

В моде и стиле, молодежные субкультуры часто создают собственные модные тенденции и тренды, отличающиеся от традиционных моделей. Эксперименты с одеждой, аксессуарами, прическами и макияжем становятся способом выражения индивидуальности и принадлежности к определенной субкультуре.

Заключение

Идеологические аспекты современных молодежных субкультур играют значительную роль в формировании и развитии общественной жизни, культуры и политики. Они отражают стремления, ценности и убеждения молодых людей, а также их готовность к протесту, творчеству и социальной активности. Понимание этих идеологических аспектов позволяет более глубоко проникнуть в сущность молодежных субкультур и их влияние на общественные процессы.

Современные молодежные субкультуры несут в себе разнообразие идей, начиная от индивидуализма и самореализации до толерантности и мультикультурализма. Они представляют собой площадку для выражения самобытности, поиска смысла жизни, а также борьбы за

свои права и установление своего места в обществе.

Важно отметить, что молодежные субкультуры не ограничиваются только аспектами индивидуализма или коллективизма, а часто сочетают в себе различные идеологические принципы в разной степени. Это позволяет им быть более динамичными и адаптивными к изменяющимся условиям и вызовам современного мира.

В конечном счете, идеологические аспекты современных молодежных субкультур подчеркивают их важное место в формировании социокультурной ландшафта общества и их способность вносить существенный вклад в развитие культуры, искусства, политики и других сфер жизни. Понимание и уважение этой разнообразной культурной мозаики помогает обществу строить более открытое, инклюзивное и динамичное будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриянов, В.М. (2015). Молодежные субкультуры как инструмент социализации молодежи: теоретико-методологический анализ. Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки», (27), 88-94.
2. Богданова, Н. (2017). Молодежные субкультуры в современной России: основные тенденции и динамика. Молодежные исследования, 2(52), 43-49.
3. Васильев, С.В. (2018). Молодежные субкультуры: понятие и типология. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Философия, социология, исследования культуры, (4), 478-483.
4. Громова, Е. (2019). Молодежные субкультуры как социокультурный феномен современного общества. Историческая и социально-образовательная мысль, 11(3), 126-131.
5. Дмитриева, Н.А. (2016). Молодежные субкультуры: основные направления и проявления в современном обществе. Молодежные исследования, 1(47), 34-39.
6. Ермаков, В.В. (2017). Социальные функции молодежных субкультур в современной России. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки», 17(3), 28-32.
7. Калюжный, В.Н. (2018). Молодежные субкультуры: сущность и проявления. Вестник Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки», 160(1), 65-70.
8. Леонтьева, О.В. (2016). Молодежные субкультуры: история, современность, перспективы. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 16(3), 539-545.
9. Смирнова, Е.В. (2017). Современные молодежные субкультуры в России: социокультурный анализ. Вестник Московского университета. Серия 12: Психология, (1), 29-34.
10. Федотов, С.В. (2019). История возникновения и развития молодежных субкультур в России. Молодежные исследования, 3(61), 15-21.

© Хасуев Асланбек Эйляевич (alarih95@gmail.com), Денисова Алла Борисовна (den-alla@yandex.ru),
Пронер Нина Сергеевна (kafedr.p@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

An S. – Altai State Pedagogical University

Anisimova Yu. – Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Belskikh A. – St. Petersburg State University

Burykina M. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Cherepanova A. – Pacific State University (Khabarovsk)

Denisova A. – Associate Professor, National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Dorosheva E. – Candidate of Biological Sciences, Novosibirsk State University, Research Institute of Neuroscience and Medicine

Dubrovina S. – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Fetisova E. – Ph.D., Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University", Khabarovsk

Gill E. – Associate Professor, Novgorod State University Yaroslav-the-Wise

Karabinskaya O. – Ph. D. in medical science, Assistant, Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Khasuev A. – PhD, Associate Professor, Chechen State University named after A.A. Kadyrov; Senior Researcher Department of Social Sciences, Institute of Humanities Research, Academy of Sciences of the Chechen Republic

Konovalova E. – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Kopachevskaya M. – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

Kovaleva M. – Ph. D. Associate Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service

Kozhevina A. – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Baikal State University (Irkutsk)

Krapchunov D. – Novgorod State University Yaroslav-the-Wise

Kurtov S. – Postgraduate student, Saint Petersburg Electrotechnical University

Maroyan H. – postgraduate student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Orlova E. – candidate of psychological sciences, assistant professor, Moscow State Institute of Music named after A.G. Schnittke

Orlova E. – Ph. D. Associate Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service

Petrova S. – Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar

Ponomarenko O. – Altai State Pedagogical University

Pozdnyakova A. – PhD student, Moscow Institute of Psychoanalysis

Proner N. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University

Ragulina M. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Pacific State University (Khabarovsk)

Rushenko M. – graduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management

Sattarova A. – Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Semenova A. – Candidate of psychological sciences, associate professor, Novorossiysk branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University"

Tuzov V. – Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg Electrotechnical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).